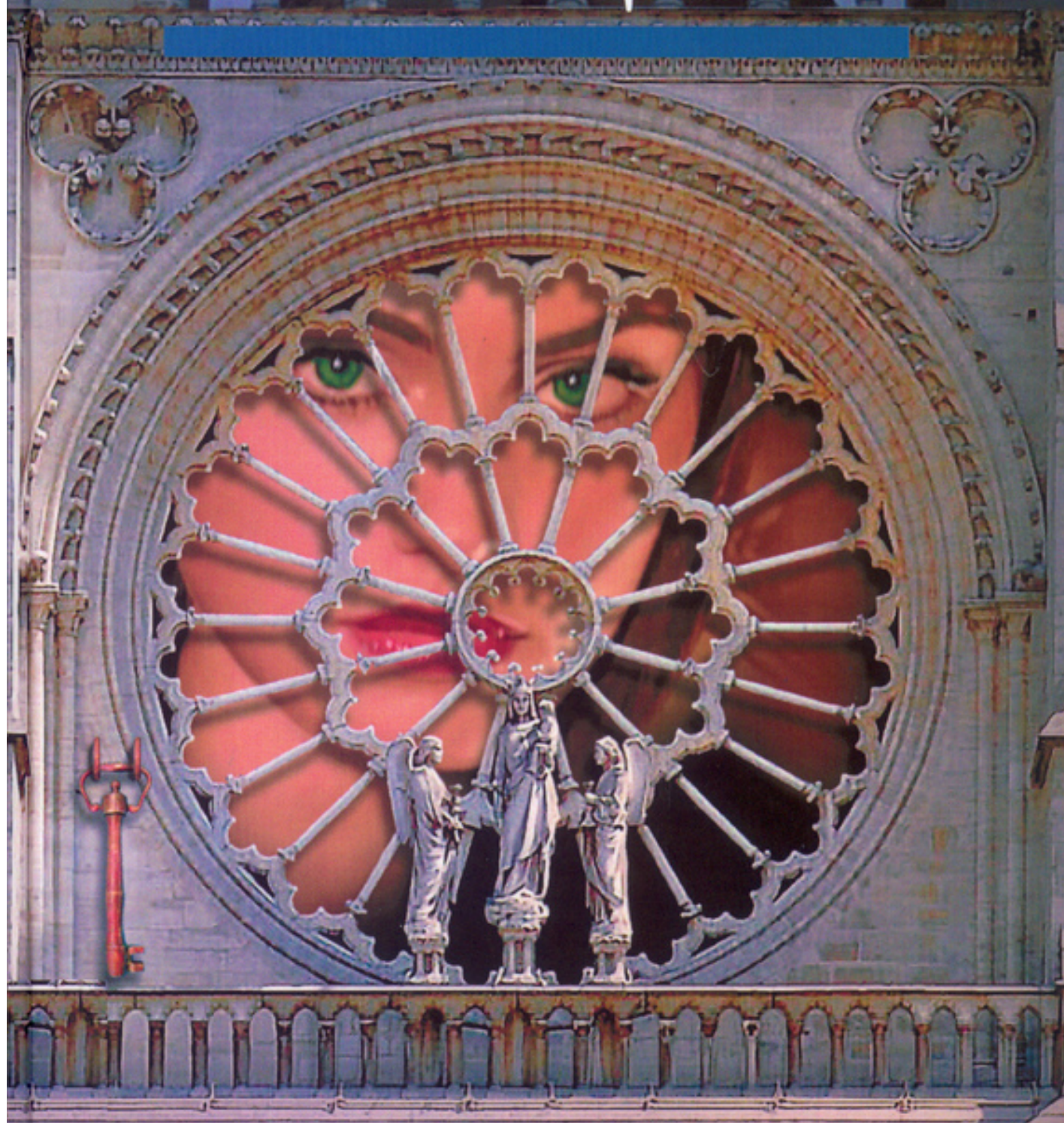

Галина
ЛАВЕЦКАЯ

Между любовью
и любовью

Галина Лавецкая

Между любовью и любовью

«Спорт»

2014

ББК 47.2.1.2.1

Лавецкая Г. С.

Между любовью и любовью / Г. С. Лавецкая — «Спорт», 2014

ISBN 978-5-906131-36-2

Новый роман Галины Лавецкой – это семейная история, рассказывающая о жизни и судьбе трех поколений с начала 60-х годов и до наших дней. Плавное повествование о беззаботном детстве героини, дочери высокопоставленного советского чиновника, неожиданно сменяется острым драматическим сюжетом. Талантливая писательница Вика Велехова, так и не реализовавшая свой дар, долгие годы мечется между мужем и любовником, между мечтами о настоящем творчестве и нежеланием что-либо изменить. Она грешна, нерешительна, отчаянно маневрирует между правдой и ложью, пытаясь сохранить свой маленький мирок. Сможет ли она в конце концов обрести ту гармонию, о которой мечтает?

ББК 47.2.1.2.1

ISBN 978-5-906131-36-2

© Лавецкая Г. С., 2014

© Спорт, 2014

Содержание

Часть первая. Викуся	7
Часть вторая. Стас	15
Часть третья. Алик	31
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Галина Лавецкая

Между любовью и любовью

© Лавецкая Г. С., 2014

© Издательство «Человек», издание, оформление, 2014

* * *

Галина Лавецкая, автор известной читателю книги «Время Скорпиона», родилась в Москве, по профессии – ассистент режиссера. Сменив в жизни много занятий, легко и уверенно вошла в современную литературу. Ее проза отличается живыми сюжетами, тонким стилем, юмором и драматизмом. Герои настолько легко и естественно живут на страницах книг писательницы, что отчетливо представляешь их лица, слышишь их голоса, полностью погружаешься в их переживания.

Посвящается Марианне К.

*Всего-то надо – чтоб была свеча,
Свеча простая, восковая,
И старомодность вековая
Так станет в памяти свежа.
И поспешит твое перо
К той грамоте витиеватой,
Разумной и замысловатой,
И ляжет на душу добро.*

Белла Ахмадулина

Часть первая. Викуся

До десяти лет Викуся жила с родителями сначала в Брюсселе, а потом в Париже.

Брюссель ей никак не запомнился, а Париж помнила хорошо. Викусин папа работал в посольстве. Чем он занимался, она не знала, при ней родители никогда о делах не говорили.

Но на детском празднике один мальчишка сказал другому, новенькому: «Не играй с Викой, у нее отец, знаешь, кто! Толкнешь нечаянно – упадет, отцу пожалуется. Мне мама не разрешает с детьми начальников играть».

Эти мальчишки были детьми техперсонала. Даже маленькая Вика знала, что есть дипломаты и техперсонал – водители, уборщицы, повара, садовник и библиотечарша Валя.

Мальчишка врал, детям никто не запрещал играть. В школе учились все вместе, концерты к празднику готовили тоже все ребята. Андрюша Бобров был сыном повара, но пел так хорошо, что на всех концертах выступал первым. После выступлений всем маленьким артистам жена посла, Анна Васильевна, дарила подарки. Андрюше – первому и самую большую коробку.

Праздники отмечались всегда: детский концерт, потом выступали взрослые, и в конце всех приглашали в большую столовую, там были накрыты столы. Приходили дипломаты и техперсонал – нарядные, веселые. Это были неофициальные приемы, для сотрудников. А на официальные допускались только дипломаты, туда приглашались иностранцы, и это считалось работой.

Мама и папа ходили на приемы очень часто: в свое посольство, во все иностранные и на государственные мероприятия. Папа должен был представлять свою страну.

Вика любила провожать их. Входил папа в смокинге с бабочкой или в модном костюме, красивый, высокий. А мама в длинном черном бархатном или в синем атласном платье с меховой накидкой на плечах.

– Как тебе, Левушка? – спрашивала она. – Может, надеть кремовое на бретельках и взять светлую норку?

– Во всех ты, душенька, нарядах хороша! – улыбаясь, пел папа. У него был хороший голос.

– Да ну, Лева, я серьезно.

– А серьезно, дорогая, мы можем опоздать, а это по протоколу недопустимо.

– Папа, а ты мне с приема что-нибудь принесешь? – всегда спрашивала Викуся.

– А что бы тебе хотелось, мышонок?

– Ну, что-нибудь очень вкусное.

– Шоколадное мороженое устроит?

– Да, да, очень устроит! – радовалась Вика.

– Лева, мы же опаздываем! Что ты морочишь голову ребенку? Вика, иди умываться и спать. Валя за тобой присмотрит.

Они уходили, Вика ложилась спать. А библиотечарша Валя устраивалась в гостиной с книгой дожидаться родителей. Утром Вика находила в холодильнике шоколадное мороженое или какое-то удивительно красивое пирожное. Папа никогда не забывал по дороге домой заехать в ночной магазин или кафе и привезти Викусе «вкусное».

Москву она совсем не знала. Помнила объемные кожаные чемоданы, которые под руководством мамы грузили в машину. Толчея аэропорта или мягкий уют спального вагона и опять чемоданы. Потом бабушка и дедушка обнимали и целовали Вику, приходили гости, тоже целовали и говорили, как она выросла. Взрослые сидели за столом долго, а ее укладывали спать. На следующий день она уезжала с дедушкой и бабушкой на дачу, где оставалась до отъезда. На даче Викусе нравилось. Там жила тетя Ната, которая закармливала ее сладостями, в заросшем саду был гамак, беседка и большая добрая собака Плюшка. И еще речка, куда она ходила с дедушкой. Приезжали папа с мамой, бабушка пекла пироги, а папа с дедом жарили шашлыки.

Вика с Плюшкой крутились возле них. Вике нравилось смотреть на огонь, а Плюшка прибежала на запах. Через месяц папа уезжал, а мама с Викасей оставались до конца лета.

Когда она перешла в третий класс, папу назначили послом в одну из стран Ближнего Востока. Это было повышение, но мама не радовалась. Климат не подходящий для ребенка, детей всего пятеро, разделены на две группы – по возрасту, и одна учительница. Что это может быть за обучение? Решили Вика отправить в Москву и определить в МИДовский интернат. Бабушка устроила целый бунт со слезами, но мама уже все решила. В интернате преподавание на хорошем уровне, есть дополнительные занятия по языку. Дети целый день под присмотром и занимаются делом. Есть спортивный зал, питание прекрасное...

– Какое там питание! – вздохнула бабушка. – Такого маленького ребенка и в чужие руки.

– Вике скоро десять, мама. Надо ее приучать к самостоятельности. А ты разбалуеть, будет баклуши бить. На выходные будете забирать домой, на каникулы тоже.

И Вика стала жить в интернате. Сначала скучала по папе с мамой, а потом привыкла, и ей понравилось. Интернат находился в Измайлово, рядом с парком. Территория была большая, зеленая. В главном корпусе жили мальчики, была столовая и кабинет директора.

У девочек был свой двухэтажный особнячок. И отдельно стоял корпус, где находились классы, спортивный и актовый залы.

В комнатах жили по три-четыре человека. Вика жила с двумя девочками из своего класса. У одной родители работали в Австрии, у другой – в Индии. Учительница была молодая, веселая. После занятий ими занималась воспитательница Прасковья Ивановна. Она была строгая, и девочки ее побаивались. Воспитательница проверяла, как они сделали домашнее задание, водила их гулять в парк и в столовую. После ужина было свободное время, а в девять отбой. Большие девочки жили на втором этаже и в девять не ложились. А на первом – заступала на дежурство ночная няня. Так что они находились под присмотром не только днем, но и ночью.

В интернате было интересно, работали кружки рисования и лепки, балльных танцев, музыкальные. И конечно, разные спортивные секции. Вика сразу записалась на балльные танцы и ходила с удовольствием. Она подробно писала родителям о своей жизни. Письма складывались в почтовый ящик возле столовой, и их отправляли диппочтой. Письма от родителей раздавала учительница после уроков. Мама писала Вике часто, присылала фотографии их виллы с бассейном и ждала на летние каникулы.

К родителям Вика полетела одна. К ним домой приехал человек из МИДа, взял Вика с чемоданчиком и отвез в Шереметьево. Провел через паспортный контроль и сдал на руки стюардессе. Документы тоже отдал ей, и она расписалась на какой-то бумажке. Всю дорогу стюардесса приставала к Вике, предлагая ей еду, чай, сок и спрашивая, не хочет ли она в туалет. Когда прилетели, довела Вика до паспортного контроля, где ее ждал папа. На улице было жарко, как в бане, но в машине прохладно. Автомобиль был большой, черный, с флажком Советского Союза. Водителя звали дядя Миша. Завезли папу в посольство и поехали на виллу. Вика знала, что послы всегда живут отдельно, а не в доме с остальными сотрудниками. Вилла находилась на тихой и зеленой улице. Мама обрадовалась, показала Вике дом, ее комнату, новые платья и игрушки. Везде работал кондиционер, было прохладно, но ей хотелось в сад к бассейну. Мама разрешила только ближе к вечеру, чтобы она не получила с непривычки солнечный удар. Вика плавала и возилась в бассейне до ужина. Это стало ее любимым занятием, поскольку больше заняться было нечем и поиграть не с кем. Дети в посольстве, конечно, были, приехали на лето к родителям, но возить Вика туда никто не собирался.

Иногда дядя Миша отвозил их на море. Они заходили в большой отель и проходили на пляж. Мама сказала, что у них абонемент. На пляже стояли мягкие шезлонги под большими полосатыми зонтами. Мальчики в белых шортах и майках с эмблемой отеля приносили полотенца. Море было теплым, песок чистым. Вика плескалась у берега, а мама кричала, чтобы она

не заходила дальше. После работы приезжал папа, тогда они плавали до буйков и не выходили из воды почти до темноты.

В начале августа все вместе возвращались в Москву и проводили отпуск в доме отдыха или санаториях МИДа. В сентябре она возвращалась в интернат, а родители уезжали. Так продолжалось пять лет. Вика училась в седьмом классе, жила со старшеклассницами на втором этаже, мальчишки оказывали ей всяческие знаки внимания. В интернате было весело, и Вике уже не хотелось на выходные и маленькие каникулы уезжать домой. Она стала ездить реже, придумывая разные причины, и бабушка сама приезжала навещать Викусю, чтобы привезти ей конфет и фруктов. В интернате все делились, сладости съедались на ура, потому что у некоторых ребят не было близких родственников, и они оставались в интернате весь учебный год.

В последний приезд родителей было много разговоров о том, что папа еще год останется в этой стране. Пять лет – слишком много для такого климата. Он получит новое назначение, пока неизвестно куда, но ходят слухи, что папу переведут в министерство на очень ответственную должность. Тогда он большую часть времени будет проводить в Москве, а ездить с делегациями на короткое время. И это было бы замечательно, хочется уже домой, да и Викуся в таком возрасте, что нужен глаз да глаз. И всегда возвращались к квартирной теме. У них была трехкомнатная квартира в кооперативном доме на улице Чайковского, но маме, привыкшей к просторному жилью, она казалась слишком маленькой.

– Ну что делать, Ниночка? Нас трое, и квартира трехкомнатная. Вот когда я буду министром, нам дадут пятикомнатную, – смеялся папа.

– «Плох тот солдат, что не мечтает быть генералом», – не оставалась в долгу мама. – Но я ждать не собираюсь. Надо меняться с доплатой на большую.

– Ох, Ниночка! Кто же этим будет заниматься?

– Я, Лева, конечно, я. Кто же еще? Я уже все продумала. Вернусь после Нового года и займусь, буду искать варианты. Багаж весь пошлю грузом перед отъездом. Ты останешься налегке, и твои чемоданы упакует прислуга. Контейнер с грузом до новой квартиры останется на складе.

– Ты хочешь сказать, что я полгода должен жить один?

– Да, милый, придется. Думаю, что не пропадешь. За пять лет я так вышколила всю прислугу, что ты даже не заметишь моего отсутствия.

– Нина, мне не нравится твой план.

– Ну, что делать, дорогой мой. Когда ставишь большую цель, надо терпеть маленькие неудобства, – отрезала мама.

И папа, как всегда, уступил. Решая самостоятельно важные дела у себя в посольстве, дома он не мог настоять на своем. Дочь генерала, мама в семье была командиром, и ее решения не обсуждались.

Она вернулась зимой и активно занялась обменом. Викуся до конца учебного года оставалась в интернате, чему очень радовалась.

Через три месяца мама нашла «идеальный» вариант. На улице Неждановой, у вдовы известного композитора большую четырехкомнатную квартиру. Вдова долго раздумывала, ставила различные условия – мама соглашалась на все, и в конце апреля обмен и переезд состоялись. Вдова переехала, а рояль остался. Вдове он был ни к чему, и маме пришлось рояль купить. Но ее это не огорчало: во-первых – стильно, не какое-то пианино «Лири», а во-вторых, Вика будет заниматься музыкой. Она, мама, посвятила себя папиной карьере, ребенок был заброшен, но теперь она возьмется за Вику всерьез. Учиться никогда не поздно. Без музыки воспитание молодой девушки нельзя считать полным.

Викуся приуныла. Мало того, что будет жить не с друзьями и учителями, а со строгой мамой, которая возьмется за нее «всерьез», но она еще должна в пятнадцать лет сесть за этот idiotский рояль и барабанить гаммы, как первоклашка! Учебный год закончился, Вика была

отправлена на дачу, а мама занялась ремонтом. К папиному приезду он был закончен. Они вселились в новую квартиру. Вику определили в одну из престижных школ во Вспольном переулке. Была школа ближе, но зачем маме ближе, если есть одна из лучших? А пробежаться двадцать минут ребенку только полезно.

В классе Вику приняли не очень дружелюбно, особенно девочки, и она еще больше скучала по интернату и своим друзьям. Одноклассницы называли ее «воображалой». Вика слышала, как одна девочка сказала другой: «Ничего особенного в этой Велеховой нет, просто шмотки заграничные – вот и воображает».

В интернате никто не обращал внимания на одежду. У всех, кроме школьной формы, все было заграничное. Присылали и привозили родители. А здесь Викулина замшевая курточка, итальянские мокасины разных цветов, рюкзачок с Микки Маусом – вызывали у девочек раздражение.

В конце сентября бежевая курточка исчезла из раздевалки. Вика поискала под другими куртками, смотрела на полу и в вестибюле – куртки нигде не было. Так и пошла домой в одной форме.

На следующее утро она пришла в лиловом кожаном плаще. Вику сопровождала мама. Был устроен «разбор полета». Завуч Лия Исааковна, толстая добродушная женщина, пыталась оправдаться, но Нина Сергеевна, в свойственной ей властной манере, пресекла эти попытки. А на просьбу завуча купить Вике для школы что-нибудь попроще ответила категорическим отказом.

– С какой стати, уважаемая Лия Исааковна? Почему я должна осложнять свою жизнь и тратить время на покупку совершенно не нужных Вике вещей? Вы что, не можете навести порядок во вверенном вам учреждении? Мне рекомендовали вашу школу как приличное учебное заведение, а не воровской притон. Вчера у нее украли куртку, сегодня пальто, завтра шубу? Примите меры, Лия Исааковна! Если подобное случится еще раз, я дойду до министерства. Связей у меня, как вы понимаете, достаточно.

Лия Исааковна понимала. С этого дня Вика стала сдавать свою одежду в учительскую раздевалку, которая запиралась на ключ. В дальнейшем это стало большим неудобством, так как сбежать с уроков пораньше не было возможности. И как Вика ни пыталась иногда проскользнуть мимо уборщицы незаметно, чтобы повесить пальто в школьной раздевалке, – ничего не выходило. Все три года распоряжение завуча неукоснительно соблюдалось.

Отношения Вики с одноклассницами постепенно наладились, и школьная жизнь стала веселой и беззаботной. Училась она легко, охотно принимала участие во всех школьных мероприятиях, с ее мнением считались, и Викино слово в классе было отнюдь не последним.

В девятом за ней стали ухаживать сразу два старшекласника, Сережа Комаров и Саша Кузнецов, ребята красивые, умные – мечта всех девочек. Девчонки завидовали Вике. Она ходила со своими рыцарями в кино, на каток, в кафе. Строгая мама ничего против этой дружбы не имела: Сережа занимался с Викой математикой, а Сашин отец был деканом университета.

Но после Нового года у этих приличных мальчиков появился счастливый соперник – второгодник и хулиган из параллельного класса, Колька Макаров. Он обратил на нее внимание на новогоднем вечере и с тех пор не давал прохода. Верные рыцари не стали бороться за Вику. Время приближалось к выпускным и поступлению в институт. Хулиган Колька завладел хорошенькой Викусей единолично. Повзрослев, Вика сама удивлялась, вспоминая бесшабашного Кольку. Как могла она, воспитанная строгой мамой и безупречным папой, попасть под влияние Макарова? Он был красив, смел, в нем чувствовалась опасная сила. Наверное, это нравится девочкам. Особенно хорошо воспитанным девочкам из приличных семей. Сережа и Саша были такими же, как Вика. Они были предсказуемыми. А Колька Макаров – нет. Он был взрослее одноклассников, уверен в себе и ничего не боялся. Колька водил Вику в компанию своих друзей. Они собирались в огромной, запущенной квартире в Кривоарбатском

переулке. Непонятно, кто был ее хозяином. В квартире всегда были люди, даже утром, когда Колька с Викой, прогуливая школу, приходили в Кривоарбатский. В каких-то комнатах спали, на кухне пили вино и чай. Кто-то играл на пианино, кто-то приходил, кто-то уходил. Там собирались студенты театральных училищ, художники, бородатые поэты, фарцовщики, неряшливые и вечно голодные музыканты. Всех их кормила на кухне высокая девушка, всегда в черном свитере и длинной юбке. Она читала странные стихи, свои или чужие, но незнакомые Вике.

Все эти молодые люди были старше, они были необычны и интересны. Вика научилась пить вино, пробовала курить, но, боясь, что мама почувствует запах, так и не пристрастилась к этому. Зато научилась врать дома. Врала легко, придумывая всякие предлоги, чтобы уйти. Вечерами выйти из дома было сложнее. Кино, театр и дни рождения друзей разрешались шестнадцатилетней Вике по субботам и воскресеньям, да и то только до десяти часов. А жизнь в Кривоарбатском начинала кипеть именно поздно вечером, когда после спектаклей и концертов собирались актеры и музыканты. Гуляли, по рассказам Кольки, до утра. Проводив Вику домой, он возвращался в Кривоарбатский, и она ревновала его к хорошеньким веселым девчонкам, которые с легкостью обнимались и целовались со всеми, пили вино, танцевали и хохотали над неприличными анекдотами.

Ах, как хотелось Вике стать такой же уверенной и свободной! Она завидовала Кольке, его никто не контролировал, он мог прийти домой хоть утром. Мама – солирующая пианистка, часто уезжала на гастроли, отец – профессор-хирург, возвращался из клиники поздно. Семья, по меркам Викусиной мамы, вполне приличная, но вот профессорский сынок Колька мало походил на «приличного» мальчика. Ему давали деньги, но он продавал в букинистическом ценные книги из семейной библиотеки. Мог продать фарцовщикам свитер или куртку, которые привозила ему из-за границы мама. Продавал и прогуливал деньги с Викторией в кафе, а дома говорил, что потерял где-то, и ему покупали новое. Деньги у Кольки всегда были. Он никогда не приходил в Кривоарбатский с пустыми руками, а Вика покупал цветы, конфеты и смешных плюшевых зверей. Колька был добрый, веселый, смелый, и Викуся влюбилась в него. Он был ее героем, благородным разбойником, так как на прекрасного принца все же не тянул.

К весне успеваемость Вики резко снизилась, учителя были недовольны. О ее дружбе с Макаровым все знали и ничего хорошего в ней не видели. Репутация у Кольки была та еще! Завуч Лия Исааковна пыталась поговорить с Викторией, предостеречь от этой странной дружбы. Ей совсем не хотелось объясняться впоследствии с Викиной мамой. Но Викуся делала вид, что не понимает, о чем идет речь, и обещала подтянуться. Завуч вздыхала и оставляла ее в покое. Но «подтянуться» не получалось, слишком часто Вика прогуливала уроки, а на домашние задания времени не оставалось. Днем они ходили с Колькой в кино, кафе или сидели в Кривоарбатском. Иногда он тащил ее на учебный спектакль в ГИТИС или Щепкинское, временами в подвалы к художникам, непризнанным гениям. Там пили вино и водку, ругали соцреализм, тупых чиновников от искусства и восторгались работами хозяина мастерской. Вику в детстве много раз водили в Лувр, Пушкинский, Третьяковку и возили в Ленинград ради посещения Эрмитажа. Картины московских гениев ей не нравились, некоторые были просто отвратительны. Но она винила в этом консерватизм, привитый родителями, понимала, что не доросла еще до настоящего искусства, и скромно помалкивала. Тем более что сами молодые художники, поэты, актеры, атмосфера подвалов и Кривоарбатского ей нравились. Очевидно, тогда и зародилась в ней тяга к богемной жизни, вечному празднику и шампанскому в полдень.

Вечерами дома она делала вид, что занимается, однако мысли ее были далеко. Колька клялся Вике в любви, целовал с такой страстью, что оба пугались, но там, в Кривоарбатском, его окружали взрослые, раскрепощенные девчонки, которых можно не только целовать. Вика это знала и переживала. Какие уж тут уроки, когда неизвестно, чем занят сейчас Колька? И Викуся решила преодолеть эту преграду. По тому, как умело целовался Макаров, она пони-

мала, что опыт у него имеется. Но все же он не решался перейти границу в своих отношениях с ней, значит, она сама должна проявить инициативу.

Колька откликнулся незамедлительно, и днем в его пустой квартире Викуся рассталась с девичеством. Никакого восторга она при этом не испытала, но, будучи девочкой начитанной, понимала, что восторги придут с опытом. И все-таки это был первый шаг в обретении той свободы и независимости, которую она собиралась отвоевать у родителей. Но потеря невинности оказалась единственным решительным поступком. Неприглядная картина ее успеваемости дошла до Нины Сергеевны при первом посещении школы. Прогулы, дружба с «плохим» мальчиком и его пагубное влияние на «хорошую» девочку, тройки вместо пятерок и почти что двойки вместо твердых четверок по физике и математике – все это обрушилось на маму, как лавина с гор. Завуч и учителя стойко держали оборону. Вика – взрослая девушка, с ней много раз беседовали, она обещала исправить свои оценки. Макаров – паршивая овца и портит всю картину успеваемости, но что они могут сделать?

Опомнившись от неожиданности, Нина Сергеевна начала военные действия. Она встретила с родителями Кольки и поставила ультиматум: или они переводят сына в другую школу, или она добьется, чтобы его выгнали с «волчьим билетом». Узнав, что имеется дед, генерал Макаров, командующий военным округом на Урале, Нина Сергеевна по своим каналам нашла его адрес и телефон. Связавшись с генералом, описала печальную картину будущего Кольки. При вечно отсутствующих родителях он не то что школу не закончит, но вообще плохо кончит, если сейчас же не принять самые строгие меры. Дед, человек решительный, меры принял. Внук был отправлен к нему для окончания школы и дальнейшей службы в рядах Советской Армии. Колька пытался протестовать, рвался увидеть Вику, но Нина Сергеевна эти попытки пресекла на корню. Никакая монастырская школа не сравнится с теми условиями почти тюремного заключения, в которых оказалась Викуся. В школу она временно не ходила, репетиторы приходили домой и гоняли ее по всем предметам, наверстывая пропущенное. На выходные Вику увозили в закрытый пансионат в ближнем Подмосковье. Там под присмотром родителей она дышала свежим воздухом, гуляла в лесу, и плавала в бассейне для укрепления нервной системы. Так продолжалось месяц, пока Колька Макаров не уехал из Москвы.

Когда Вика вернулась в школу, ее окружил ореол романтической и трагичной истории любви. Отчаявшись встретиться с любимой, Колька написал письмо и оставил одной из Викусиных подруг, взяв клятву, что та сохранит все в тайне и отдаст письмо Вике. Сохранить такое в тайне было совершенно невозможно. Над письмом рыдали Викусины подруги, а содержание его знали все девятые и десятые классы. Колька клялся в вечной любви, обещал вернуться, как только ему исполнится восемнадцать, и никто уже не посмеет удерживать его насильно. Они будут счастливы назло всем, кто разлучил их. Только пусть Викуся не забывает его. Пусть ждет, и он приедет, обязательно приедет.

Викуся прочитала письмо, ей стало жаль такой прекрасной любви, и несколько слезинок капнуло на бумагу. Подружка посочувствовала, и школьная жизнь потекла своим чередом. Учебный год подходил к концу, и пришлось много заниматься, чтобы исправить оценки. Приходили репетиторы, помогал Сережа Комаров, что было очень благородно с его стороны, ведь у него впереди экзамены. Вообще Вика поступила с ним и Сашей не совсем красиво, но Сережа как будто не помнил об этом. Иногда они ходили гулять или в кино, и Нина Сергеевна ничего не имела против. У Сережи была хорошая репутация, ему можно доверить Викусю. Саша участия в возобновившейся дружбе не принимал. Он готовился на журфак, постоянно ходил на семинары, писал заметки в настоящие газеты, ему было не до них. Сережа поступал в МФТИ, а это был самый трудный из всех московских институтов. Поступить туда могли не просто способные, а талантливые математики. Сережа был победителем многих физико-математических олимпиад, он вообще был гордостью школы. Вике это было неинтересно: физика и математика ее мало занимали. Ей нравился сам Сережа – красивый, высокий и очень умный,

к тому же настоящий друг. Он почти каждый день ездил в Долгопрудный на подготовительные занятия и все-таки находил время помочь Вике с математикой.

К концу года все привыкли видеть их вместе, а «несчастливая любовь» Кольки Макарова как-то забылась. Викуся и сама забыла о Кольке, а когда вспоминала, удивлялась: ей казалось, что это настоящая взрослая любовь, и так быстро все прошло. Стоило ли ради этого скатиться до двоек и выдержать настоящую войну с мамой? Сам Колька за месяц никак и ничем о себе не напомнил. Года через три, уже учась во ВГИКе, Вика на какой-то актерской вечеринке встретила девчонку из Кривоарбатского, которая была равнодушна к Кольке. Так Вике тогда казалось, именно к ней она ревновала Макарова. Разговорились. Девчонка закончила ГИТИС, работала в ТЮЗе, вспомнили Кривоарбатский – веселое было время! Вика спросила про Кольку. Та рассказала, что он после школы сразу попал в армию, ему же восемнадцать уже исполнилось. Дед там всем руководил, определил его в летное училище. Недавно приезжал, заходил в Кривоарбатский. Будущий летчик-испытатель. Он ведь всегда был любителем острых ощущений. Стал еще красивее, форма ему очень идет. Классный парень! Жаль, что пошел по военной части, разошлись пути-дорожки.

Но это было потом, а в той, школьной, жизни Колька Макаров просто забылся.

В десятом классе Вика увлеклась театром, поступила в театральную студию, которой руководила старая актриса. Студийцы мечтали посвятить свою жизнь сцене, учились актерскому мастерству, вкладывая всю душу. Актриса была большим мастером и хорошим педагогом. Несмотря на то, что студия числилась при Доме культуры, самодеятельностью там и не пахло, занимались профессионально. После окончания половина ребят поступили в театральные училища.

Мама увлечение Вики не одобряла. Столько времени тратить на ерунду, когда впереди выпускные и поступление в Иняз! Вика же про себя твердо решила подавать документы во ВГИК. Поставит родителей перед фактом. Если провалится, тогда можно подумать об Инязе. Учительница английского языка – господи, какая тоска! Театр, кино, яркие, красивые люди – вот мир, о котором она мечтала. Верный Сережа одобрял планы Викуси. В самом деле, какая из нее учительница? Вика такая необычная, талантливая – конечно, актриса! Призвание – вот что главное. Сам Сережа учился увлеченно, рассказывал Вике про однокурсников, сплошь гении. Преподаватели – весь цвет науки. Такие имена, что даже не верится, что он среди них.

– Сережка, да ты сам гений, – смеялась Вика.

– Ох, нет, Викусь. Это я в школе был гением. А сейчас мне кажется, что я там хуже всех.

– Глупый ты, Сережка! Ты лучше всех! Запомни и не смей себя принижать.

– Ты правда так думаешь, Викусь?

– Да я в этом уверена. Видела я твоих гениев! Нормальные ребята, но ты лучше.

Вика была в Долгопрудном на новогоднем вечере. Ей понравилось. Ребята замечательно сыграли «капустник», смешно, интересно. И оркестр у них классный! Было весело. Хорошие, симпатичные ребята. Может, и гении. Но Сережа был самым красивым среди однокурсников. Вика не была влюблена, но ей льстила его преданность, нравился он сам, и она с удовольствием проводила с ним время. Дальше поцелуев, конечно, не заходило, но целоваться с Сережей было приятно. Он был милый, немного слишком умный, но милый.

После выпускного бала Вика выдержала целое сражение с мамой.

– Да пойми ты, дурочка, что это не профессия для нормальных людей, – убеждала мама. – Что такое актриса? Зарплата сто рублей, интриги, зависть, легкие связи...

– Мама, ну о чем мы говорим! А призвание? У тебя какие-то устаревшие представления об актрисах. Какой-то прошлый век! Актриса – это неприлично, а училка – сеятель разумного, доброго, вечного...

– При чем здесь училка? А переводчик? И не делай вид, что не понимаешь, о чем идет речь. Ты взрослая девочка, Вика. Дружишь с Сережей? И дружи, но лет через пять нужно будет

устраивать свою жизнь, создавать семью... Сережа – прекрасный молодой человек, возможно, будущий ученый. Но замуж, Вика, надо выходить за своих. За тех, с кем у тебя общие интересы. Наши мальчики через три-четыре года закончат, получают назначения за границу, нужно будет жениться, выезжать с семьей. Вот для чего нужен Иняз. Чтобы ты могла быть полезна своему мужу, могла найти работу в посольстве. Послами сразу не становятся, а с дипломом Иняза и у тебя будет возможность работать, помогать мужу в его карьере. А что диплом актрисы? Самодельностью в посольстве руководить? Так это общественная работа, за нее денег не платят.

– Мама, спасибо, конечно, за советы. Я так понимаю, что ты уже выдала меня замуж за одного из твоих протеже. Мы родили чудных детей, работаем в хорошей капстране, я, как попугай, повторяю чужие слова, получая за это зарплату в валюте. И лет через двадцать, по твоему плану, стану посольшей в Африке.

– И что в этом плохого? Почему с такой иронией, Вика? И почему обязательно в Африке?

– Да хоть в Америке! Мне это неинтересно, понимаешь? Я живой человек. Мне семнадцать лет, потом будет двадцать и двадцать пять. Я хочу жить своей жизнью, а не повторять твою.

Мамины планы по устройству Викиной жизни не были секретом. Сыновья их друзей, папиных сослуживцев, считались потенциальными женихами. В детстве это говорилось вроде бы в шутку, но с годами мысленно обдумывались варианты. Да и мамы этих мальчиков тоже хотели бы видеть в женах знакомую с детства хорошую девочку. Вика ничего не имела против самих мальчиков, своих друзей детства. Но эти расчеты и планирование их будущей жизни вызвали у нее протест.

Разговоры о поступлении возобновлялись снова и снова, пока за Вику не вступился папа.

– Ниночка, хватит! Оставь, пожалуйста, девочку в покое. Пусть поступает куда хочет. В конце концов, английский она и так хорошо знает. Пригодится или нет – никто не знает. Актрисе вряд ли, но неизвестно, получится ли из нее Сара Бернар. А на меньшее я не согласен! – папа засмеялся и попросил: – Не ссорьтесь, девочки, вы обе правы!

Часть вторая. Стас

Так Вика впервые настояла на своем. Правда, с помощью папы, но все же это была маленькая победа. Но папины слова о Саре Бернар ее смутили. Она вдруг засомневалась, запаниковала, а узнав, какой конкурс на актерский факультет, испугалась. Мрачная тень Иняза замаячила перед ней, и Вика подала документы на киноведческий. «Поступлю, а там видно будет, может, переведусь», – успокоила она себя. Вика поступила, хотя конкурс тоже был не маленьким. О перемене профессии сообщила родителям после поступления. Мама обрадовалась так, словно Вика сообщила о назначении своего мужа-дипломата консулом в посольство европейской столицы.

– Умница, Вика! Какая же ты молодец! Это совсем другое дело! Практически ведь это искусствоведение. Прекрасное образование для молодой женщины. Чудесно! Чудесно! Но язык – это тоже очень важно. Главное – практиковаться. Лева, ты слышишь? Надо обязательно придумать что-то для языковой практики. В каникулы какие-то поездки по культурному обмену. Ну, в общем, узнай все, что можно сделать, чтобы Вика ездил в Англию. Поговори с замминистра, у них есть такие варианты.

– Хорошо, хорошо, Ниночка. Видишь, как все славно устроилось, а ты так волновалась. Ну, девочки, поздравляю! Надо это отметить. Приглашаю вас на ужин в «Националь».

– Да, Левочка, конечно. Но Вика заслуживает более приятных подарков, чем ужин. Придется тебе в следующей поездке выкроить время на магазины.

– Я готов. По мере моих скромных способностей, разумеется.

– Ах, не кокетничай, Левушка. Твой отменный вкус всем известен. Я напишу подробный список. Зайдешь в галерею Лафайет и все там купишь для нашей студентки.

– Ну, зачем, мам? У меня полно тряпок.

– Именно тряпок. Все это для школьницы. А ты теперь студентка. Да еще ВГИКа!

– Недавно ты была невысокого мнения об этом учебном заведении, – улыбнулась Вика.

– Не передергивай, пожалуйста. Не о заведении, а о профессии. Но ты же не можешь быть там серой мышкой. Всем известно, что во ВГИК едут самые красивые девушки страны. Бедняжки мечтают быть актрисами. Неужели я допущу, что моя дочь будет выглядеть хуже?

В общем, все были довольны, в семье воцарился мир. Вика отправили отдыхать в международный молодежный лагерь в Болгарию, где она очень весело провела время. Вернувшись, узнала грустную новость – умер дедушка. У нее еще никто не умирал, и странно, что дедушки больше нет. Значит, никогда уже он не будет на семейных торжествах сидеть во главе стола в парадном генеральском кителе с орденами. Вика поплакала, но начались занятия, и грустить стало некогда.

Учиться было интересно. Сама атмосфера института нравилась Вике. Легко завязывалась дружба, все были молодые, веселые, красивые. Будущие режиссеры, актеры, операторы, киноведы, художники. Их всех объединяло серьезное отношение к профессии. Преподаватели резко отличались от школьных учителей. Своих мастеров студенты не просто уважали и любили, но чаще боготворили. За талант, за щедрость, с которой они делились своим мастерством и опытом, за тот интерес, с которым студенты ловили каждое слово. Да уж, это была не школа, где их до последнего дня считали неразумными детьми. Во ВГИКе возраст не имел значения: кто-то пришел после школы, кто-то после армии, а некоторые и того позже. Преподаватели относились ко всем, как к равным, взрослым, интересным людям, помогая раскрыть то, что привело каждого из них именно сюда.

Вика училась с удовольствием, даже не очень интересные ей предметы сдавала легко, без раздражения на ненужность и потерю времени. Праздничные вечера готовили с выдумкой и вдохновением. Хотелось, чтобы было необычно, интересно и студентам, и преподавателям, и

гостям. В общежитии почти каждый вечер устраивались вечеринки. Вика заходила к подружке за конспектом по истории зарубежного кино и попадала в полумрак тесной комнаты. Музыка, танцующие пары, кто-то самозабвенно целуется за шкафом, не замечая никого вокруг. На столе вино, водка, сыр, колбаса, конфеты. Наливают стакан рислинга или десертного крымского, конфетка, поцелуи, Джо Дассен из магнитофона...

Или однокурсник хватает за руку: «Хорошо, что пришла. У Ираклия сегодня день рождения, пошли скорей!» – И тащит на другой этаж. Неважно, что ты едва знаешь этого Ираклия с режиссерского, поздравить все равно нужно. И опять комната в полумраке, из магнитофона протяжные голоса ансамбля «ОРЭРО», а на столе роскошное грузинское изобилие, привезенное родственником из Тбилиси. Наливают домашнего вина из деревянного бочонка. Витиеватые грузинские тосты. И вот уже она танцует с другом Ираклия. Красавец грузин с четвертого курса, актер, имя не запомнилось. Да и зачем? Красавец целует руки, читает стихи Пастернака, уверяет, что она, Вика – его муза, его мечта, его печаль. Вика смеется – это же ВГИК, все играют, все влюблены. Влюбленность витает в воздухе: влюблены в свою профессию, в кино, друг в друга... Легкие флирты, легкие поцелуи, признания, страдания, слезы, музыка. Радость от получившегося этюда, роли, курсовой работы, маленького рассказа. Как приятно, когда хвалят, когда поздравляют с удачей!

И опять вечеринки, вино, поцелуи, бесконечный танец и кто-то шепчет, что она его мечта, его бред, его прекрасный сон. «Легкие связи», – сказала когда-то мама. Да, легкие связи, легкие слезы, легкие расставания. Но маме незачем знать об этом. Это Викина жизнь, и она ей нравится.

Сережа все еще присутствовал в ее жизни. Дальше поцелуев они так и не продвинулись, да и поцелуи уже превратились в дружеские. Вика чувствовала, что для Сережи это по-настоящему серьезно, а ей совсем не нужно. Он милый, он хороший, но она не любила его, и Сережа стал другом. Они виделись, общались. Вика ходила с ним на дни рождения его друзей, на его институтские вечеринки. Если он приглашал, она меняла планы, чтобы не обидеть Сережу. На четвертом курсе у него появился научный руководитель. Вика устала слушать о гениальности Станислава Михайловича.

– Вика, ты не представляешь, что это за личность. Мне так повезло, просто подарок судьбы! Слушай, Вика, ему тридцать лет, а он уже доктор наук, две работы переведены на несколько языков. Нет, ты не представляешь, что это значит! На международных симпозиумах ссылаются на результаты его исследований! Вика, он гений! Тридцать лет! С ума сойти!

– Ну и ты к тридцати годам будешь доктором наук, – равнодушно отвечала Вика.

– Ты думаешь? Нет, вряд ли.

– Знаешь, как моя мама говорит? «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Что ты заладил: «Вряд ли, вряд ли»? Будешь ты и доктором, и профессором. Подумаешь, Станислав Михалыч! Эка невидаль! Ты тоже будешь большим ученым.

– Хотелось бы, – вздохнул Сережа. – Но таких, как он – единицы. Я тебя с ним на новогоднем вечере познакомлю, сама увидишь, что он особенный.

– Ну да, конечно, – рассеянно сказала Вика, думая, что ехать в Долгопрудный на вечер не хочется. У друзей сдача курсового спектакля в этот день. Наверняка пройдет успешно, и вечером будут отмечать. А ей придется тащиться в Долгопрудный. И отказать Сережке неудобно, жалко его. Ну, уже нашел бы себе девушку и ходил с ней. Такой парень! Умница, красивый... Математички, конечно, страшенькие, но может, его с кем-то из своих познакомить? Нет, свои все очень легкомысленные, испортят жизнь Сережке.

Так, ничего не придумав, поехала с ним на этот вечер. А что делать? Наверно, она бесхарактерная, не может отказать, боится обидеть. Ехала и думала, что на вечеринке в общежитии будет Игорь Панов со сценарного. У них намечается роман и, очевидно, серьезный. С осени это тянется, самое волнующее время – предчувствие любви. Она кокетничала с ним, мучила

нарочно, радовалась, видя, как он ищет встреч с ней. Говорят, он очень талантливый. На этой вечеринке Викуся решила дать ему возможность сделать первый шаг. Как некстати праздник в Долгопрудном! Но этот вечер поменял всю ее жизнь.

После концерта Сережа потащил Вику на поиски Станислава Михайловича. Вика вяло сопротивлялась. Она твердо решила пару раз потанцевать с Сережкой и уехать в общежитие к своим.

– Ну, пошли, пошли, Викусь, а то он уйдет. На танцах-то что ему делать? Вон он! – увидел Сережа, торопливо пробираясь среди танцующих. – Станислав Михалыч, здравствуйте!

– А, Сергей! Здравствуйте, – обернулся к ним высокий молодой человек. – Развлекаетесь? Правильно.

– Станислав Михалыч, познакомьтесь – это моя подруга, еще школьная, Вика.

– Очень рад. Вика – это Виктория? Красивое имя.

Вика молчала. В голове было пусто, ни одной мысли. Она слышала, как стучит сердце, а слов не было. Стояла, как глухонемая.

– Станислав Михалыч, а я все-таки нашел решение той задачи, что вы вчера дали, – оживленно заговорил Сережа. – До утра почти мучился, а потом вдруг раз, как будто озарение пришло!

– Да ну? Докопались, значит? – радостно удивился Станислав Михайлович. – Молодец! Ну да я знал, что вы не успокоитесь, пока не найдете. Там два варианта могут быть...

– Да, да, – перебил Сережа. – Я тоже понял, что можно по-другому...

Они заговорили на полнейшей абракадабре, ни одного знакомого слова. Про Вику забыли. И хорошо. Она как будто очнулась. Что это с ней? Что за наваждение? Засмотрелась на Сережкиного гения и потеряла дар речи? Они разговаривали, не обращая внимания на Вику, а она внимательно смотрела на лицо этого гения. «Светлое лицо, – подумала она, – про такие говорят, что они светятся изнутри». Лицо было хорошее, на него хотелось смотреть и смотреть. Человек с таким лицом никогда не скажет: «Ты – мой бред, моя болезнь, мое прекрасное безумие». Да уж, найдет другие слова или просто улыбнется. А улыбка! Какая-то детская... Беззащитная? Нет, просто прекрасная! Да, прекрасная, добрая. Пусть он улыбается.

Оркестр заиграл медленную мелодию «Битлз», гитарист запел «Yesterday».

«Да что это они на меня ноль внимания? Тоже мне гении!» – подумала Вика и решительно коснулась рукой плеча Станислава Михайловича.

– Разрешите прервать вашу ученую беседу и пригласите меня на танец. Все-таки я гость.

– Извините ради бога! Конечно, конечно, пойдемте танцевать, Виктория. – Станислав Михайлович взял ее за руку и повел к танцплощадке. Вика оглянулась и встретила удивленный взгляд Сережи.

– Ничего, что я опередил вашего молодого человека? Сергей не обидится?

– Мы просто школьные друзья.

– А учитесь вы, наверно, не у нас, Виктория?

– Конечно, нет. До таких высот я не дошла. Учусь во ВГИКе, на третьем курсе. И не зовите меня, пожалуйста, Викторией. Я ведь не королева. Просто Вика.

– Хорошо, Вика. А ВГИК – это что означает?

– Шутите? – она улыбнулась. Нет, похоже, что он спросил всерьез. – ВГИК – это институт кинематографии.

– Как интересно. Значит, вы – будущая актриса, звезда экрана?

– Всего нет. Я будущий киновед, кинокритик или редактор. Пока не знаю, что получится.

– Мир кино. Наверно, это увлекательно, да, Вика?

– Для меня да. А вы живете в другом мире. Сережка мне все уши прожужжал про вашу гениальность. Первый раз танцую с признанным гением. Надо загадать желание.

– Да что вы, Вика! Это ерунда. Не верьте. Какой там гений! Ох уж этот Сергей!

– Да нет, Сережа прав. Вы – его мастер, и он должен быть уверен в вашем таланте или гениальности, это уж как хотите, называйте. У нас то же самое. Мастер – высшее существо, почти небожитель.

Музыка кончилась. Он взял ее за руку, улыбнулся, сказав «Спасибо, Вика. Давно я не танцевал», и повел к Сереже.

– Спасибо, Сергей, что познакомили меня с Викой. Я уже забыл, когда последний раз танцевал. Ну, я прощаюсь, а вам желаю хорошо провести вечер, – и он ушел.

– Ну, ты даешь, Вика! Пригласила танцевать! Я прямо растерялся. А о чем вы так оживленно говорили?

– Да просто о пустяках каких-то, не помню. Обычная болтовня, – рассеянно ответила Вика.

– Ничего себе, о пустяках! С гением – о пустяках! Все-таки ты богема, Вика.

– А что, я должна с ним обсуждать квантовую механику? – рассердилась Вика. – Что ты пристал? Просто потанцевали.

– Ну ладно, ладно. Не злись! Я просто так сказал. Пошли, потанцуем.

Весь вечер она думала о Сережкином «гении». Умело направляла разговор на их совместную работу, поинтересовалась, как это отразится на его дипломной работе. Сережа, сев на своего конька, увлеченно рассказывал Вике об исследованиях и теории, о законах и непредсказуемости научных открытий. Вика в уме отметала все неинтересное и по крупинкам лепила образ Стаса, как она про себя уже называла «гения». Ну не Станиславом Михайловичем же его величать! Сережка говорил о своем кумире восторженно, но все больше о работе и о славе, которая уже на подходе.

– Ты знаешь, Вика, наверно, мне не удастся поработать с ним до защиты. Ему уже предлагают лабораторию. Зовут и в Дубну, и в Новосибирск.

– И он что? Согласится? – встревожилась Вика.

– Не знаю. Но вообще-то ему, конечно, интереснее своя лаборатория, как ученому...

– Ну, может, семья не захочет ехать? Жена, дети? – наконец Вика вышла на интересующую ее тему.

– Не знаю, – Сережа пожал плечами. – Может, у него и семьи-то нет.

– А ты что, не знаешь, женат твой руководитель или нет?

– Да откуда я могу знать? Мне это, собственно говоря, и не интересно.

– Вот что вы, технари, такой скучный народ? Ничего вас не интересует. Мы все о своих преподавателях знаем: и про жен, и про детей, и где живут. Вот, например, где живет твой Станислав Михалыч?

– Ну откуда я могу знать, Вика? Он же мне не друг, не приятель...

– Хорошо. Ну, а когда у него день рождения, тоже не знаешь? Неужели у вас никаких человеческих отношений нет? Чтобы просто поздравить преподавателя...

– Почему не знаю? Знаю. Его все поздравляли на кафедре. В конце октября, кажется... Юбилей. Тридцать лет исполнилось. Он даже устал от всей этой шумихи, сам мне жаловался. Целый день от дела отрывали своими поздравлениями.

– Ну, а жена? Ведь если он женат, то не на скрипачке из консерватории, а на какой-нибудь Мари Кюри, из ваших. Значит, она тоже должна где-то здесь работать? Фамилия-то у них одна. Как его фамилия, кстати?

– Зданевич.

– Вот видишь, и фамилия необычная, польская, наверно. Есть у вас в институте женщина по фамилии Зданевич? Может, аспирантка?

– Вроде нет, я не слышал. Но всех-то я знать не могу. Да и какая разница, женат, не женат? Настоящего ученого никакая семья не удержит, если ему что-то интересное предложат. Для таких, как он, – наука важнее всего.

Увлеченно расспрашивая Сережу, Вика забыла, что хотела успеть на вечеринку к друзьям. Ни вечеринка, ни Игорь Панов уже не были ей интересны. Все следующие дни она думала о Стасе. Завалила зачет, отказалась от предложения Игоря встречать Новый год в компании его друзей из Литинститута. Собирались на даче, в Переделкино. Будут интересные люди, придет гениальная поэтесса, живущая по соседству. Красавицу-поэтессу Вика любила. Ходила на ее вечера, с восторгом слушала, как она читает своим неземным голосом удивительные стихи. Оказаться с ней в одной компании? Да еще несколько дней назад она с радостью приняла бы предложение. А сейчас равнодушно отказалась, сославшись на родителей и приведя Игоря в состояние растерянности и обиды. Вике было все равно. Она изобретала планы случайной встречи со Стасом, напрягая всю свою фантазию. Ночью план казался идеальным, а утром она понимала всю его несостоятельность. Нет, надо было придумать что-то необычное и в то же время правдоподобное. Математики – люди рациональные, и романтические фантазии, возможно, покажутся им глупостью. Нужно придумать такую причину для встречи, которая будет интересна Стасу. И надо было торопиться, пройдет пара недель, и рассеянный гений забудет, как ее зовут.

Решение пришло случайно. После Нового года приятель с режиссерского дал ей почитать сценарий, по которому хотел снять курсовую короткометражку. Сценарий был неплохой. История любви молодого биолога, ученого и исследователя, не замечающего ничего вокруг, и журналистки, пришедшей взять у него интервью. Во время беседы девушка постепенно увлекает его в живой яркий мир. Ученый рассказывает о своем детстве. Тогда у него была мечта – прыгнуть с «тарзанки» в воду, как старшие ребята. Но одного его на реку не пускали и прыгать не разрешали. Он смотрел на смельчаков, представляя, что сам хватается за «тарзанку», разбегается и... прыгает. Восторг охватывал его, и этот восторг запомнился ему как самое яркое чувство. Но в реальности прыгнуть в воду так и не получилось. Поэтому ему кажется, что он не сделал чего-то важного в своей жизни. Он пытается заполнить этот пробел работой, но даже от больших удач никогда не испытывал того упоительного счастья прыжка. А ведь он только сопереживал чужому полету над водой. А если бы прыгнул сам? И девушка едет с ним в то дачное место. Находят дерево на обрыве у речки, и даже «тарзанка», но более новая привязана к нему. И он прыгает. Так зарождается их любовь.

Прочитав сценарий, Вика поняла, что она должна написать статью о молодых ученых. Да, вот такая тема досталась ей для курсовой работы. А у нее только один знакомый настоящий молодой ученый – Станислав Зданевич. И тогда не важно, женат он или нет. Вика пришла по серьезному делу. Не может же он отказать ей в творческом сотрудничестве! А чтобы написать хорошую статью, надо знать о ее герое как можно больше.

На всякий случай Вика подстраховалась, узнав у Сережи имя еще одного достаточно молодого доктора наук. После этого отправилась в Долгопрудный. В секретариате показала письмо на Вгиковском бланке с печатью (отпечатала приятельница-секретарша), в котором просили оказать всяческое содействие Велеховой В. Л. в подготовке материала для статьи. Вика назвала фамилии двух молодых ученых, которых ей рекомендовали в Академии Наук. Глазом не моргнула, соврав. Но секретаря это не удивило и не вызвало сомнения. Действительно, есть такие. Тогда перед встречей она хотела бы записать общие сведения о них: имя, отчество, возраст, семейное положение, адреса и телефоны. Из полученной информации следовало, что Зданевич С. М., 1950 г., г. Минск проживает в общежитии аспирантов, комната 129, холост, телефон кафедры такой-то, домашнего нет. Вика ликовала – холост! Не разведен, а просто холост! Ей любезно подсказали, что и тот, и другой ученый сейчас в институте. Вон висит расписание. Их можно найти на кафедре.

С бьющимся сердцем Вика поднялась на третий этаж. Только бы не встретить Сережку. Хотя причина посещения настолько правдоподобная, что удивляться нечему. А Сережка и

вообще ничего не заподозрит. Она зашла в туалет, посмотрела в зеркало – вроде все в полном порядке. Щеки немного горят от волнения, но это ей к лицу.

Стас стоял в коридоре спиной к Вике и разговаривал с пожилым лысым человеком. Видно было, что лысый волнуется, что-то торопливо объясняя. Вика решила переждать, вдруг обсуждают важный вопрос. Минут через пять они пожали друг другу руки и лысый ушел. Стас, не оборачиваясь, открыл дверь и скрылся за ней. Вика глубоко вздохнула, постучала и вошла.

– Можно?

– Вика? – Стас удивленно смотрел на нее. – Здравствуйте, Вика. Вы Сергея ищете? А он уже, наверно, закончил. Я его, во всяком случае, не видел.

– Здравствуйте. Нет, я не Сергея ищу. Я к вам.

– Ко мне? – удивился он. – Проходите, садитесь.

– Я к вам по делу, Стас. Можно я буду называть вас Стасом? Мне это как-то проще, да и вам по возрасту больше подходит. Я ведь не ваша студентка.

– Конечно, Вика, я только рад буду. Так что у вас за дело? Какие-то проблемы у Сережи?

– Нет, нет. Сережа здесь вообще ни при чем, – она достала из сумки блокнот, ручку и положила на стол. – Я к вам за помощью. У меня тема курсовой – история молодого ученого. Его внутренний мир, мысли, цели и стремления. Что послужило причиной выбора профессии? Призвание или какой-то яркий случай, чей-то пример? Это ведь не могло быть просто случайностью? В общем, мой герой – молодой, талантливый советский ученый, которому вовсе не чужды обычные человеческие радости и переживания. Ни в коем случае не парадный портрет бескорыстного служителя науки, эдакого рассеянного гения, погруженного в процесс и не замечающего ничего вокруг. Нет, это должен быть реальный живой человек со своими сложностями, радостями и проблемами, которые есть в жизни каждого нормального человека.

– Вика, вы это серьезно или какой-то актерский розыгрыш?

– Стас, я уже говорила, что к актерству не имею никакого отношения. Сейчас я пришла к вам как начинающий литератор и прошу помочь мне. Я не знаю ни одного ученого кроме вас, а тему хочется раскрыть полностью, чтобы было интересно. Если сегодня нет свободного времени, договоримся на другой день. В любое удобное вам время. Ну, пожалуйста, не отказывайтесь!

– Господи, Вика, да разве я отказываюсь. Я просто не понимаю, чем могу помочь. Рассказать подробно о своей работе? Наверно, это не очень понятно. Честно говоря, не очень интересно и достаточно сложно для неспециалиста.

– И о работе тоже, в общих чертах. Но мне важнее сам образ. Не придуманный, шаблонный, а живой герой, наш современник. Талантливый, интересный...

– Ох, Вика, чувствую, наговорил вам Сережа обо мне небывлиц. Какой из меня герой? Но я попробую ответить на ваши вопросы. Давайте поступим так: сейчас у меня аспирант работает в лаборатории, я его отпущу через полчаса и буду свободен. Если вы погуляете, выпьете кофе в буфете, то можно сегодня поговорить, минут через сорок. Или встретимся в среду. Завтра заседание кафедры, а это обычно до самого вечера.

– Давайте сегодня, Стас. Конечно, я погуляю, найду, чем заняться. Наброшаю интересующие меня вопросы, чтобы ничего не забыть. А к пяти часам подойду сюда.

– Вот и отлично! Значит, в пять часов я вас жду.

В тот день они проговорили до вечера. Вика умело направляла беседу. Задавала вопросы о школе, о детстве, о друзьях. Вспомнив про «тарзанку», спросила, какое самое яркое событие детства ему вспоминается. Такое, что наполнило его восторгом победы. Было такое в его жизни? Стас ответил, что, скорее всего, это первая городская физико-математическая олимпиада, где он стал победителем. Да, тогда он был жутко счастлив. А на вопрос, прыгал ли в детстве с «тарзанки» в речку, Стас ответил, что прыгал много раз. У них все мальчишки прыгали. Но не в речку, а в озеро. Чувство восторга? Нет, скорее азарт. Они ведь соревновались, кто

дальше. Стас отвечал охотно, втянулся в разговор, вспоминал смешные истории из школьной и институтской жизни. Договорились встретиться еще раз в среду. Вика с невинным видом предложила поговорить не на кафедре, где его постоянно отвлекают, а на нейтральной территории.

– Можно у меня, но лучше, наверно, у вас. Вы ведь недалеко от института живете?

Все шло даже лучше, чем представляла Вика. Стас никакого подвоха не заметил, и у него в общезнании проговорили допоздна. Вика удивилась чистоте и порядку. Вообще комната была уютная. Много книг, среди которых Викины любимые. Поговорили о книгах, о музыке. Пили чай с зефиром.

– Любите сладкое? – спросила Вика.

– Да нет, это я для вас купил. Подумал, что вы, наверно, любите конфеты.

– Да, – засмеялась она. – Я вообще сладкоежка, а зефир в шоколаде особенно люблю.

Вике было приятно, что он подумал о конфетах к чаю. И комнату убрал, скорее всего, к ее приходу, не может быть, чтобы у него всегда такой порядок. За эти два вечера она очень много узнала о Стасе. Может, он и гений, в этом Вика не разбирается, но в остальном вполне понятен ей. С чувством юмора и хорошо реагирует на Викины шуточки. Удивил тем, что любит футбол, играл в институтской команде. Да и сейчас с удовольствием, когда представляется возможность.

– Я думала, гении только в шахматы играют, – заметила Вика.

– А я говорил, что к «гениям» никакого отношения не имею, – засмеялся Стас. – Кстати, в шахматы играю очень средне.

Поговорили о литературе, выяснилось, что они одинаково любят и ценят многих писателей. О кино Стас знал не намного больше, чем Вика о квантовой электронике. Обычный зритель, не фанат. Московский кинофестиваль, как событие, его не волнует, поэтому лучшие иностранные фильмы не видел. В кино сейчас выбирается редко. Но любимые фильмы, конечно, есть – «Белое солнце пустыни», «В огне брода нет» – ну и, конечно, Тарковский. Все его фильмы.

О своей работе Стас рассказывал сдержанно, но Вика проявила заинтересованность, и он, увлекшись, стал говорить с вдохновением. Вика слушала, не особенно понимая, о чем идет речь. Смотрела на Стаса и чувствовала, что все ее прежние увлечения и романы – детская ерунда. Натянуть вам, «среди шумного бала, случайно»... Пусть она не понимает, о чем говорит любимый человек, это и не важно. Все равно у них много общего. «Какой он красивый! Таких не бывает!» – подумала она. Стас не был красавцем, но у него было хорошее лицо. Недаром она лишилась дара речи, увидев его первый раз. Умное, спокойное, доброе. Какое-то родное, любимое лицо. И светлые, светлые волосы. Так ни один модный парикмахер не покрасит. Почти белые пряди, вперемешку с золотистыми. Красиво! «Я выйду за него замуж, – подумала Вика. – И рожу ему мальчика такого же красивого. Со светлыми волосами, очень умного. Стас еще не понимает, что любит меня. Он будет любить меня всю жизнь». Смешно. Забавная чушь иногда лезет в голову! Она хотела улыбнуться, но вдруг ей стало неудобно, зябко, вообще не по себе, и Вика поняла, что это правда. Он будет любить ее долго, долго, скорее всего, всю жизнь. Очнувшись, взглянула на Стаса. Он молчал и смотрел на нее внимательно, с какой-то тревогой.

– Что, Вика? Устали от моих разговоров? Извините. Увлёкся. Целую лекцию прочел, а вы меня не остановили. Так терпеливо слушали, бедняжка...

– Нет, нет. Я, правда, мало что поняла, но вдохновение оценила. Сейчас образ моего ученого вполне сложился, я его чувствую. И расскажите, пожалуйста, в общих чертах о своих планах. О чем мечтают молодые ученые? Сделать сенсационное открытие, которое потрясет научный мир? Нобелевская премия?

– Ну, вот так сразу Нобелевская премия! А, впрочем, почему бы и нет? – улыбнулся Стас. – Приятно, наверно, но не главное.

– А что главное? Вот для вас лично? Передавать свои знания таким талантливым студентам, как Сережа Комаров? Здесь ведь почти все талантливы. Или чистая наука, исследования, открытия?

Вика с нетерпением ждала ответа. Она наконец подошла к той теме, что волновала ее. Неужели он уйдет из института? Только не в Новосибирск! Лучше пусть Дубна, все-таки ближе...

– Преподавание? – Стас на минутку задумался. – Честно говоря, нет. Ребята, конечно, есть очень способные, с оригинальными идеями. Иногда даже удивляют меня. И лаборатории прекрасно оборудованы. Наш ректор просто гигант в этом смысле. Не во всяком НИИ есть то, что у нас. Сейчас даже разговоры о лазерном центре ведутся. Но знаете, Вика, я занимаюсь одной интересной штукой, и результаты просто неожиданные. То есть я хотел проверить одну идею, а натолкнулся на что-то гораздо более важное. И это уже требует времени. Сенсационное открытие? – Он улыбнулся. – Возможно, так и будет. Во всяком случае, надеюсь на это. Но надо очень много работать, а институтские дела отнимают время. Мне предлагают лабораторию в одном научном центре. Так что я, скорее всего, последний учебный год в институте.

– Правда? Сережа расстроится. Он вами просто бредит. Наверно, не он один, все ваши студенты.

– Не думаю. Назначат Сергею нового руководителя, у нас все преподаватели сильные. Да и я с ребятами связь буду поддерживать.

Вике очень хотелось продолжить разговор о планах Стаса на будущее, но она понимала, что это уже выходит за рамки истории о молодом современнике. Стас рассказал ей много интересного, и материала для работы было достаточно. Вечер пролетел незаметно. Около одиннадцати Вика начала собираться. Стас предложил проводить. «Только до метро, – сказала она. – Я живу в центре, там у нас всегда светло и не страшно». В полупустом автобусе молчали. Вика поняла, что Стасу тоже не хочется с ней расставаться, поэтому вызвался проводить. Около метро попрощались, договорившись, что Вика позвонит на кафедру, когда напишет рассказ.

Написала быстро, самой было интересно. Образ ученого получился живым и ярким. Рассказ похвалили. Вика обрадовалась, значит, можно показать Стасу.

Он прочел, сделал несколько дельных замечаний, сказал, что совсем неплохо. Вика просто молодец! Все очень жизненно, с юмором, нет ни пафоса, ни штампа. Может быть, ей попробовать писать? По его мнению, у нее хорошо получается.

Они встречались все чаще и чаще, никакой повод уже не был нужен. Вика была счастлива, хотя в глубине души не сомневалась, что все будет именно так.

Через месяц Стас сделал ей предложение. Нина Сергеевна пыталась уговорить Вику не торопиться. Ну, зачем выходить замуж в двадцать лет? Будущий зять ей нравился, но куда спешить? Вика ничего не хотела слушать. По институту прокатилась новость: Вика Велехова выходит замуж за будущего Эйнштейна! На что обиженный Игорь Панов скаламбурил: «Лучше бы вышла за будущего Эйзенштейна». Но Вике было наплевать на эти шуточки, она видела и слышала только Стаса.

Свадьба пришлось на первое апреля, но прошла весело и необычно. Смешались физики и лирики. Викины друзья приготовили много сюрпризов, придумали смешные тексты для «капустника», разыграли сценки из будущей семейной жизни Вики и Стаса. Хохотали все, даже Нина Сергеевна. Но и физики не остались в долгу, привезли в ресторан свой оркестр. Ребята играли и пели профессионально. А один профессор спел под гитару песни Окуджавы так, что его вызывали на «бис».

После свадьбы Вика переехала в общежитие. Никакие уговоры родителей не помогли. «Стасу неудобно. Мы будем жить отдельно», – твердо отказалась она.

Хотя общежитие для аспирантов было вполне приличным, но с квартирой родителей, конечно, сравниться не могло. А Вику это не смущало. Она успевала и в институт, и пригото-

вить ужин Стасу. Вообще Вика с удовольствием вела свое маленькое хозяйство. Не раздражали очереди в магазине и прачечной, она ко всему относилась с юмором. Вечером пересказывала Стасу забавные случаи в лицах, и оба смеялись. Он смотрел на жену с обожанием, и Вика ради этого легко мирилась с неудобствами их жизни.

На майские праздники съездили в Минск, познакомиться с отцом и мачехой Стаса. На свадьбу они не смогли приехать – учебный год, оба преподавали в школе. Мать Стаса умерла давно, отец женился, отношения поддерживались редкими поездками в родной город. Вика решила, что познакомиться все-таки надо. Приняли их радушно, но Вика радовалась, что визит продлится всего два дня. Она видела, что Стас молчалив и задумчив, значит, ему не очень хорошо в родном доме. Ну что ж, может, это и к лучшему, ни с кем не надо делить любимого. Он принадлежит только Вике. У них своя семья. Маленькая пока, но настоящая.

Учебный год походил к концу. Стасу надо было определяться с планами на будущее. На семейном совете он озвучил варианты. Новосибирск Стас отверг сразу же, Вике еще два года учиться. Его звали в один из московских НИИ, но профессионально это не было интересно. Да и с квартирой в Москве сложно. Опять поставят в очередь, как в МФТИ. Оставались Дубна и Зеленоград. И там, и там предлагали лабораторию и квартиру. Выбрали Зеленоград. И Стасу интересно, и Вике не так далеко. Час езды до Москвы. Придется вставать пораньше, чтобы успеть в институт. В конце июня переехали в Зеленоград.

Двухкомнатная квартира выходила окнами в парк. Стасу до работы – пять минут. Город оказался симпатичным и действительно очень зеленым. В большом мебельном магазине в центре купили хорошую польскую кровать светлого дерева, и к ней Вика подобрала румынский шкаф. Вообще, к ее удивлению, выбор в магазине был очень приличным, не то что в Москве. Свободно стояли дорогие гарнитуры. «Хорошее снабжение, – пояснил словоохотливый продавец. – Здесь же научный городок, вот и снабжают. Для ученых».

Вике понравился финский кабинет. Вот бы такой в большую комнату! Диван, два кресла густого винного цвета – сядешь, и вставать не хочется. А самое главное – огромный письменный стол, как раз Стасу для работы. Стол и книжные шкафы – благородного темного дерева. Спросила, сколько стоит. Тысяча четыреста рублей. Нет, таких денег не наберут. Все деньги Стаса потратили на холодильник и спальню. Вика позвонила маме и рассказала про гарнитур. Нина Сергеевна взяла такси и через час была в магазине. Одобрила кабинет и велела выписывать. Вика растерялась, вот так сюрприз Стасу!

– С доставкой? – спросил продавец.

– Нет, вдвоем с дочкой на себе понесем, – съязвила Нина Сергеевна. – Конечно, с доставкой.

– Я к тому, – объяснил продавец, – что доставка стоит двадцать рублей – через две недели. А если вам срочно, можно договориться с ребятами.

– Нам срочно. А сколько за срочность? – спросила мама.

– Ну, как договоритесь. Вы оплачивайте пока, а я грузчиков позову.

Нина Сергеевна властным голосом разделила названную сумму пополам. Грузчики повздохали и согласились. И за тридцать рублей гарнитур был доставлен, поднят и установлен в большой комнате.

– Красавец! – оценила мама. – Молодец, Вика, хорошая хозяйкой будешь. Умеешь видеть настоящие вещи!

– Ох, мамуль! А что я Стасу скажу? Так быстро все, я с ним даже не посоветовалась.

– Ну, а что тянуть до завтра? Гарнитур один был. Приехал бы кто-то из Москвы и купил. А Стас радоваться должен, что у него жена – умница. Скажешь, что это твое приданое.

Мама уехала. Вика решила рассказать как есть: чудесный гарнитур, всего один, надо было сразу решать. Мама привезла деньги. Отдадим, когда сможем, никто нас не торопит.

Стас выслушал Вику, сказал, что стол замечательный, за таким столом он сделает кучу великих открытий и вообще Викуся – самая лучшая, самая красивая, самая любимая. А через два дня дал ей конверт и сказал:

– Вот, Викусь, тысяча четыреста рублей. Передай Нине Сергеевне и поблагодари ее за помощь.

Вика обиженно молчала. Стас подошел, обнял ее и, прижав к себе, сказал:

– Викусь, я тебя так люблю. Ты у меня самая-самая. Но умоляю, не надо брать денег у мамы! Я сам могу купить то, что тебе нужно. Только скажи. Вот мне дали в кассе взаимопомощи, даже больше предлагали. Из зарплаты буду отдавать.

Нина Сергеевна обиделась.

– Я же хотела как лучше. Он ведь нам не чужой теперь. Что за церемонии!

– Молодец парень! – одобрительно сказал Лев Иванович. – Я думал – так, не от мира сего, ничего вокруг не замечает, весь в науке, а он настоящий мужик. Правильно! Нечего от баб подарки принимать.

Викуся гордилась мужем. Папа прав. Стас совсем не похож на гения-отшельника. Все умеет. Повесил светильники, карнизы для занавесок, с дрелью управляется, как профессионал. Они все-таки решили взять в кассе еще пятьсот рублей и купили всякой мелочевки, чтобы квартира стала живой и уютной. Грустно, когда лампочка свисает с потолка и окна сиротски голые. Стас с удовольствием помогал Вике: сверлил, развешивал и одобрял все ее покупки. Квартира за месяц превратилась в настоящий дом.

В Москве шумела Олимпиада, но Вике, увлеченной устройством своего дома, некогда было ездить в город, а телевизора у них пока не было. Открытие посмотрели у соседей, порадовались – красиво! Молодцы наши! В основном о спортивных новостях сообщали друзья. И о смерти Высоцкого рассказала ближайшая подруга, Томка. Среди актеров новость распространилась мгновенно, еще до официального объявления. Олимпиада была забыта. Высоцкий для поколения Стаса и Вики был фигурой культовой. Да и не только для них. Его песни знала вся страна. Люди из самых разных слоев общества могли найти в его творчестве свое. Даже те, кто никогда не были в театре на Таганке и не знали его как талантливого актера, слушали и знали песни Высоцкого. Стас рассказал, что чуть не половина института собирается на похороны и он вместе с ребятами из лаборатории тоже. Вика поехала со своими из ВГИКа, с теми, кто не разъехался на каникулы домой. Такого столпотворения вокруг Таганки Москва еще не видела. Было тихо, скорбно, многие плакали. Площадь и улица возле театра были завалены цветами. Провожали по-настоящему народного артиста. Вике было грустно, даже как-то тоскливо. От тесноты и жары она чувствовала себя плохо и на Ваганьковское кладбище уже не поехала. Томка потом рассказывала, что не удалось пройти дальше моста, столько было народу.

Вскоре выяснилось, что Вика беременна. Шесть недель, а она и не заметила в хлопотах. Стас был счастлив, а Викуся – задумчива. Как-то неожиданно все. Впрочем, что ж неожиданного? Просто очень быстро. Первый семестр – нормально. А второй? Придется брать академический.

– Ничего, Викусь, придумаем что-нибудь. Возьмешь академ. Я буду тебе во всем помогать. Господи, да я все буду делать!

– Нет уж, радость моя, с малышом я сама справлюсь, не я первая. Все как-то справляются. А твое дело добывать «мировую славу». Не хватало еще в пеленках закопаться.

– Да я все успею. Для тебя, Викусь, что угодно, а не то что славу. Ну что ты смеешься? Любимая моя, родная! Роди мне девочку, такую же красивую, как ты.

– Нет, нам нужен мальчик, еще один гений. С девочками одна морока, ну их...

– Я тебя люблю, Викуся!

– А я тебя.

Вика родила двойняшек. Двух девочек. Медсестры, приносившие детей на кормление, улыбались, более непохожих они еще не видели. Одна девочка была смуглая, с темными волосиками, спокойная. Другая – безволосая, белесо-розовая. От сильного крика личико становилось багровым, и вид у нее был самый несчастный.

Планы поменялись. С детьми пришлось ехать к маме. Вика понимала, что одна не справится, а превращать жизнь Стаса в непрерывную возню с детьми, с бессонными ночами она не хотела. Вика знала, что сейчас у него очень важная завершающая стадия, вся лаборатория в напряжении. Работали до позднего вечера, а Стас еще и дома писал что-то иногда до утра. Какие уж тут дети! Ей пришлось согласиться с мамиными доводами и убедить Стаса, что это единственный разумный вариант. Он будет приезжать на выходные, жалко разлучаться, но другого выхода нет.

Темненькую девочку называли Анной, в честь матери Стаса, а светленькую – Ириной. С Анечкой не было никаких хлопот. Она хорошо ела, много спала и почти не плакала. Зато Ирочка не давала ни минуты покоя. Ела плохо, вес был ниже нормы, спала только на руках. Когда ее пытались переложить в кроватку, просыпалась и начинала плакать. У нее был диатез, болел животик, она была страшенькая, красная и безволосая.

Анечку любили все. Ею любовались, с ней охотно играли и готовы были целый день таскать на руках, но она большую часть времени спала. Это был идеальный ребенок. Бабушка с дедушкой и Стас дружно восхищались Анечкой.

– Вылитая Викуся в детстве, – говорила Нина Сергеевна. – Вот Вика была такой же спокойной, никаких проблем с ней.

– Да, – соглашался Лев Иванович. – Просто удивительно! Дежавю! Как будто Нина с Викусей на руках заходит в комнату. Иногда даже не сразу понимаю, что это Анечка.

Стас, приезжая, не отходил от девочки, а когда она просыпалась, не спускал с рук. Нина Сергеевна ревниво смотрела, как он переодевает или кормит Анечку. Она пыталась делать замечания, что он не так держит бутылочку и неправильно надевает кофточку, но Вика останавливала ее.

– Мамуль, ну не надо придирается. Ты же видишь, как ему хочется побыть с Анечкой. Пожалуйста! Всего два дня в неделю Стас здесь проводит, потерпи.

А на Ирочкино внимание никто не претендовал. Все легко передали ее на попечение мамы. Вика жалела свою некрасивую и болезненную дочку.

– Бедный мой воробушек, не плачь. Мама с тобой. Спи, моя девочка, никому тебя не отдам. Ты моя самая любимая, самая хорошая...

Ирочку, конечно, любили, но никто не восхищался ею, как Анечкой. Стас носил Ирочку на руках, давая Вике немного передохнуть. Но девочка спокойно и быстро засыпала только на маминых руках. А накормить ее вообще могла только Вика. Ирочка была маминой дочкой.

В конце мая решили ехать с детьми на дачу. Викина бабушка после смерти деда жила там постоянно вместе с одинокой пожилой племянницей мужа. Обе они давно уговаривали Вику перевезти детей на свежий воздух, но Нина Сергеевна боялась уезжать из города – дети еще слишком малы.

На даче Ирочка стала спокойнее, спала ночью, и Вика немного пришла в себя. Вообще на даче все оказалось удобнее, свежий воздух явно шел детям на пользу. Стас приезжал в конце недели, возился с детьми, говорил Вике о своей любви и о том, как грустно и пусто в их доме. Вика утешала его, но в душе радовалась, что ему так плохо без нее. Стас ездил теперь на папиной «Волге», потому что иначе добраться от Зеленограда до Клязьмы было тяжело. Лев Иванович ездил с водителем, Нина Сергеевна машину не водила, так что «Волга» все равно стояла в гараже. У себя в институте Стас сразу же записался на «Жигули» и к Новому году должен был получить открытку. Очередь в институте была не такой большой, потому что

каждый год им выделяли и «Волги» и «Жигули». Очередниками были, в основном, молодые или начинающие сотрудники.

Родители тоже приезжали на выходные. Жарились шашлыки, пекли пирог, приезжали Викины друзья – было шумно и весело. Часто бывал верный друг Сережа Комаров. Он окончил институт и распределился в НИИ квантовой электроники. Но Сережа мечтал работать со Стасом и просил Вику поговорить с мужем, сам он стеснялся. Вика, чувствуя легкую вину перед старым другом, поговорила, и Стас обещал при первой вакансии договориться о переводе Сережи к ним.

В июле праздновали победу Стаса. Пригласили всю лабораторию. В доме не поместились, и накрыли столы в саду. Вика не понимала сути открытия мужа, но по восторгам, волнению и ликованию его сотрудников видела, что это очень важно и значительно.

– Это гениально, понимаешь? Гениально! – возбужденно говорил Сережа, помогая, а скорее мешая Вике накрывать на стол. – Сам Валиев приходил в лабораторию поздравлять! Белоцерковский звонил!

– А кто это такие? – рассеянно спрашивала Вика, раскладывая ножи и вилки.

– Вика! Академики! Валиев – основатель нашей микроэлектроники, Олег Михайлович – ректор, ученый с мировым именем. Нет, ты не понимаешь, что произошло! Да Станислава Михайловича на Государственную премию выдвигают. Это грандиозно! Ты должна радоваться.

– Да я рада, рада. Сознаю величие момента, но людей-то кормить надо, а ты ходишь за мной по пятам и бубнишь. Иди к ребятам из лаборатории, не мешайся под ногами!

Сережа убежал, а Вика нашла Стаса и прошептала ему в ухо:

– Ты гений, и я тебя люблю. Только не важничай очень, ладно?

Он рассмеялся и обнял Вику.

– Получилось, Викуся. Это для тебя. Все для тебя! И еще сюрприз – через неделю в отпуск ухожу. Целых три недели с тобой!

– Здорово! – обрадовалась Вика. – А то ты уже на тень похож, весь прозрачный. Хоть откормим тебя на даче.

А Стаса уже звали, приехали новые гости, его окружили, поздравляли. Вика видела, что он счастлив. Без нее. К ней этот день не имел отношения. Значит, она и девочки на втором месте после этой таинственной микроэлектроники? Ну что ж, и у них в искусстве так же. Ей это вполне понятно. Главное – успех. Добиться, сделать лучше всех, чтобы зритель затаил дыхание. А все остальное: любовь, семья, дети – потом. Только добьется ли она этого успеха или так и погрязнет в детях и вечной суете? И будет просто женой гения... «Но я люблю его, – подумала Вика, – и разве быть женой гения это обычная вещь? Нет, это тоже успех, да еще какой!»

А потом был отпуск, и Стас возился с детьми, починил на даче все, что требовало мужской руки. Даже старую дедушкину «Волгу» извлек из гаража и привел в порядок. И машина, простоявшая несколько лет, к удивлению Вики, стала бойко передвигаться по поселку. А потом она рискнула поехать на рынок в Пушкино, и старушка «Волга» вела себя вполне достойно. С тех пор Вика ездила в Пушкино на машине. Но в город все же не рисковала, вдруг развалится по дороге. Стас смеялся и уверял, что старушке сноса нет, зря Вика сомневается.

Бабушка и тетя Ната не могли нарадоваться на Викиного мужа. Впрочем, Стаса любили все. Его нельзя было не любить. Даже Нина Сергеевна, слегка ревновавшая к нему Анечку, признавала, что зять у нее чудесный и Викусе очень повезло.

Отпуск омрачали только разговоры о том, где жить с осени. Нина Сергеевна и слушать не хотела о переезде Вики с детьми в Зеленоград. Как она себе это представляет? Значит, Стас толком работать не сможет и Викуся институт забросит. Стас мрачнел, и Вике было жаль его, но она понимала, что мама права. Дети подросли и окрепли, Ирочка стала спокойнее, с ней уже не было так хлопотно. Нина Сергеевна предложила взять няню для гулянья, а она с

домработницей Любой справится с остальным. Вика будет учиться и может дня три в неделю проводить в Зеленограде, а на выходные они со Стасом будут приезжать к детям. Другого выхода пока нет. Машина Стасу в Зеленограде не нужна, Вика может ездить на ней в институт. И, конечно, с машиной она будет тратить меньше времени на дорогу. До детского сада придется потерпеть, а уж потом будут жить все вместе в Зеленограде. На том и порешили.

– Слава Богу, хоть тебя отвоевал, – ворчал Стас.

И Вика смеялась.

В институте ее встретили радостно. Преподаватели были снисходительны к матери двоих детей. Вика пыталась сдать за пропущенный семестр, чтобы остаться в своей группе, и ей шли навстречу. Но времени на подготовку не хватало, слишком большой объем пропущенного материала. Она не смогла сдать историю советского кино и философию, но за нее стали просить однокурсники, и декан кафедры оставил ее, с условием сдачи всех «хвостов» до весны. Прежняя веселая институтская жизнь с флиртами и вечеринками закончилась, у Вики на это не было ни сил, ни времени. Приходилось много заниматься, мотаться между Зеленоградом, институтом и детьми. Вика уставала. Планы о переводе на актерский потеряли всякий смысл, понимала, что не потянет. Вообще тот интерес и радость, с которыми она училась прежде, как-то исчезли. Вика сама не понимала, зачем так рвалась остаться в прежней группе. Какая, в сущности, разница? Из-за чего так надрываться, отнимая время от детей и Стаса? А он опять пропадал в лаборатории до вечера, приходил уставший, мысленно где-то далеко. Но Вика не обижалась. Просто кормила его за красиво накрытым столом – одно из немногих правил Нины Сергеевны, которому она следовала неукоснительно. Кормила, гладила его светлые волосы, рассказывая какую-нибудь забавную ерунду про детей. И Стас оживлялся, целовал Викины тонкие пальцы, мелькающие вокруг него со стаканом, салфеткой, солонкой. И смотрел на нее с такой нежностью, что Вика забывала про усталость и понимала – это и есть счастье.

К ноябрьским праздникам должны были объявить лауреатов Государственной премии, и она ужасно волновалась, а вдруг не дадут? Не из-за денег, а просто понимая, что для Стаса это очень важно. Сережка и ребята из лаборатории говорили, что открытие тянет на Нобелевскую, но молодых ученых, тем более русских, всегда отодвигают на задний план. Но в получении Госпремии все были уверены – слишком важная тема для советской науки. Недаром сразу же выдвинули на соискание.

И Стас стал лауреатом. Это было событие! Праздновали в Зеленограде, в институте и дома. Народу набилось куча! Вика лавировала между гостями, ее поздравляли, говорили про Стаса замечательные слова. Она запуталась в академиках, профессорах и кандидатах, всем улыбалась, благодарила. Но отвечала, наверно, впопад, так как произвела впечатление на ученых мужей. Стас рассказал, что академик Валиев, поздравляя его, сказал: «И жена у вас прекрасная. Совсем молоденькая, а держится с таким достоинством и тактом! Настоящая спутница большого ученого, поздравляю!»

Именно такую роль Викуся и намеревалась сыграть. Значит, получилось, зритель доволен. Маленький творческий успех! Ее личный успех. Хорошо, что соседки и девчонки из лаборатории не разрешили ей заходить на кухню, все делали сами. Вряд ли бы образ «спутницы большого ученого» удался, если бы она металась меж гостей с грудой грязных тарелок.

Для праздника объединили все три квартиры на площадке. А саму площадку превратили в «курилку», расставили стулья, пепельницы, соорудили что-то вроде бара. Под танцы освободили большую комнату у соседей молодоженов, благо у них и мебели пока не было. Хорошо, что дом институтский – все свои, так что веселились от души, особенно, когда маститые гости разошлись.

А родители устроили прием в честь новоиспеченного лауреата в ресторане. Сняли небольшой зал в «Национале». Пригласили светил науки и своих друзей, включая заммини-

стра. Стас попробовал отговорить их, но Вика понимала, что маме хочется похвастать зятем-лауреатом. Она убедила мужа, что праздник необходим, нельзя обижать родителей. Вечер получился вполне симпатичным. Светила науки и высокопоставленные чиновники нашли общие темы для разговоров. Замминистра, не чинясь, взял на себя роль тамады и очень остроумно управлял застольем. Лев Иванович тоже был в ударе – шутил, рассказывал о различных международных церемониях награждения, где ему приходилось присутствовать, о смешных казусах, случавшихся там.

Ученые оживились, вспоминая различные забавные ситуации на международных конференциях и симпозиумах. А когда речь зашла о предстоящем научном конгрессе в Брюсселе, Лев Иванович рассказал много интересного о городе, об обычаях, о тех местах, которые советовал посетить. Вспомнил историю знакомства с принцем Альбертом, братом короля. Их познакомили на большом приеме по поводу национального праздника. Лев Иванович поздравил принца и его жену с недавним бракосочетанием и ожиданием наследника. Это уже было объявлено официально, и, согласно протоколу, надо было желать принцессе Паоле всяческого счастья. Потом они разговорились о Москве, о Ленинграде, Эрмитаже и балете. Лев Иванович живописал красоты ленинградских дворцов и Московского Кремля, как заправский экскурсовод. Принцесса спросила, есть ли у него жена и дети, и он удивил их, сказав, что женился недавно, в один день с ними – второго июля сего года.

– Какое совпадение! – удивилась принцесса. – Значит, ваша свадьба состоялась в один день с нашей!

– Да, ваше высочество, только она была в Москве и не такая пышная, как у вас.

– И где же ваша жена? Вы сегодня один? – спросил принц.

– Я отправил ее в Москву. Она не очень хорошо себя чувствует.

– Надеюсь, ничего серьезного? – в голосе Паолы послышалось сочувствие.

– О нет, ваше высочество, мы тоже ожидаем своего наследника. Надеюсь в апреле стать счастливым отцом.

– О, это невероятно! Столько совпадений! – засмеялась принцесса. – Мы тоже надеемся стать счастливыми родителями в апреле.

Лев Иванович выдержал паузу и продолжил:

– Но совпадения на этом не закончились, и наша Вика родилась пятнадцатого апреля шестидесятого года, в один день с принцем Филиппом.

– Да уж, действительно удивительные совпадения, – сказал один из профессоров. – А с принцем Альбертом и его женой вы после этого встречались?

– Да. Обычно он представляет королевскую семью на приемах в различных посольствах. Он – президент бюро Внешней Торговли Бельгии, президент Олимпийского комитета, так что мы довольно часто встречались на различных мероприятиях.

– И каждый раз он нас спрашивал, как растет маленькая Виктория, – добавила Нина Сергеевна.

– Ну а мы, соответственно, интересовались здоровьем принца Филиппа, затем принцессы Астрид, ну и, наконец, младшего сына, Лорана, – засмеялся Лев Иванович. – Надо было помнить все даты рождения и ничего не перепутать. А как же! Королевская семья! Хотя в общении они вполне симпатичные и скромные люди, без излишней пышности и церемоний. Но протокол есть протокол.

Интересных разговоров и рассказов было много, гости явно не скучали. Нина Сергеевна была довольна – вечер удался.

Когда Стас принес деньги – пять тысяч рублей – и сказал, что машина у них практически в кармане, Вика спросила:

– Значит, ты был уверен, что получишь премию? То-то так легко согласился занять денег у родителей. А я про Госпремию узнала только после того, как ты работу закончил. Последняя узнала! Свинство, что ты со мной не поделился раньше, я-то тебе все рассказываю.

– Викус! Что значит уверен? Я и не думал об этом в процессе. Да и что толку делить шкуру неубитого медведя? Когда на машину записывались, так и думал, что половину у твоих займем. А премия очень кстати. Полторы тысячи не хватает – в кассе возьмем.

– Мама предлагает дедушкину «Волгу» продать. Ты ее в такой порядок привел, что она не меньше трех тысяч стоит. А то заржавеет в гараже.

– А бабушка? Это же вроде память для нее? Она так радовалась, что машина опять служит.

– Бабулю я беру на себя. Никому эта «Волга» не нужна. Ты – на «Жигулях», я на папиной буду ездить.

– Ну, уж нет! Новенькие «Жигули» – тебе, моя принцесса.

– Хорошо бы красного цвета досталась! Как ты думаешь, Стас, могут быть красные?

– Не знаю. Вот открытку получим, тогда и увидим, из чего там выбирают.

Открытку получили весной. На стоянке стояли белые «семерки» и синие «пятерки». Взяли седьмую модель, самую последнюю и потому самую дорогую. Но деньги от дедушкиной «Волги» были, так что хватило.

Вика свою белую «семерочку» полюбила, ездила на ней легко и уверенно. Так и звала – «моя ласточка».

В институте у нее дела шли не очень гладко. Старые «хвосты» сдала, а новые появились. Раньше проводила в институте весь день, и дня было мало. Жаль было вечером расходиться, поэтому шли в общежитие, и там разговоры, споры, музыка, любовные интриги продолжались до одиннадцати. Расходились после того, как голос комендантши криком проносился по коридору: «Гости, на выход!»

Если раньше Вика могла обсуждать с приятелем-режиссером или девчонками с актерского их планы, удачи и проблемы, то сейчас только кивала на бегу: «Привет! Как дела?» Получение Стасом Госпремии никого здесь не удивляло. Все жаждали успеха. Награды и звания казались само собой разумеющимся. А что тридцать два года? Не такая уж молодость! Самое время для славы. Только у них слава всенародная, а у физиков лишь в научных кругах. Недаром им дают звания народных артистов. А народный физик? Нет, искусство, конечно, важнее для людей. А самое главное из искусств? Конечно же, кино! Однокурсников больше волновал размер премии – пять тысяч! И, конечно, белая Викина «семерка». Не многие в институте ездят на такой. Повезло Вике Велеховой!

Стас опять пропадал в лаборатории, а дома просиживал за своим столом до ночи. Вике хотелось поговорить с ним о своем, пойти в кино или просто погулять – вечера были теплыми, почти летними. Но она видела отрешенное лицо мужа и понимала, что погулять можно только с соседкой. Тогда зачем она сидит вечером в Зеленограде? Лучше бы своими девчонками дома занималась. Вика ловила себя на мысли, что говорит: «Поехала к Стасу, я буду у Стаса», а про квартиру родителей – «домой». С такой любовью она устраивала все в Зеленограде, но вот дома не получилось. Или пока не получилось? Ведь девчонки-то на Неждановой. Но представить себе подвижных и шумных детей у Стаса? Или он тогда не будет работать дома, а только возиться с дочками? Нет, вряд ли.

Девочки подросли, бегали по квартире, Анечка всю болтала, а Ирочка пока молчала. Аня была такая же веселая, хорошенькая, добрая – всеобщая любимица. А Ира очень изменилась. Еще летом бабуля, глядя на тощую капризную девочку, сказала, что она вырастет красавицей. Нина Сергеевна только усмехнулась, а Вика с грустью подумала: «Да уж, красавица! Бедняжка моя! Гадкий утенок, которому не суждено стать лебедем». Но к году Ирочка окрепла,

сравнилась в весе с сестрой. Краснота кожи прошла, а белый пух на голове незаметно превратился в светлые шелковистые волосы. Красавицей она не стала, но глаза у Ирочки были необычные. Большие, прозрачные, цвета светлого янтаря.

– В кого такие глаза? – удивлялась Нина Сергеевна. – Странные какие-то, прямо кошачьи. И цвет непонятный. Вообще странная девочка, надо ее все-таки хорошему невропатологу показать.

– Ах, мамуля, оставь. Ребенок как ребенок. Немного капризная, но перерастет. Не все же дети такие, как Анечка. У Ирочки другой характер.

Характер и впрямь был другой. Ирочка всегда брала лучшую игрушку. Когда приходили гости, ей первой вручали подарок или шоколадку, хотя Анечка стояла рядом. Стас и Вика, входя в квартиру, первую целовали и брали на руки Ирочку, а вторая дочка с улыбкой ждала своей очереди. Анечка никогда не сердилась, безропотно уступала сестре во всем, не пыталась отстоять свое право на игрушку и внимание. Она любила всех, а Ирочка – только Вику и Льва Ивановича. И первое слово, которое сказала девочка, было «Вика – моя». И это «Вика – моя» она заявляла, глядя на сестру, Нину Сергеевну или Стаса, по несколько раз в день. А бабушке не говорила. Нина Сергеевна удивлялась, а Лев Иванович смеялся:

– Потому что я не претендую ежеминутно на внимание Вики, как вы трое. Ирочка видит в вас конкурентов и напоминает, что право первенства принадлежит ей. Чтобы вы помнили свое место и не очень-то надеялись отодвинуть ее в сторону и перехватить Вику.

– Ужасный ребенок! – бормотала Нина Сергеевна. – Наплачется с ней Вика.

Вику тоже тревожила болезненная привязанность дочки. Как будто только рядом с мамой она чувствовала себя защищенной. Было бы понятно, если бы ее кто-то обижал, но к Ирочке, наоборот, все относились с повышенным вниманием и заботой. Почему же девочка так нуждается в ней? Вика успокаивала себя мыслью, что со временем это пройдет. Может, Ирочка перепутала ее с сестрой? Говорят, что двойняшки очень привязаны друг к другу, но к Ире это не относилось, ей была нужна только Вика.

Время бежало. Дача, Зеленоград, квартира на Неждановой. Успехи и удачи Стаса. Его поездки на международные симпозиумы. Его научные работы, статьи, премии... Вика скромно окончила институт и устроилась работать редактором на телевидение. Работа была неинтересная, но жизнь в Останкино кипела. Появились новые друзья. Девочки пошли в садик. Они так и не переехали в Зеленоград. Стас с головой погрузился в науку, много работал дома. Вика не представляла, как дети впишутся в эту тишину, где они будут играть, спать? Стас предлагал Вике прописаться с детьми в Зеленограде, тогда ему тут же дадут трех- или даже четырехкомнатную квартиру. Но Нина Сергеевна убеждала Вику не делать этого. Их здесь прописано пять человек, и отцу вот-вот дадут квартиру. Предлагали уже несколько раз. Но Нине Сергеевне хочется в новом доме на улице Алексея Толстого, чтобы быть рядом с Викой. Разве можно сравнить квартиру на Неждановой, в которой она с детьми останется, и какой-то Зеленоград? Да и Стас не будет всю жизнь работать там. Его и сейчас зовут в самые престижные институты Москвы. Он лауреат стольких премий, получил звание профессора в тридцать четыре года! Да он академиком скоро станет! Какой уж тут Зеленоград! Вика слушала маму и понимала, что та права. Она пыталась объяснить Стасу, что не стоит обосновываться в Зеленограде, лучше подождать еще чуть-чуть. Но Стас начинал винить себя в том, что он плохой муж и отец. Девочки растут без него. Нет времени ни на них, ни на Вику. Она принесла себя в жертву. Заботится о нем как нянька. Да еще тратит время, занимаясь с ним английским. А ее талант! Вместо того чтобы заниматься творчеством, писать, она работает редактором, а это не ее, совсем не ее! Просто он и дети отнимают у Вики время, лишая ее возможности найти себя. И ей приходилось успокаивать мужа, говорить, что она счастлива и любит его, любит детей, у них семья. Стас – большой ученый, и он не может жить, как все. Все хорошо, все наладится. Главное – они вместе, они любят друг друга, все будет хорошо.

Часть третья. Алик

Между любовью и любовью распят мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век.

Марина Цветаева

А с творчеством происходила забавная вещь. Вика всегда легко рифмовала на любую тему. Своим девочкам сочиняла стихи, песенки, сказки, и они с удовольствием слушали. Както на пляже Дома творчества в Пицунде приятель-кинодраматург, услышав стихи и сказки, которыми она развлекала маленьких дочек, посоветовал записать и издать книжкой. Вика махнула рукой – какая там книжка, так, ерунда для домашнего пользования! Но приятель настоял и даже привел ее в Москве к своему другу в «Детскую литературу». Викины записи прочитали, одобрили и выпустили детскую книжку, красиво и ярко оформленную.

Когда Вика впервые взяла в руки нарядную книгу со своей фамилией на обложке, то испытала странное чувство. Вроде гордиться нечем, не «Война и мир», но чувство гордости все же было. И, прочитав книжечку тут же, в типографии, решила, что стихи совсем не плохие. Если бы были ерундой, вряд ли редактор просил бы приносить новые.

И она принесла. Придумывалось легко, это ведь не работа, а так... для своих девчонок. Вышла еще одна книжка, а потом ее стихи в толстом сборнике детских поэтов! После этого сборника ее приняли в Союз писателей. Вика стала детским поэтом и писателем. Было немного смешно, она же это не всерьез, а так, для развлечения. Родители гордились ее книгами, Вике даже неудобно становилось. Но гонорары платили очень приличные, и она ушла с телевидения, став «свободным художником». Вика почти каждый день бывала в Доме литераторов. Там проходили интересные семинары, показывали фильмы и был замечательный ресторан. В баре варили настоящий кофе, всегда сидели какие-нибудь знакомые, обсуждая новости и планы. Там Вика встретила Игоря Панова, который был влюблен в нее во ВГИКе. Игорь стал довольно известным, по его сценариям сняли несколько фильмов. Он презнакомил Вику с кучей народа: молодыми писателями, поэтами, драматургами, и она стала среди них своей. Обстановка была самая демократичная, во всяком случае среди молодежи. К вечеру в Доме литераторов, или сокращенно ЦДЛ, собиралась большая компания, и Вика очень весело проводила время.

Родители переехали на Алексея Толстого в дом ЦК. Квартира хоть и считалась трехкомнатной, но была больше, чем их на Неждановой. Лев Иванович с приходом Горбачева получил большую должность и ездил на самые важные международные встречи. Вообще жизнь менялась. Выезжать за границу стало проще. Стаса приглашали очень часто, но раньше ему лишь иногда разрешали поездки, а сейчас он сам мог решать, интересно ехать или нет. Он получил несколько очень престижных международных наград за заслуги в области физики. Его приглашали в различные университеты читать лекции, и в восемьдесят шестом году он поехал в Америку. Стас всегда зарабатывал по советским меркам много да плюс еще частые премии. Но после восемьдесят пятого года стали поступать деньги из-за границы за статьи. Все это выдавалось чеками Внешторга и тратилось в валютных магазинах.

У Вики вышла четвертая большая книжка про приключения Люли-мальчика и его собак. Эту смешную историю особенно любили ее дочки и всегда просили рассказать новые приключения. Книжка разошлась мгновенно, была переиздана и опять принесла Вике деньги. Потом был снят мультфильм, и ей выплатили гонорар. В «Детской литературе» просили продолжения историй. Ее друзья веселились: «Люля-мальчик бесконечен. Это «Гавририада» какая-то... служил Гаврила хлебопеком, Гаврила булки выпекал, служил Гаврила почтальоном, Гаврила письма разносил...» А Вика смеялась: «Нет, это Люлириада!» Но Аня и Ирочка пожинали плоды Викиной славы и в саду, и в школе. Мама-писательница! Приключения Люли-мальчика и его

собак! Дети просили сестер, чтобы мама написала, что было дальше с Люлей-мальчиком. Вику это забавляло, но она обещала придумать продолжение.

После переезда родителей квартира освободилась от большей части мебели. Нина Сергеевна собирала карельскую березу, поэтому спальню, столовую и кабинет увезла в новую квартиру. Опустевшие комнаты казались огромными. Вика сделала ремонт, купила мебель. Устроила девочкам отдельные комнаты, себе спальню с рабочим столом, современную гостиную. Рояль, правда, остался, тут Нина Сергеевна была непреклонна – девочки должны заниматься на хорошем инструменте. А дети, в отличие от Вики, занимались охотно. Ходила учительница музыки, учитель английского. Нина Сергеевна строго следила за воспитанием и образованием внушек, в этом Вика могла полностью положиться на нее. Девочкам еще не было шести лет, а они уже бегло читали по-русски и почти все понимали по-английски. Дедушка с бабушкой говорили с ними на английском, и им приходилось думать и отвечать.

Они по-прежнему были очень разными по характеру и внешне. Анечка была копией Вики, только более послушной и любящей. А Ира все-таки превратилась в красавицу и прекрасно сознавала силу своей красоты. Многочисленные гости, знакомые и просто люди на улице восхищались ею. Ирочка смотрела своими «кошачьими» прозрачно-янтарными глазами без всякого смущения и, если давали подарок, царственно протягивала за ним руку, небрежно роняя «спасибо». Нина Сергеевна пробовала с этим бороться, но ее впервые постигла неудача. Когда на празднике в детском саду Ирочке дали роль королевы цветов с танцами и песней, а сестре не дали даже роли цветка, бабушка, утешая заплаканную внучку, сказала:

– Ну, ничего, Нюточка, не плачь. Осенью начнете заниматься в балетном кружке, и тебе обязательно дадут главную роль в новогоднем спектакле.

– Ничего ей не дадут, – спокойно возразила Ирочка. – Мне дадут главную роль, и всегда мне все будут давать.

– Вот и глупость сказала! – возмутилась бабушка. – С какой это стати? Заслужить сначала нужно...

– Ничего мне заслуживать не надо, бабуля, – перебила ее Ирочка. – Вот увидишь, всегда мне все просто так будут давать. Потому что я красивая, а Анька, как все.

И Нина Сергеевна не нашла правильных слов для ответа. Рассказывая мужу об этом, возмущалась:

– Ты только подумай, Лева, какая паршивка! Ведь шесть лет всего, а рассуждает, как кокотка какая-то!

– Ну, Ниночка, не сгущай краски. Иришка еще ребенок. Говорит то, что ей хочется, не вкладывая особого смысла.

– Да нет же, Лева! В том-то и беда, что прекрасно понимает, о чем говорит. Видел бы ты эти наглые глазницы! И никакого сочувствия к сестре! Нюта плачет, а эта масла в огонь подливает нарочно!

– Ну, все, все, успокойся, дорогая моя. Ты немного преувеличиваешь, но, конечно, это не очень хорошо. Надо будет потихоньку внушать Иришке, что не все так просто в жизни.

– Вот ты и внушай, твоя ведь любимица...

Вика, услышав эту историю, немного расстроилась, но, как и Лев Иванович, посчитала слова Ирочки детской болтовней. Да у нее и времени не было вникать в воспитательный процесс. У Вики был роман. Шесть лет она хранила верность Стасу, понимала и принимала их необычную семейную жизнь. Старалась быть хорошей женой, «настоящей спутницей большого ученого». В глубине души знала, что немного играет в «хорошую жену». Просто, чтобы самой было интересно. Роль жены гения, конечно, почетна и престижна, но, возможно, ей, Вике, этого мало. Четыре года металась между Стасом, детьми, институтом, неинтересной работой. Только последние два года живет своей жизнью. И вот, пожалуйста – четыре изданные книги, член Союза писателей, деньги, друзья... Конечно, у них со Стасом тоже были друзья, и все они

– прекрасные, умные, талантливые люди! Но Вика всегда была там женой Стаса Зданевича. А сейчас она опять Вика Велехова – яркая, творческая, привлекательная. Заметил ли Стас, что они стали реже видаться, меньше времени проводить вместе? Вряд ли... Он любил ее, она в этом не сомневалась, но свою работу, все эти исследования и их блистательные результаты любил еще больше. Стас когда-то говорил, что все это для нее... Чушь! Уж она-то теперь знает, какое это магическое чувство – успех! Даже такой скромный, как у нее. Хотя почему она принижает себя?

Вика подшучивала над своим творчеством, но знающие люди считали, что пишет она совсем неплохо. Вот сейчас почти закончена повесть о девочке, которая не могла ходить, поэтому летала. То есть она, конечно, летала в воображении, девочка была больна, лежала в постели и фантазировала. У нее болели ноги. Вика не уточняла диагноз – детям это не важно, они и слова «парализован» не понимают. Просто яркие фантазии девочки. Она рассказывает о своих полетах так интересно и описывает, что видит сверху, так необычно, что взрослые сомневаются: вдруг действительно летает? А дети, ее друзья, верят и не удивляются ничему. Кто-то бегают ногами, а кто-то не может ходить, потому что умеет летать. Вещь получилась светлая, трогательная... Ее друг по ВГИКу – интересный и успешный режиссер, сказал, что можно сделать очень сильный фильм. Если подобрать ребенка, который хорошо сыграет, а дети иногда фантастически играют, то это будет маленький шедевр. Редактор в «Детской» прочел и был впечатлен, но сомневался, что худсовет пропустит. Летающие дети? В реальной жизни? Жаль, если «зарубят»! Вот если Вика переделает, чтобы всем было ясно, что больная девочка просто фантазирует, все это понимают, но делают вид, что верят. Тогда, конечно, можно попробовать. Но Вике не хотелось переделывать, повесть ей нравилась, это вам не «Люлиада» какая-нибудь.

Этими мыслями о Стасе, о его и своих успехах Вика пыталась оправдать себя. Да, влюблена, но кому это мешает? Она никому не причиняет зла, любит Стаса по-прежнему. Он и девочки для нее самое главное. Но ведь может быть какая-то своя жизнь и свои увлечения?

Роман этот возник случайно, как бы в шутку, но перерос в довольно серьезные отношения, и Вика не знала, что с этим делать. Да и не хотела что-либо менять, пусть идет, как идет. А «шло» очень бурно, отнимая все Викино время.

Попав в веселую шумную компанию, собирающуюся вечерами в ресторане Дома литераторов, Вика как будто вернулась назад, во вгиковские дни, когда была свободна, беспечна и уверена в успехе. Разница только в том, что многие уже состоялись и были известны. А так – те же споры о кино, литературе, о нашумевших постановках «Таганки», «Ленкома» и «Современника». Все были молоды, легко дружили и еще более легко влюблялись. В начале вечера за столом могло собраться пять-шесть человек, а потом компания разрасталась, подставляли стулья, сдвигали столики, устраивая сутолоку и неразбериху. Но официанты в творческих домах были ко всему привычны и хорошо понимали своих клиентов. Московская богема давала щедрые чаевые, никогда не проверяя счет. А если не было денег, могли занять у официантки. Вот чего не было, так это снобизма. Никто не кичился своими заслугами, известностью и успехами. Вика легко вписалась в эту атмосферу, став здесь своей.

День рождения она решила отметить в ЦДЛ. За шесть лет это был первый день рождения без Стаса и их общих друзей. Стас читал лекции в американском университете и должен был вернуться ближе к осени. На домашнем празднике с родителями и дочками ей стало грустно. Тех нежных слов, которые он сказал утром по телефону, было мало. Хотелось, чтобы Стас сидел рядом, смеялся, шутил и смотрел на нее так, как только он один умеет. Так что Вика надеялась поднять себе настроение среди друзей.

Заказала столик на двадцать человек. Пригласила двенадцать, но официантка Валечка предложила накрыть на двадцать – все равно набегут, где потом стулья искать? Так и получилось: главный московский красавец, актер с Таганки, пришел с двумя манекенщицами. Дружок-подружка Лерик привел приятеля, балетного мальчика из Большого. Известный архи-

тектор, муж ближайшей подруги, пригласил французского художника, а сама подруга Томка приехала после спектакля со своим партнером. Зашел хорошо знакомый всем западногерманский журналист, и ему махнули, давай к нам! А вот Игорь Панов пришел без жены, хотя Вика приглашала их вдвоем. И это было досадно. Игорь на что-то надеялся, была некая неопределенность в их отношениях. Вроде дружили, но легкая неловкость присутствовала. Вика надеялась познакомиться с его женой, чтобы все стало на свои места – просто друзья по институту. Но Игорь упорно приходил один, а у Вики и в мыслях не было заводить роман с чужим мужем. У нее есть Стас, и никто ей больше не нужен. И тогда она в шутку объявила, что ее кавалером сегодня будет Алик. Нарочно выбрала самого безобидного из всей компании. Алик был некрасивый, худой, высокий, с грустными еврейскими глазами, но очень обаятельный. Он дружил со всеми, коллекционировал иконы, картины, антиквариат, имел незаконченное музыкальное образование и работал в министерстве торговли. Деньги у него всегда были, и он щедро платил за всех. Ездил на «мерседесе», что тогда было редкостью. Говорили, что его отец «большая шишка» в Минторге. Алик мог достать все что угодно, от дефицитных книг до открытки на машину. Он давал деньги в долг и не напоминал забывчивым должникам. Вообще был добрым, милым, интересным собеседником – веселым и остроумным. Его все любили, и ни одно застолье без него не обходилось. Алик недавно разошелся с женой, очень хорошенькой, но глуповатой девчонкой, и шумно праздновал вновь обретенную свободу.

Он с удовольствием откликнулся на Викину шутку и ухаживал за ней весь вечер весело и непринужденно, как будто так и должно быть. Игорь злился, а Вика нарочно обнимала Алика и кричала:

– У нас с Аликом роман! У вас на глазах зарождается большое и светлое чувство!

Алик смеялся и целовал ее в щеку. Игорь пытался разбить их пару, но Алик твердо отказывал.

– Извини, старик, моя девушка слегка перебрала шампанского, и я никому не могу ее доверить.

– Правильно. Никому меня не отдавай, – бормотала Вика. – Я пьяна, как сапожник.

На улицу они вышли вместе. Алик предложил отвезти ее домой, садиться за руль ей явно не следовало. Но Вика попросила пройтись пешком, здесь рядом, и, может, она немного протрезвеет, чтобы не испугать детей. Алик засмеялся, и они пошли. Апрельская ночь была прохладной, и Вика пришла в себя. Голова не кружилась, настроение было легким, праздничным...

– Когда-то в этой церкви венчались Пушкин и Натали. Как давно это было! Потом я каждый день бегала мимо церкви в школу. А сейчас иду домой, и мне уже двадцать шесть лет. Уже двадцать шесть! Кошмар!

– Какое там «уже»! Совсем девчонка, – улыбнулся Алик.

– А тебе сколько?

– Мне? Ну, мне двадцать семь... в декабре будет.

– Совсем мальчишка, – сказала Вика, и оба рассмеялись.

На бульваре не было ни души, скамейки и аллея залиты лунным светом. «Как красиво!» – подумала она, и вдруг Алик сказал: «Стойте так, Вика, замри!» и стал читать стихи:

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучьи, точно мех ягуаровый.

Читал он тихо, но слова как будто звенели, так это было красиво.

Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники! и найдется ли пара Вам?

Вика стояла неподвижно, зачарованная стихами, звучащими так необычно в этой лунной ночи. Длинная тень в пышной юбке лежала на дорожке, и где-то в груди возникло ощущение радости и тепла. Хотелось, чтобы эти слова звучали и звучали в пустоте бульвара.

Жизнь доверьте Вы мальчику в макинтоше резиновом
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

- Красиво. Я не знала, что ты увлекаешься Северяниным.
- Тебе это странно? Я вообще люблю поэзию. А Серебряный век особенно.
- Молодец. Я, к сожалению, знаю лишь в институтском объеме. А Северянина вообще очень мало. Вот такие общеизвестные – конечно, а более поздние – нет. А ты хорошо читаешь. Прочти еще что-нибудь.
- Ну, вот послушай из тридцатых годов:

Свежей душистого горошка,
И значит, свежести свежей,
Немножко больше, чем немножко,
Ты захотела стать моей...
И к свежим я влекусь озерам
В незаменимости лесной,
Твоим сопровождаем взором,
Сопутствуем твоей весной.

– Замечательно! «Немножко больше, чем немножко...» Надо будет перечитать, – сказала Вика.

- Да я могу тебе наизусть читать, если интересно.
- Спасибо, Алик. Как-нибудь... с удовольствием. Но вот мы и пришли.
- Ты в композиторском доме живешь?
- Да. А ты, кстати, где обитаешь? Я так бессовестно потащила тебя пешком, теперь тебе надо за машиной возвращаться...
- Да ну, ерунда! Я тоже почти рядом, на Малой Бронной.
- А, ну тогда ничего. Спасибо еще раз за вечер поэзии. Спокойной ночи, Алик.
- Завтра увидимся, Викусь? Может, пообедаем вместе?
- Ну почему бы и нет? Только не раньше трех.
- Годится. Давай в три. В Домжуре? Раков свежих поедим.
- Ну, давай в Домжуре. Все, пока. – Вика поцеловала Алика в щеку и вошла в подъезд.

В квартире было темно, все спали. Вечерами, когда Вика уходила, с детьми оставалась мамина домработница Люба. Если Вика возвращалась поздно, Люба оставалась спать в гостиной на диване. Вика тихонько прошла в ванную и посмотрела в зеркало: «Свежей душистого горошка», – усмехнулась она. А, впрочем, вполне ничего. В самом деле, что такое двадцать шесть лет? И засыпая, слышала голос Алика: «По аллее олуненной вы проходите морево. Ваше платье изысканно...»

После обеда в Доме журналистов они стали встречаться каждый день. Раньше тоже виделись почти ежедневно, но это было в общей компании. Сейчас Алик всюду сопровождал Вику.

Возил ее в редакцию, в типографию, к портнихе и на маникюр. Терпеливо ждал в машине, а потом отвозил домой или обедать в ресторан. Вечером заезжал, и они направлялись в ЦДЛ или Дом кино. Сидели до закрытия ресторана, а после ехали всей компанией к кому-то в гости на «кухонные посиделки» или в загородный ресторан «Архангельское», где жизнь начиналась после одиннадцати вечера. Не для всех, конечно. На двери всегда висела табличка «Закрыто», и швейцар пускал только своих. Своими считалась московская богемная тусовка и те иностранцы, которые дружили с ними. Денег в «Архангельском» прогуливалось – море! Цены там были особые, просить меню считалось дурным тоном. Да и не поесть туда приезжали. Заказывали шампанское, фрукты и легкую закуску к водке. Играл замечательный оркестр, ради него и ездили. Девизом руководителя было: «Даром только птички поют». Поэтому посетители «заряжали» музыкантов очень серьезно. Но ребята стоили того. Там нельзя было услышать пошловатого советского шлягера. Играла лучшие композиции известных западных групп. А пели так, что, закрыв глаза, нельзя было отличить Борю-гитариста от солиста группы «Квин». Веселое было время. Ездили в «Архангельское» до конца советской эпохи. Впрочем, ресторан существовал и после, но вряд ли люди, посетившие музей-усадьбу и чинно обедающие рыбной солянкой и мясом в горшочке, могли представить бурное ночное прошлое заведения.

В «Архангельском» легко рушились браки и возникали новые яркие романы, там ревновали, страдали и проводили счастливые часы. Там были слезы и выяснения отношений, случались скандалы и драки между соперниками. Туда приезжали молодые, красивые, талантливые, известные. Там царила атмосфера праздника и беззаботности. Посетив впоследствии массу ресторанов и ночных клубов, Вика нигде больше не чувствовала такого настроения. «Архангельское» в ее воспоминаниях осталось самым веселым и романтическим местом.

Никаких отношений у них с Аликом той весной не было. Вике просто нравилось проводить время в его обществе. Она чувствовала себя окруженной заботой, вниманием и восхищением. Алик, при всей своей некрасивости, был очень симпатичным, веселым и легким человеком. В нем чувствовалось настоящее мужское рыцарское отношение к женщинам. Он стал своим человеком у Вики в доме. Цветы не успевали вянуть, девчонок он избаловал подарками и сладостями, домработнице Любе привозил огромные шоколадные наборы в благодарность за «лучшие в мире» пирожки с капустой. Люба расцвела при его появлении. Даже Нину Сергеевну, встретившую его довольно прохладно, покорила искренним восхищением ее педагогическими способностями в отношениях с внучками и признанием Викиного таланта. Когда узнал о ее любви к старинной русской мебели, рассказал много интересного о старых мастерах, стилях и особенностях мебели из карельской березы и красного дерева. Алик хорошо разбирался в антиквариате, и Нина Сергеевна это оценила. А когда подарил ей редкие альбомы «Истории русской мебели», изданные за рубежом, они стали друзьями.

– Милейший человек, – говорила Нина Сергеевна. – Очень харизматичный. И, конечно, интересный, прекрасно образован. Я понимаю, Викуся, такой поклонник льстит самолюбию каждой женщины, но что дальше? Ты замужем, и у тебя прекрасный муж... и девочки. Пожалуйста, Вика, не надейся глупостей!

– Мама, ну о чем ты говоришь? Алик – просто друг, чудесный парень. Ты же знаешь, приходится постоянно бывать «на людях». Премьеры, рестораны, банкеты. При таком прекрасном муже я всегда одна. Ну не с Лериком же ходить? Это очень двусмысленное положение. Мне удобно, что Алик сопровождает меня и я вроде и при кавалере.

– Ну да, это, конечно, лучше. Только как бы Стас не воспринял иначе...

– Стас, мамуль, выше всякой пошлости. Да к нему это и не имеет никакого отношения. Он живет в совершенно другом мире.

И Нина Сергеевна успокоилась. Раньше был Сережа, ходивший за Викусей, как тень. Недавно, слава богу, женился. Теперь вот Алик. Что ж, у такой хорошенькой и талантливой женщины, как Вика, должен быть бескорыстный поклонник.

Но друзья и знакомые в бескорыстную дружбу не верили. Встречая их постоянно вместе и видя, как в шумном застолье они всегда погружены в какие-то свои разговоры, прямо спрашивали:

– У вас что, роман? Признайтесь!

А они дружно отрицали, объясняя свое постоянное общение схожестью интересов и любовью к русской поэзии.

Как-то приехали в Архангельское в проливной майский дождь, и Алик вынес Вику из машины на руках, чтобы она не замочила ноги в открытых босоножках. А когда поставил ее на пол в холле, Вика, не расцепляя рук, обнявших его шею, несколько мгновений молча смотрела в глаза Алику и видела в них грусть и нежность. За столом подвыпившая Томка пристала:

– Ну, признайтесь, что у вас роман! Что вы за тихушники такие! Ведь это так прекрасно – любовь! Ради этого и живем. Викусь, ну что молчишь? Признавайся! Давай за это выпьем.

Вика, улыбаясь, покачала головой.

– Нет никакого романа, расслабься, подруга.

– А что же у вас происходит? – зло спросил Игорь. – Пионерская дружба?

Алик улыбнулся и поднял бокал:

Я не влюблен в нее нисколько,
Как, впрочем, и она в меня.
Мы лишь слегка флиртуем только.
День изо дня. День изо дня.

За столом зашумели, засмеялись, чокаясь.

– За флирт, господи! Нет, за Любовь! За любимых до дна!

– Стишки! – усмехнулся Игорь. – Любители поэзии! А впрочем, хорошо зная свою подругу Викусю, ничему не удивляюсь.

– Хорошо зная Викусю? – тихо спросил Алик, и все замолчали.

– Ты и представить себе не можешь, до какой степени! Слишком хорошо.

– Врешь ты все, старик! Ничего ты не можешь знать об этой девушке с певучими глазами и асимметричным лицом. Не твоего поля ягода. Забудь о ней, старик! – и, взяв Вику за руку, увлек в круг танцующих.

– Почему с асимметричным лицом? Где ты видишь асимметричность? – спросила она.

– Вижу. И в этом главная прелесть твоего лица. Его невозможно забыть.

– Все ты выдумал. У меня очень хорошенькое лицо.

– Нет, – Алик покачал головой. – У тебя прекрасное лицо. Только асимметричное. И глаза, как у ведьмы.

– Ты же говорил только что про «певучие глаза»?

– У всех ведьм певучие глаза, – упрямо возразил он.

– Ты пьян, дурачок, – тихо засмеялась Вика. – И обратно машину поведу я.

– Да, веди. И меня веди, куда хочешь. За тобой куда угодно! Пропал я, Викуся, пропал!

– Ты просто слегка напился. Но это пройдет. Я тебя отвезу домой, и все пройдет.

Вообще это был пока вполне невинный флирт. Правда, никто в это не верил. Особенно после рассказа мужа красавицы-поэтессы. Он был известным театральным художником и дружил с Аликом.

– Еду на днях по Фрунзенской набережной. Смотрю, стоит знакомый «мерседес», подъезжаю, останавливаюсь, Алик с Викой сидят. «Что? – спрашиваю я. – С машиной что-то не в порядке? Может, помочь?» «Нет, – отвечают, – мы просто разговариваем». Ну ладно, поехал дальше. На следующий день опять ездил в мастерскую к Ваське за эскизами. Еду обратно, глазам не верю! Стоят! На том же самом месте! Останавливаюсь. Сидят в машине вдвоем.

Спрашиваю Алика: «Старик, что случилось?» «Ничего, – говорит, – просто разговариваем». «Да я вчера вас на этом самом месте видел!» «Да? – удивились. – Seriously? А мы и не заметили, просто остановились». По-моему, они и не расстанутся. И что скрывают от друзей? Секрет полишинеля...

В конце мая Нина Сергеевна увезла девочек на дачу, а в июле они со Львом Ивановичем собирались ехать в Крым вместе с внучками. Получалось, что до середины августа Вика совершенно свободна. Ей надо было сдать исправленную повесть. В издательстве торопили, а Вике не хотелось портить хорошую вещь, да и времени совершенно не было. Вообще как-то не писалось, поэтому Нина Сергеевна решила создать ей все условия для работы. К Викиному творчеству мама относилась очень серьезно.

В начале июня вся компания собиралась в Сочи, позагорать и поплавать. Вика с Аликом тоже решили ехать. Заказали пять двухместных номеров в «Жемчужине». Вика понимала, что в Сочи их отношения изменятся. Во-первых, собирались парами, и только двое были официально женаты. Поселиться в гостинице без свидетельства о браке двум разнополым гражданам было невозможно. Поэтому паспорта на стойке обычно сдавали: женские в один номер, мужские – в другой. А на этажах занимали номера по интересам. Там уже это никого не волновало. Тем более всем за все платили. И Вика понимала, что жить они с Аликом будут в одном номере. Для всех – они пара. «Да будь что будет. В конце концов, мы не дети», – решила она.

В Сочи было солнечно, балкон смотрел на море, синее-синее до самого горизонта. Вика сосредоточенно разбирала чемодан, стараясь не смотреть на сдвинутые рядом кровати.

Алик рассмеялся и сказал:

– Викусь, брось! Потом развесишь. Переодевайся и пойдем, искупаемся, а то солнце зайдет.

Они плавали дотемна. Возились и шумели в воде, как дети. Алик делал вид, что хочет «утопить» Вику, а она визжала, отбивалась и брызгала на него водой. Неловкость, возникающая в номере, прошла. Вике опять стало легко и весело. В ресторан пришли последними, вся компания уже сидела. Ужин прошел за оживленными разговорами и планами на завтра. На них с Аликом никто не обращал внимания. В номер вернулись поздно, и Вика прошла на балкон. Облокотилась на перила и смотрела в темноту. Она как-то растерялась и не знала, что делать дальше. Алик вышел следом, щелкнул зажигалкой, закурил. Потом встал рядом с ней и, помолчав немного, рассмеялся, бросил сигарету в темноту и произнес:

Я вас люблю. – В камине воеет ветер.
Облокотясь – уставясь в жар каминный —
Я вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

Вика повернулась к нему и сказала:

– Не хочу невинной любви.

– А какой ты хочешь?

– Хочу страстной и нежной.

– Порочное дитя! Что ты знаешь о страстной любви? Ты шутишь? – Алик улыбнулся, глядя на Вику.

Она положила руки ему на плечи и повторила:

– Хочу страстной и нежной любви.

– Уверена? – насмешливо глядя на нее, спросил Алик. – Не боишься?

– Нет. Это ты должен бояться. – Вика провела пальцем по его лицу от лба к губам.

– А я и боюсь, – прошептал он, обнимая Вику.

И была страсть и нежность.

Заснули только под утро, а проснулась она от жаркого солнечного луча, пробившегося сквозь щель между гардинами. В номере никого не было. Взглянула на часы – половина двенадцатого. Вика раздвинула занавески, и солнечный свет залил полутемную комнату. Оглянувшись, увидела на столике у дивана бледно-желтые розы. Совсем светлые, чайные, как она любила. Целая охапка в большом кувшине. Где он только взял этот кувшин? Из цветов торчал листок бумаги. Она развернула и прочла:

Я вас люблю. И пусть рыдает ветер.
В камине жар, меня ж бросает в холод.
Я вас люблю. Любовь моя безумна.
Но я счастливей всех на этом свете!

Р. С. Спускайся завтракать. Я на террасе кафе, на пляже.

Вика рассмеялась, бросила листок и пошла умываться.

Алик сидел за столом под полосатым тентом.

– Привет, – сказала Вика. – А где все? Почему ты один?

– А «всех» ты проспала. Искупались, позавтракали и уехали на поиски приключений.

Мы вдвоем. Что тебе заказать?

– Не хочу ничего. Кофе и сок апельсиновый.

Алик окликнул официанта и сделал заказ.

– А когда ты успел раздобыть эти чудесные цветы? Спасибо, кстати.

– Не стоит благодарности. Кто рано встает, тому Бог дает.

– А зачем ты с утра издевался над Цветаевой?

Камин погас, рыдает где-то ветер.
То в жар, а то меня бросает в холод.
Безумен я! И жизнь моя безумна.
Но счастлив я и дух мой светел, —

с придыханием, на манер своей любимой поэтессы прочла Вика.

– А что? – одобрил Алик. – И этот вариант годится. Видишь, Викуся, пообщалась немного с образованным человеком и уже можешь от детских стишков переходить к взрослым.

– Ой, ой! Кто это у нас образованный? Несчастный музыкант-недоучка! Просто у тебя память хорошая, помнишь чертову уйму стихов...

Принесли кофе и сок. Вика задумчиво смотрела на море. Было так лениво и хорошо, что не хотелось двигаться.

– Ну, что будем делать, моя принцесса? Поедем догонять коллектив? Они заказали столик на «Мельнице»! Или останемся здесь?

– Давай останемся. Будем просто купаться и загорать.

И они остались одни на целый день. И день тянулся бесконечно. И были соленые поцелуи в море и нежный шепот на сдвинутых вместе шезлонгах. И камешки, которыми они выкладывали какие-то одним им понятные слова.

Потекли прекрасные, беззаботные дни. Никто больше не просил их признаться в романе, не уговаривал ехать днем на «поиски приключений», понимая, что им хочется побыть вдвоем. Но вечера все проводили вместе, и вечера эти всегда были веселыми. Много смеха, шуток,

смешных рассказов, а хороших рассказчиков среди них было немало. Иногда к ним присоединялись знакомые, компания разрасталась, и ехали в Пицунду или Дагомыс.

Викины благие намерения поработать над повестью разлетелись, как дым. Работать не хотелось. Настроение было празднично-легким, ей нравилось всё и все вокруг. И тратить эту праздничность на что-то скучное было жаль.

Через неделю неожиданно приехал Игорь. Приехал один, без жены, поселился в «Жемчужине» и присоединился к компании. Все было нормально, он даже знакомился с девушками и приглашал их вечерами. Так что тоже был вроде не одинок. С Викой и Аликом держался вполне дружески, как со всеми остальными.

Как-то вечером сидели в баре гостиницы «Камелия». Разговор за столом перескакивал от кино к литературе, переплетался со светскими новостями из Москвы, комплиментами присутствующим девушкам – все как обычно. Вошли две московские актрисы, осматриваясь в поисках свободного места. Девушки были всем знакомы, и им приветственно махали руками, приглашая присоединиться. Когда усадили, налили шампанского, кто-то сказал:

– Тост! Тост за прекрасных гостей. Алик! Что-нибудь красивое, как ты умеешь...

Алик вздохнул, взял бокал в руки и, чуть подумав, продекламировал:

Люблю я вас, красавицы столетий,
за ваш небрежный выпорх из дверей,
за право жить, вдыхая жизнь соцветий
и на плечи накинув смерть зверей.

Все засмеялись, чокаясь с актрисами.

– Bravo, Алик! – сказала одна из них, кивнув ему. – Как тебе удается так тонко чувствовать красоту?

Алик пожал плечами и улыбнулся девушке.

Вика напряглась, царапнуло по самолюбию.

– Красоту? – громко переспросил Игорь. – Да полно вам! Декадентские стишки!

– Ну вообще-то это Б... – Алик назвал имя знакомой всем поэтессы. – Она, уверяю тебя, никакого отношения к декадансу не имеет.

– Я не говорю о ее стихах, а вообще о том, что ты помешался на декадентах. А это уже так неинтересно и ненужно. Какой-то хлам истории. Культурный регресс, упадок и разрушение...

– Ну, тебе, конечно, видней, певец соцреализма, – усмехнулся Алик.

– Но я пишу свое, а ты читаешь чужое. Да еще такое пошло-красивое, эти модернизмы, символизмы, акмеизмы... Бредятина!

– Слушай, Игорь, зачем говорить о том, чего тебе не дано понять? Какой регресс, какой упадок! Ни черта не понимаешь, а берешься судить! Да это лучшее время в русской поэзии. Красота Заката! Эти двадцать-тридцать имен – гордость нашей культуры. Они искали выход из тупика, их мир разрушался, а они умели видеть в этом красоту. Это большое искусство. Конечно, если ты понимаешь значение этого слова.

– Господа, господа, – примирительно прозвучал голос Никиты, друга Алика. – Ну что вы, ей-богу, сцепились? Каждому свое. Кто-то любит арбуз, а кто-то свиной хрящик. Давайте лучше выпьем! За русскую поэзию, например. За красоту Заката, господа! Ну не за соцреализм же нам пить!

Вика засмеялась, и все заулыбались. Игорь досадливо поморщился и посмотрел на нее.

– Кстати, Вика, я тут на днях виделся с твоим приятелем из «Детской». Он в унынии. Ты обещала ему сдать окончательный вариант повести в мае и уехала. А здесь я что-то не заметил, чтобы ты работала. Смотри, Викусь, пролетишь с повестью!

Вика подцепила кусочек ананаса, бросила в свой бокал и, посмотрев сквозь стекло на Алика, нараспев прочла:

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Вся я в чем-то парижском! Вся я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

Поставила бокал и, протянув руку Алику, сказала:

– Все, господа, желаю хорошо провести время. А мы вас покидаем. Игорь прав, пора за работу. Алик мне поможет вдохновиться. Вдвоем-то уж как-нибудь эту повестушку осилим.

Алик, улыбаясь, взглянул на Игоря и, приобняв Вику за плечи, помахал всем рукой. Игорь проводил их злым взглядом. В такси Алик спросил:

– Ну, зачем ты его злишь?

– А ты зачем переглядываешься с этой актрисулей? Это я из-за нее тебя увела.

– Вик, да ты что? У меня и в мыслях не было!

– Да, да! Знаю я твои грязные мыслишки.

– А ты стихи перевираешь. «Вся я в чем-то парижском...» – передразнил Алик.

– А так лучше. Вся я в чем-то парижском, вдохновляюсь порывно! Вдохновляюсь порывно! Обожаю тебя!

– Врунья! Сказочница! Кто бы тебе верил! – прошептал он, обнимая Вику.

А на следующий день произошла история, которая ускорила их возвращение в Москву. Утро было пасмурным, на пляж не пошли и решили поехать обедать в ресторан «Аул». В горах цвели необычные цветы, в мангалах пылал огонь, пили домашнее вино под мамалыгу и вяленое мясо. Настроение у всех было хорошее, о вчерашней стычке Алика с Игорем никто не вспоминал. Игорь был спокоен, шутил, произносил веселые тосты и на Вику не обращал никакого внимания. В конце обеда, когда пили кофе в крошечных чашечках, Игорь спросил:

– Викусь, ты так увлеклась Северяниным, раньше я у тебя такой тяги к поэзии не замечал. Хочешь, я прочту тебе кое-что интересное?

Вике бы надо было послать его к черту, но она лениво пожала плечами, мол, хочешь, так читай. Игорь затушил сигарету и начал:

Изменить бы! Кому? Ах, не все ли равно!
Предыдущему. Каждому. Ясно.
С кем? И это неважно. На свете одно
Изменяющееся прекрасно.
Одному отдаваясь, мечтать о другом
Неиспробованном, невкушенном,
Незнакомом вчера, кто сегодня знаком
И прикинется завтра влюбленным...
И при этом возлюбленных так обмануть,
Ревность так усыпить в них умело...

Вика с удивлением посмотрела на Игоря и встретила его насмешливый взгляд. И эта издевательская улыбочка! Почему? Что она ему сделала? А он продолжал, и ей захотелось исчезнуть, чтобы не слышать. Голос Игоря дрогнул, и закончил он, четко и зло выговаривая каждое слово:

Наглость, холод и ложь – в этом сущность моя.

На страданья ответом мой хохот.
Я красива, скользка и подла, как змея,
И бездушно суха, как эпоха.

Все молчали. У Вики пылало лицо. Игорь смотрел на нее, усмехаясь. Алик вскочил, опрокинув стул, и бросился к нему.

– Ах ты сволочь, подонок, дерьмо!

Игорь тоже вскочил, смахнув бокал. Послышался звон и хруст разбитого стекла. Девушка, сидевшая рядом с ним, испуганно вскрикнула. Никита бросился к ним, но не успел и, разнимая дерущихся, бархатно уговаривал:

– Ну, все, господа, уймись. С ума посходили? Из-за стихов? Все, все! Успокойтесь!

К Никите подоспел еще один из сидевших за столом, и вдвоем они развели врагов в разные стороны. У Игоря была разбита губа, и его девушка осторожно прикладывала смоченную в водке салфетку. Он болезненно морщился и молчал. Алик сел рядом с Викой, взяв ее за руку. Она сидела безучастно. Настроение у всех было испорчено. Расплатились и пошли к машинам. В такси Никита пытался разрядить обстановку, рассказывал что-то забавное, но Алик и Вика молчали, и ему пришлось общаться со своей подругой. Она тоже делала вид, что ничего не произошло, смеялась над шутками Никиты и восторгалась красотой горной дороги. Вике было неуютно и грустно. Хотелось домой. К Стасу. К девочкам. К маме с папой. Никогда бы она не оказалась в такой унижительной ситуации, если бы рядом был Стас. Она вспомнила Зеленоград, их друзей, праздники и вечеринки. Все совсем другое! Другие лица, другие разговоры. Никому бы там не пришло в голову нахамить женщине! И безобразную драку никто бы не затеял. Это все отличительные черты столь милой ее сердцу московской богемы! Ей в их обществе «как медом намазано». Все забыла: и Стаса, и его друзей. Вот и получила! Дело, конечно, не в стихах, а в том, как он это преподнес и как мерзко прочел. Как будто грязью вымазал. И второй хорош! Кинулся морду бить, вместо того чтобы интеллектом парировать и свести на нет поэтические потуги Игоря. А ведь мог! Для него Северянин и вся его поэзия – дом родной. Мог бы высмеять Игоря его же оружием. Так нет, превратил все в скандал! Если бы не Никита, неизвестно, чем бы кончилось. Так и предавалась своим печальным мыслям всю дорогу. В лифте Никита предложил:

– Может, сходим поплаваем?

– Не хочется, устали, – ответил Алик.

– Ну ладно, тогда до вечера, – сказал Никита, выходя на своем этаже.

В номере Вика прошла на балкон и взяла в руки журнал, делая вид, что читает. Обсуждать все это с Аликом не хотелось.

– Вкусь, у тебя какие планы? Почитаешь? Я по делам на часок отъеду.

– Давай. Я в номере буду.

Алик ушел, а Вика продолжала анализировать то, что произошло в последнее время. Она, конечно, виновата, но и Стас не прав. Уехал на полгода, а задерживается еще на три месяца. Лекции закончились, теперь какие-то статьи пишет. И всегда Вика на втором месте!

Вон Алик почти постоянно рядом, непонятно, когда он на работе бывает. Конечно, сравнивать их невозможно, кто такой Алик? А Стас – гений, причем признанный гений, все об этом говорят. Она все понимает и с самого начала знала, что Стас во время работы находится в другом измерении, ничего не замечая вокруг. Но Вика все-таки живой человек! Она создала ему все условия для работы, для его открытий. И чтобы дети не мешали, и чтобы она не маячила перед глазами живым укором! И что получилось? И кто виноват? Уж точно не она! Зачем взваливать на себя одну всю вину? Опять рифмы. На себя одну я взвалю вину. Ты же, ангел мой, лишь глаза закрой на мою вину, на твою беду. Ну а я уйду, отпусти, родной, не держи, прости... Дай мне жить одной!? Да, бред! Явно она не Цветаева. Очевидно, ей только про зай-

чиков и мишек... Надо ехать в Москву. Переделать и сдать повесть. Хорошо бы послать к черту редактора, не портить хорошую вещь, а написать сценарий. Хороший сценарий по хорошей повести. И Володя снимет фильм. Он же говорил, что фильм получится. Только если повесть не пропускает худсовет, то и сценарий «зарубят». Замкнутый круг. С этими мыслями просидела до возвращения Алика.

– Викусь, ты как тут? Не соскучилась? Давай собирай вещи, в «Камелию» переезжаем. Я там люкс взял на три дня. Больше не получилось, к сожалению, потом два одноместных дадут. В люксе три комнаты, и они, в виде исключения, поселили нас вместе. Но в двухместный вдвоем не могут, обещали рядом комнаты дать. Переедем, не хочу больше мерзкую рожу Панова видеть. Раз не могу его отсюда выкинуть, уедем сами. В «Камелии» даже лучше. Там тоже полно знакомых отдыхает...

«Да, – подумала Вика. – И актриска, которая строит тебе глазки, тоже там. Замечательно!» Но вслух сказала:

– Алик, достань мне билет в Москву. Пожалуйста! Действительно надо работать. Здесь не получается, а редактор ждет. Я бы хоть сегодня улетела...

– Хорошо, – Алик растерянно посмотрел на нее. – Сегодня, конечно, вряд ли. Последний рейс в семь часов. Завтра попробую. Все равно переедем, хоть на один день. Я пойду Никите скажу и расплачусь за номер, а ты пока соберись.

Люкс оказался в старом корпусе на первом этаже. Две спальни и гостиная с балконом, выходящим в сад. Уютно. Разбирать вещи Вика не стала, вдруг завтра удастся улететь. Достала только косметику и умывальные принадлежности. Поужинать предложила в номере. Алик заказал ужин с уймой деликатесов, фруктами, шампанским. Зажег свечи. Он явно хотел создать романтично-праздничную обстановку, чтобы вывести Вику из молчаливой задумчивости. Но она не хотела играть в эти игры, пить не стала и разговор поддерживала нехотя, односложно. После ужина Алик предложил подняться в бар.

– Ты иди, – ответила Вика. – А я пройду по парку. Посижу на пляже, подышу морским воздухом. Может, завтра улечу, так что лучше на море посижу последний вечер.

– В таком случае я с удовольствием составлю тебе компанию. В бар действительно не хочется. Думал тебя как-то развлечь. Можно даже искупаться, если хочешь?

– Нет, я не буду. Просто погуляю.

– Ну и я тогда не буду. Пошли?

Возразить было нечего. Хотелось побыть одной, но не может она запретить человеку гулять по парку. Гуляли молча и молча сидели на пляже. Алик курил, а Вика просто смотрела вдаль. На берегу было пусто, тихо. Едва слышная музыка доносилась из кафе в парке.

– Тебе не холодно, Викусь?

– Нет. Мне не холодно.

– Что с тобой, моя девочка? Расстроилась из-за этого подонка?

– Да нет. Просто невеселые мысли.

– Вик, это, конечно, твое личное дело, можешь не отвечать. Мне просто интересно, что такого у вас было, что он никак не может успокоиться? Ведь это никакой не экспромт, ты же понимаешь, что знать стихотворение наизусть он не мог. Где-то раскопал, выучил, готовился, гад... Что же его так гложет?

– Да ничего у нас не было, Алик. Начиналось что-то довольно серьезное давным-давно, в институте. Но я встретила Стаса, влюбилась и вышла замуж. Игорь закончил раньше, мы несколько лет не виделись. А год назад встретились случайно в ЦДЛ. Ну и стали общаться просто так, по-дружески. Да все на твоих глазах было! Никаких тайных встреч не происходило.

– Тогда вообще непонятно, какие у него к тебе претензии? Эх, жаль я ему морду не набил!

– Ох, Алик! – Вика поморщилась. – Вот мордобой этот был вообще некстати! Испортили всем настроение.

– Ну, извини! Я, значит, должен был слушать это хамство? Мою девушку оскорбляют, а я сижу, курю, в окно смотрю...

– Ну, можно было как-то словами...

– Ну да! А лучше взглядом, полным негодования... Ты, конечно, как дочь посла, привыкла к дипломатическим переговорам. Ну а в нашей простой еврейской семье принято драться за свою честь и своих женщин.

«Ну, какая я твоя женщина!» – хотела сказать Вика, но передумала и поднялась с шезлонга.

– Пошли, Алик. Поздно.

На следующее утро Алик хлопотал насчет билета. Кому-то звонил, куда-то ездил. С билетами в сезон было сложно. Вика думала, что он вряд ли будет брать билет на сегодня, скажет, что не было. Люкс в их распоряжении еще два дня, подумает, что вполне можно попользоваться комфортом до послезавтра. Но к часу он появился и помахал в воздухе двумя бумажками.

– Викуська, летим! В семь часов. Бронь «Интуриста» еле вырвал. Отец из Москвы звонил! Так что у нас до пяти есть время. Пошли, поплаваем, а потом красиво пообедаем. Я Никите позвоню, ты не против? Пусть он с Жанкой приедет, надо же «отвальную» сделать.

– А ты что, тоже летишь? – растерялась Вика.

– Здравствуйтесь вам! Я-то чего здесь останусь? Я из-за тебя поехал, чтобы ты развлекалась. А у меня, Викусь, работа! Хотя и синекура, но появляться регулярно все же надо.

И Вика почувствовала легкие угрызения совести. Алик поднял всех, чтобы достать билет на сегодня. И летит с ней, хотя мог бы остаться в обществе смазливой актриски. Наверно, она не права. Но в Москве все равно надо расставаться. Зря она все это затеяла. Стас скоро приезжает...

В Москве Вика пыталась положить конец их отношениям. Отговаривалась занятостью и действительно сидела над повестью. Редактор был сердит, но она сделала виноватое лицо, похлопала красивыми глазками, грустно вздыхая, и он оттаял. Дал ей срок до конца месяца, и Вике пришлось взяться за работу. Алик звонил, заезжал, но она отклоняла его предложения сделать паузу и поехать развлечься. Из Сочи вернулись друзья, и веселые вечера возобновились. Но Вика проявила твердость, и расстроенный Алик не знал, что думать. Он видел, что Вика действительно работает, но уж не до такой степени, чтобы и вечер не освободить для него!

Спасти повесть не удалось, пришлось написать заново, следуя указаниям редактора. Получилась милая детская сказка, от старой повести осталось лишь название да несколько фантастических снов. Редактор был доволен, худсовет тоже. Повесть пошла своей издательско-типографской дорогой, а Вика получила гонорар. Что ж, такова жизнь! Ссориться с издательством не имело смысла, а повесть пусть полежит до лучших времен. Может быть, она со временем напишет сценарий.

У Вики появилось свободное время, и она не знала, чем заняться. Несколько дней провела на даче у бабушки, но соскучилась по московской жизни и вернулась в город. Родители с девочками уехали. Проводив их, она впала в хандру. Вот так и молодость пройдет в четырех стенах. Кошмар какой-то! Алик, выждав паузу, возобновил свои атаки, и Вика, махнув рукой на благие намерения, стала опять встречаться с ним каждый день. Честно говоря, она скучала без него, без его любви, заботы, нежности. Скучала по веселым вечеринкам. Нет, жизнь затворницы не для нее! Алик был счастлив, влюблен и безумен. К Вике вернулось хорошее настроение. Случай, испортивший им сочинские каникулы, забылся. Игоря они как-то встретили на просмотре в Доме кино, но только издали кивнули друг другу. Да и вся компания избегала встреч с ним. Игорь чувствовал это и больше бывал в Доме кино, а не в ЦДЛ.

Вика проводила много времени в квартире Алика на Малой Бронной. Ночевала редко, боясь, что Стас позвонит. Обычно он звонил рано утром, так совпадало по времени в Калифорнии. Не застав ее, мог позвонить на дачу к бабушке. Стас наверняка не мог себе предста-

вить, что если Вика не ночует дома, то она может быть где-то в ином, чужом месте. Только на даче, разумеется. Алик протестовал, не хотел отпускать... Что там стеречь в пустой квартире? Утренние звонки? Скоро приедут дети, Вика опять будет занята. Почему оставшееся свободное время он должен делить ее с телефоном? Но Вика чувствовала себя дома спокойней, как будто стены защищали, давая уверенность, что в ее семье все хорошо. Рестораны ЦДЛ и Дома кино закрылись до конца августа. Друзья разъехались кто куда. Москва опустела. Свободного времени было много. Они часто ездили в загородные ресторанчики обедать. Или Алик возил ее вдруг в далекий монастырь смотреть удивительную икону. Или в краеведческий музей тихого провинциального городка на Волге, где были редкие гравюры. Или в подмосковную усадьбу-музей, где она не была со школьных времен. Он рассказывал столько интересного про иконы, гравюры, миниатюры, про судьбу людей, владевших этой усадьбой, их связью с русским искусством, что Вика удивлялась – откуда он столько знает? Вроде светски-праздник человек, сибарит, а столько знает о литературе, живописи, о русской старине. У Алика было много хороших картин, редких книг, икон, коллекция старинного фарфора и удивительной красоты серебряные работы известных русских мастеров. Он собирал картины современных московских художников. Вика к их творчеству относилась спокойно, даже с некоторым недоумением и не понимала этой страсти Алика. Он покупал, продавал, менялся и знал историю каждой картины и ее автора. Это, как поняла Вика, было его основным занятием. На своей работе он только числился. У Алика было много знакомых иностранных дипломатов. Он продавал им картины и иконы. Его ближайший друг Никита был одним из лучших реставраторов живописи. Эта их совместная деятельность, как догадывалась Вика, была не вполне законной и, очевидно, вполне наказуемой. Но что не наказуемо в нашей стране? Только унылое просиживание на работе с девяти до восемнадцати за сто пятьдесят рублей в месяц. Или нужно было иметь талант и заслуги, или сделать блистательную карьеру, как Викин отец.

Она не была наивной и знала, что большинство сограждан «крутятся», чтобы жить прилично. Музыканты, поэты и актеры делают «левые» концерты, учителя бегают по частным урокам, работники торговли спекулируют дефицитом, врачи берут «конвертики». У родителей был друг, известный хирург. Он рассказывал, смеясь, что пациенты делятся на нормальных и «незабудок». Нормальные после успешной операции дают «конвертик», а «незабудки» со слезами на глазах говорят: «Доктор, мы вас никогда не забудем!» А батареи марочного коньяка – это только консультация и лечение. Сложные операции предполагают благодарность в конвертике. Или пакет с дорогим подарком. Но это у хороших специалистов. А молодые врачи в больницах вынуждены брать дежурства или работать еще где-то на полставки, чтобы заработать дополнительно. Так что «крутятся» все. Грань между разрешенным и наказуемым очень тонкая, легко не заметить.

Поэтому о том, как Алик зарабатывает деньги, которые так легко тратил, Вика старалась не думать. Ей только странно было, что он носится со своими авангардистами не потому, что хорошо на этом зарабатывает, а искренне считая их гениями. Зверев, Кабаков, Целков, Игорь Иванов – он восторгался каждым новым приобретением, пытаясь объяснить Вике суть и смысл этих картин. Но она пропускала мимо ушей все эти нонконформизмы, концептуализмы, структурные символизмы – это было не ее и не находило отклика в душе. Она любила другую живопись. Вика два раза ездила в Ереван на премьеру своих друзей по ВГИКу, и ее водили в музей современного искусства. Она была поражена работами армянских художников. Да и сам музей удивил ее. Создать целый музей для современных работ! Да, армяне относились к своей культуре куда внимательнее, чем русские. Работ было много, они были такими разными, но некоторые просто завораживали. Вику с трудом увели оттуда – программа визита была очень насыщенной, друзьям хотелось показать ей все. В следующий свой приезд Вика пошла в музей одна и бродила по залам несколько часов. Почему у московских авангардистов такое мрачное, серое, тоскливое искусство? Глядя на работы, которыми восхищался Алик, она вспоминала

Ереван, музей современного искусства и то чувство радостного удивления, которое испытала, бродя от картины к картине. Но спорить ей не хотелось, и она старалась поменять тему. Для Алика работы этих художников были предметом гордости: «Они – символы русского искусства. Вот увидишь, Вика, когда-нибудь их имена будет знать весь мир. Их будут изучать, о них будут писать, потому что это гениально». Вика неопределенно пожимала плечами, все может быть.

Тем же московским августом он уговорил ее поехать позировать к его любимому художнику Толе Звереву. Алику очень хотелось иметь Викин портрет. Вика, пару раз видевшая Зверева на выставках на Малой Грузинской, согласилась неохотно. Эпатажный, неряшливый и скандальный Толя не внушал ей симпатии. А что за портрет получится, если нет никакой связи с художником? Зверев работал молниеносно, что-то поливал водой, размазывал акварель пальцем, рукавом, ляпал разноцветные кляксы, виртуозно чертил тушью. Вика смотрела на портрет и не видела в нем отличия от других зверевских женских портретов. Где-то глазки, где-то ротик, яркие пятна – забавно! Но Алик был в восторге и повесил портрет у себя на Малой Бронной. А потом был счастлив, потому что это была одна из немногих последних работ Зверева, через несколько месяцев художник умер.

Последнюю неделю перед возвращением родителей с девочками Вика провела в Паланге. Собрались неожиданно. Позвонил Никита, что, мол, вы там затаились? Давайте к людям! Солнце, море, свежий ветер! И они, быстро собравшись, уже через час катили из Москвы. Бабушка спать собиралась, когда Вика позвонила предупредить, что уезжает на неделю в командировку.

А утром были в Прибалтике. Веселые, шумные Никита с Жанкой, чистенькая Паланга с уютными барами, ресторанами и кондитерскими. И удивительный воздух, наполненный бог знает чем! Тут и сосны, и солнце, и нагретый песок, и запах моря. Спали мало – ночная жизнь Паланги была весьма разнообразна. Дремали утром в дюнах. Вика быстро покрылась золотистым загаром, который бывает только в Прибалтике. Вода была обжигающе холодной, но сон и усталость смывала сразу же. Неделя пролетела, как один день. Приехала почти одновременно с родителями. Не успела войти в квартиру, как раздался телефонный звонок от мамы: «Давай, Вика, быстро к нам. Люба пирогов напекла. Пообедаем, потом девочки домой пойдут, а то у тебя наверняка ничего нет». Приняла душ и через десять минут уже обнимала своих загоревших и выросших дочек.

Началась обычная московская жизнь. Девочки пошли в детский сад, Вика с двумя писателями готовила сборник детских рассказов. Отбирала с редактором кое-что из старого и написала новый. Про двух сестричек, которые приехали на море и подружились с умным дельфином. В первый же вечер после приезда соскучившиеся дочки потребовали рассказать новую историю. И Вика быстро придумала про того дельфина, которого они видели в море. История девочкам очень понравилась, они добавляли детали, и, переписав и «причесав» рассказик, она отнесла его в редакцию. «Симпатично, очень симпатично! – прочитав, сказал редактор. – А что? Давай включим его в сборник вместо старых стихов? Их все равно планируют переиздать, а тут свеженький рассказ в новом сборнике». Так что Вика на ближайшие пару месяцев «отстрелялась» и могла спокойно обдумать что-то новое. Девочки росли, и с ними менялись Викины стихи и историйки. Тот веселый рифмованный вздор про «мишек-топотыжек» уже не был интересен девочкам. Зато Алик изрядно веселился, листая красочные издания. И с выражением читал: «Мы, мишки-топотыжки, не рвем мы наши книжки. И носим всегда чистые, красивые штанишки».

– Нет, это шедевр! Чуковский отдыхает! Слушай, Вика, а вот это: «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу. Все равно его не брошу, потому что он хороший», случайно не твое? Из серии про мишек?

– Скотина! Ничего не понимаешь, а издеваешься. Это же для детей! Вот будут у тебя дети, я посмотрю, что ты им будешь читать на ночь. Не иначе, как Гумилева, – злилась Вика.

– А когда у меня будут дети, Викусь?

– Ну откуда я знаю, – растерялась она. – Вот остепенишься, женишься – тогда и будут.

– На ком же мне жениться, Викуся, если я тебя люблю?

– Ой, вот только не надо на жалость бить. Кто тебе верит? Я же, по-твоему, дура бесталанная, пишу про мишек.

– Как раз этого я никогда не говорил! Наоборот. Мне жаль, что ты свой талант на «мишек» растрчиваешь. Написала хорошую, настоящую вещь и испортила в угоду редактору... Зачем? Зачем ты ради денег пишешь? Что, тебе деньги нужны? Я дам, сколько хочешь. Ты бы боролась за свою повесть. Сегодня не прошла, через год в журнал попробуй, сколько у нас друзей везде работает! Сидела бы и писала хорошие вещи. Ты же можешь!

– Ты, Алик, как раз дашь посидеть спокойно, чтобы написать хорошее! Прицепился, как клещ... Я и про «мишек» на ходу, левой ногой пишу. Между Домжуром и «Архангельским».

– А ты пиши у меня. Чтобы я тебя видел. Не могу я не видеть тебя, Викусь! Сразу жутко нервничаю: где ты, с кем ты? Говорю же, что ведьма! Зельем каким-то опоила!

– Да кому ты нужен! Опоила я его! А ты не пей!

И оба расхохотались.

В конце сентября приехал Стас. Вика смотрела и не могла насмотреться. Вроде бы изменился, или она отвыкла? Нет, по-прежнему самое родное и любимое лицо. Родовались все. И родители, и друзья, и Анечка, которая буквально «прилипла» к отцу. Ирочка смотрела настороженно. Она в основном следила, чтобы Вика не забыла про нее в этой праздничной суете. Хотя подарки приняла с интересом и поцеловала папу сама, что было редкостью. Обычно она безразлично подставляла щечку. Стас остался в Москве на несколько дней, не мог оторваться от детей и Вики. Телефон разрывался, звонили друзья, знакомые, коллеги. Стас первые дни не мог привыкнуть к смене времени, а гости шли и шли. Мама, Вика и Люба готовили, накрывали, угощали.

Иногда Стас вдруг замечал, что Вики нет рядом, и, извинившись перед собеседником, шел ее искать. Находил на кухне и, обняв, замирал, шепча ей в волосы:

– Викусь, ты не уходи. Куда ты все исчезаешь? Не бросай меня, пожалуйста, я там без тебя совсем один.

Нина Сергеевна и Люба растроганно вздыхали и гнали Вику из кухни.

– Иди, иди! Только мешаешь здесь. И без тебя справимся. С мужем побудь!

– Там же все твои друзья и коллеги. Что я в ваших разговорах понимаю? – улыбалась Вика.

– Нет, ты посиди рядом. А то мне все кажется, что это сон. Вдруг ты мне снишься, а я еще в Америке?

– А я тебе снилась?

– Нет, – честно ответил Стас. – Не снилась, а так хотелось, чтобы хоть разок приснилась. Я даже стал забывать, какая ты красавица!

– Что? Забывать меня! – испугалась Вика. – Ну, нет, больше я тебя так надолго не отпущу!

– А меня все зовут и зовут. Чего только не предлагают! И в Калифорнийский, и в Колумбийский, и в Кливленд. С семьей, конечно. И дом, и гринкарту, всякие почетные звания. А деньги такие, что даже не буду говорить, все равно не поверишь. Но все это сложно, наверно? В смысле выехать с семьей?

– Не знаю, родной. Потом обсудим. Пойдем к гостям, неудобно... Давай завтра не будем к телефону подходить, останемся вдвоем. Девчонок в сад отведем, а телефон отключим.

– Давай, – обрадовался Стас. – У тебя всегда гениальные идеи. Ведь так просто – выключить телефон, а я бы не сообразил!

Все это продолжалось неделю. Потом надо было ехать в Зеленоград. Стаса ждали и на работе, и друзья. Она поехала с ним. В квартире была чистота и порядок. Вика давно не занималась хозяйством, приезжала только в гости. Все обязанности по поддержанию порядка переложила на милейшую женщину Анну Степановну. Познакомилась с ней два года назад в очереди. О чем-то разговорились, Вика спросила, нет ли какой-нибудь приличной женщины для ведения хозяйства у мужа. А то она работает в Москве и многого не успевает. Одинокая Анна Степановна согласилась попробовать сама. Бездельничать не привыкла, а чем на пенсии заняться? И оказалась подарком для них. Анне Степановне, как жительнице научного городка, ученые были людьми привычными и уважаемыми. А вот писательница Вика потрясла ее воображение. Настоящих писателей, которые пишут книжки, пусть и для детей, она еще не встречала. Поэтому Викой хвастала перед соседками, а у кого были внуки – дарила подписанные Викой книжки. Стаса она, разумеется, полюбила и заботилась о нем, как о родном. Вика была спокойна. Стас с Анной Степановной жили душа в душу, а перед Викой она немного робела. Кто их знает, писателей, может, они не едят голубцы? Может, куриные котлеты сделать?

– Едят, едят! – смеялся Стас. – А Вика голубцы слопает за милую душу!

Но Анна Степановна недоверчиво качала головой. Надо же такое сказать про Вику! Слопает! Такая тоненькая и ест, поди, как птичка? Чем ее кормить? Анна Степановна жила через два дома от них и носила противни с пирогами через двор. Стас сердился, зачем таскать тяжести? Но она говорила, что у нее плита проверенная, а на чужой, может, и не пропечется или подгорит... Не хватало опозориться перед московскими! Это она имела в виду Любу. Как-то Вика привезла знаменитые пирожки с капустой. Анна Степановна попробовала и сухо сказала, что пирожки неплохие, но возить их Стасу не стоит. У нее не хуже, да с пылу с жару. Кто ж вчерашние пироги ест? Вика отнеслась с пониманием – конкуренция Анне Степановне не нужна, она хотела опекать Стаса единолично.

Так что, приехав в Зеленоград, застали полный порядок, праздничный обед и горячую кулебяку с мясом. Анна Степановна от радости всплакнула, сколько не виделись! И похудел! Да почему же так долго? А кто стирал? А кто гладил? От подарков она разволновалась до слез, пришлось успокаивать. Ну, раз уединения не получилось, позвали соседей, не пропадать же пирогу! Анна Степановна раздумянулась от рюмки коньяка и никак не хотела спокойно посидеть за столом. Все подкладывала еду и мыла посуду. Только переделав все дела, собралась домой, сказав Вике в дверях:

– Рано не приду, мешать не буду. Обед в холодильнике. Посуду не мой! Я после обеда приду, часика в три. Стасику творог домашний на завтрак, он любит. А соседей гони уже, хватит чаевничать. Вам отдыхать нужно.

Еще неделю они провели вместе. Стас несколько раз ненадолго уходил в институт и, возвращаясь, с порога кричал:

– Викуся! Ты где? – как будто боялся, что она может куда-то уйти.

А Вика в его отсутствие потихоньку писала. Стас прочел ее повесть и сказал примерно то же, что Алик.

– Здорово! Ты знаешь, Викусь, очень хорошо. Странно только, почему ее не пропустили? Тебе надо серьезно писать. Стихи детям, это, конечно, хорошо. Но ты ведь талантлива! Жаль разбрасываться... Настоящая работа – вещь серьезная, на ходу не получается. Подумай, родная.

Через несколько дней, рассказывая что-то Стасу, она заметила, что он слушает рассеянно и, скорее всего, не слышит. Вика вздохнула, но не обиделась – все давно знакомо. Пора ей на второй план, и так десять дней у науки украдено. Надо ехать домой, тем более капризничала Иришка, требовала Вику, плакала. Нина Сергеевна не могла справиться с ней. Да еще Алик! Она просила не звонить, и он молчал. Она сама позвонила ему из Зеленограда, узнать, как он. Алик сказал, что все нормально, но голос у него был такой, что Вика забеспокоилась. В

общем, надо было возвращаться в Москву. Стас проводил ее до машины, долго не мог отпустить, все целовал, поправлял ей шарф, просил ехать осторожно. Глаза у него были грустные. Но не уговаривал Вику остаться. Договорились, что он, как всегда, приедет в пятницу вечером. А в субботу и воскресенье сходят с девчонками куда-нибудь, Вика придумает. И никаких гостей! Только они.

Приехав домой, позвонила маме, узнать, какие у нее планы. Нина Сергеевна с возмущением начала рассказывать об очередных «выкрутасах» Ирочки. Вика терпеливо выслушала, защищать дочку не стала – бесполезно. Ирка могла и святого вывести из терпения. В заключение Нина Сергеевна сказала, что ужин для девочек в холодильнике, на завтрак сварить кашу и не беспокоить их с Любой до послезавтра. Может, Вика за пару дней надоеет Ирке и она успокоится? Вика заверила маму, что все будет в порядке, она с девчонками справится. Заберет из сада вовремя, утром не проспит, проследит, чтобы каждая по полчаса отыграла на рояле, и весь вечер будет говорить с ними на английском. А маму любит и ужасно ей благодарна за все.

Нина Сергеевна смягчилась и посоветовала Вике быть поостроже. Если бы Вика проявляла твердость и строгость в отношении Ирочки, то ребенок вел бы себя совершенно иначе. Легче всего быть хорошей для детей, но пользы от этого – ноль. Наконец мама успокоилась, и, попросившись, Вика повесила трубку. Посмотрела на часы – половина четвертого. Забирать девочек еще через два часа. Подумала и решила пойти за ними сейчас, раз уж она свободна. Вика соскучилась, хотелось повозиться с детьми. Какая там строгость? Кому она на пользу? Папа никогда не был с ней строг. Так что девочкам одной Нины Сергеевны – за глаза!

Воспитательница удивилась, Вика редко появлялась в саду. Может, что-то случилось? Нет? Конечно, можно и пораньше забрать. Ведут себя? Ведут себя хорошо. Анечка – чудесный ребенок! А Ирочка... ну, посложнее, конечно. Очень красивая девочка, просто очень! Хорошие, хорошие девочки, очень развитые! Нина Сергеевна – молодец! Так много занимается с внучками. Энергичная женщина! «Какая милая! – подумала Вика. – Не стала жаловаться на Ирку. Надо ей хороший подарок к Новому году сделать».

Девчонки обрадовались, перебивая друг друга, рассказывали о своем. Вика смеялась, тормошила их, осыпая смешными, ласковыми словечками. Решили, что домой идти рано, Вика предложила пойти в кафе-мороженое. Дочки запрыгали от радости. Переулками вышли на улицу Горького и зашли в кафе «Московское». Три порции мороженого «Космос» под шоколадным соусом, две бутылки «Буратино» и три эклера. Девочки ели с удовольствием и очень аккуратно. Пользовались салфетками, а к эклерам попросили маленькие вилочки. «Десертные», – пояснила Анечка озабоченному официанту. Он ушел и принес две обыкновенные вилки и две чайные ложечки – на выбор. Девочки переглянулись, но ничего не сказали. Анечка вежливо поблагодарила.

– Ну, ничего. Раз нет десертных вилок, то можно и ложечкой, да, мамуль? – Анечка вопросительно посмотрела на Вику.

Она кивнула, конечно, можно.

– Фу, пирожное – ложкой! Бабуля бы не разрешила, – фыркнула Ирочка, но взяла ложку. «Как она их дрессирует! – подумала Вика. – Совсем как меня в детстве. Не потеряла хватку. Зря я с этими эклерами, теперь ужинать не будут. Ну ладно. Не будут и не надо!»

После кафе погуляли на бульваре. Аня играла со знакомыми девочками, а Ирочка собирала кленовые листья и раскладывала на скамейке рядом с Викторией.

– Это я тебе дарю. Правда, красивые? Смотри, Вика, вот этот почти красный. Нравится? Ты их засуши и в разные книги положи. А потом будешь читать, вдруг увидишь этот листик и вспомнишь, что это я тебя так люблю. Никто тебя так сильно не любит. Ни папа, ни Анька...

Глаза защищало от нежности к Ирочке. Почему все видят в ней одни недостатки? Бедный ребенок!

Домой вернулись в восьмом часу. Ужинать дружно отказались. Вика усадила Анечку за рояль, а сама стала разбирать с Ирочкой принесенные листья. Отбирали самые красивые и осторожно раскладывали в книги. Позвонила мама, спросила, поужинали ли? Вика неопределенно ответила, что только собираются, гуляли долго. Анечка играет, а Ирешка – после ужина. Все хорошо, девочки ведут себя прекрасно, в детском саду их очень хвалили.

Потом пришлось уговаривать Ирочку позаниматься.

– Я буду заниматься, а ты с Анькой играть? Так нечестно! – ныла Ирочка. – Нет, ты рядом со мной сиди. Я для тебя играю. Ты будешь – публика. Ну, Вика, пожалуйста!

Пришлось сесть в кресло у рояля. Аня пристроилась рядом, и Вика обняла ее рукой.

– Нет, пусть Анька уйдет, – решительно запротестовала Ира. – Она мне мешает. Я только для тебя хочу играть!

Аня обиженно взглянула на Вику.

– Иди, Анечка, к себе, поиграй, а я потом тебе почитаю. Ты же умница у меня, да?

Вика поцеловала Аню. Девочка улыбнулась и побежала в свою комнату.

Укладывались долго. Спорили, кто первый пойдет умываться и кому первому мама будет читать. И что читать? Или рассказывать? Наконец заснули. Вика позвонила Стасу. Он работал, но обрадовался, спросил про девочек. Вика рассказала про кафе и вилочки. Стас посмеялся. Сказал, что скучает. Очень. И пусть Вика звонит ему почаще. Да, конечно. И она очень скучает.

Посмотрела на часы – десять. Алика дома нет, где-нибудь с друзьями. Надо будет попозже, но на всякий случай набрала номер. Он взял трубку.

– Привет, – сказала Вика. – Ты дома? Так рано пришел? Рассказывай, какие новости. Где был? Кого видел? Что вообще происходит в городе?

– Я не знаю, Вика, что происходит в городе. Нигде не был, никого не видел. Занимался своими, совершенно неинтересными делами. Это у тебя бурная жизнь. Ученый муж приехал! Встречи, банкеты, научные конференции на дому. Удивительно, что ты вообще про меня вспомнила.

– Я о тебе не забывала. Просто была занята.

– Так я именно об этом и говорю, Викуся. О твоей занятости.

– Я утром девчонок в сад отведу и зайду к тебе. Что-нибудь в начале десятого. Ты на работу не уйдешь еще?

– Нет. До такой гражданской сознательности я еще не дорос, чтобы к девяти на работу ходить.

– Вот и хорошо, я приду. Не нравится мне твое настроение.

– Ну, извини, чем богаты...

Разговор Вику расстроил. Запуталась она! Надо расставаться с Аликом. А как? И неужели надо? У всех любовники! Некоторые ее приятельницы даже не скрывают этого от мужей. Да, но и у мужей постоянные связи на стороне. В их компании это никого не шокирует. А Стас? Она же любит Стаса! Он ей гораздо дороже и роднее Алика. Но Стас-то откуда узнает? Он, слава Богу, так далек от ее друзей и приятелей. И что, врать Стасу? Ну почему врать, он же ни о чем не спрашивает. А когда она говорит, что любит его, – это совершенная правда. А как же Алик? «И Алика люблю», – подумала она, засыпая.

Алик встретил ее довольно сухо. Никаких признаний, объятий, поцелуев, шуток, как бывало раньше. Выглядел неважно – небрит, какие-то линялые джинсы и свитер. Не похоже на него, обычно он свеж, ухожен и хорошо одет.

– Проходи. Кофе будешь? – и направился в кухню.

– Выпью, если сварить. Спасибо.

На кухне царил беспорядок. Раковина полна посуды, пепельницы – окурков. Это что-то новенькое! Дома Алик не ел, убираться приходила женщина два раза в неделю. Так что всегда чистота, нигде ни пылинки. Странно даже...

– Что это у тебя такой разгром? Оргию устраивал? – шутливо спросила Вика.

– Ну, я человек свободный, отчитываться не перед кем.

– А вот и нет! А передо мной? – улыбнулась Вика.

– Перед тобой пусть муж отчитывается.

– А что ты хамишь? Я все-таки гость.

– Извини, не ждал гостей. Да и не до гостей мне, настроение не то.

– То есть ты хочешь сказать, что не ждал меня? – растерялась Вика. Разговор явно не получался.

Алик молчал, сосредоточенно разливая кофе в две маленькие чашечки. Поставил одну перед Викторией и сел напротив. Взял сигарету, щелкнул зажигалкой. Курил, глядя в окно. Молчание становилось тягостным.

– Английский сплин или русская хандра? – улыбнувшись, поинтересовалась Вика.

Алик усмехнулся и, не поворачивая головы от окна, тихо произнес:

Встречаются, чтоб разлучаться,
Влюбляются, чтоб разлюбить.
Мне хочется расхохотаться.
И разрыдаться, и не жить!

Помолчали. Вика подумала: «Вот и все. Как просто. Я-то думала, как с ним расставаться? А он уже все решил. Надо уйти». Но не было сил подняться со стула.

– Ты спросила, ждал ли я тебя. Нет, Вика, я тебя не ждал. Уже не ждал. И чего мне ждать, скажи на милость? Что ты прибежишь на полчаса, отведя детей в садик? Осчастливишь меня кратким визитом, навешаешь лапши на уши и побежишь дальше, за кефиром для мужа? А потом в уютном семейном гнездышке будешь эту же лапшу вешать своему мужу. Так и будешь бегать и врать то здесь, то там, пока не изоврешься до доньшка. И не будет той Вики, которую я любил: нежной, светлой, радостной, как ребенок, моей прекрасной ведьмы с «певучими глазами», – он замолчал, так и не взглянув на нее.

– «Не жалею, не зову, не плачу»... – усмехнулась Вика, вставая. – Ты уже обо мне в прошедшем времени говоришь. Сиди, не провожай! Долгие провода – лишние слезы.

И слезы, с трудом сдерживаемые на кухне, полились в лифте. Вика смотрела в зеркало и видела, как они текут по щекам и исчезают в шарфе. Она их не вытирала, так и шла по переулкам. А потом потрогала – лицо сухое. Наверно, сами высохли на ветру.

Началась другая жизнь. Без Алика, без вечеринок с веселыми, безалаберными друзьями, без посиделок в ресторане ЦДЛ и без ночных поездок в Архангельское. Звонили приятельницы и подруги: «Когда увидимся? Столько накопилось новостей!» Она отговаривалась делами. Томка была на съемках и вернуться должна лишь к Новому году. Так что рассказать было некому. А так хотелось пожаловаться, выплакаться, может, и легче бы стало! Но нельзя никому, кроме Томки. Приходилось жить с этим и плакать про себя. Приходилось улыбаться и делать вид, что она счастлива этой тихой спокойной жизнью с детским смехом и любимым Стасом.

Недели через три после возвращения он устроил ей сюрприз – пришла отправленная грузом машина. Надо ехать получать и оформлять кучу бумаг. Один он и не представляет, как за это взяться. Вика изумилась, какая машина? Красная, как Вика когда-то мечтала. Выбирал не он, а его американские коллеги, он только просил, чтобы была красного цвета и красивая. Называется фورد-«мустанг».

– Ничего себе! Стас, ты сошел с ума! Это же немислимых денег стоит, да еще перевозка!

– Викусь, денег было много. И лекции, и несколько статей... Мне в нашем консульстве посоветовали машину привезти. Когда официально работаешь, пошлину не платишь. А то твоей «ласточке» пять лет – надоело чинить. Честно говоря, мне так хотелось тебя порадовать! Хотя бы красной машиной. Не очень тебе повезло с мужем. Хотел всю свою жизнь посвятить любимой, а ничего не получается. Так мало времени уделяю тебе, прости, Викуль.

– Стас – ты гений, а все равно дурачок. Ты самый лучший муж на свете. Вот уж мне повезло так повезло!

Увидев машину, Вика на несколько дней забыла о своих горестях. Это была не машина, а мечта! Такие, наверное, у американских звезд бывают.

– Бедная «ласточка»! – смеялась Вика. – По сравнению с моей американочкой она похожа на старую детскую тележку!

Вика наслаждалась красотой и удобством новой машины. Долетала до Зеленограда за двадцать минут. Стас волновался, умолял Вику быть осторожнее. Она только смеялась, не может же спортивный «мустанг» тащиться, как старые «Жигули». Вика теперь часто ездила в Зеленоград. Ходила со Стасом в гости и на банкеты, то кто-то защитился, то получил звание. Последние два года она редко бывала с ним на подобных мероприятиях, некогда было. А теперь время появилось. Времени было столько, что хоть вой! И она не знала, чем его убить, пока девочки в саду или Стас в институте. Но не написала ни строчки. Не хотелось. О чем писать? В голове пустота. Хотела ради эксперимента хоть какое-то четверостишие про «мишек», но лезли противные, тягучие рифмы: «Какой роман! Держи карман! Сплошной дурман! Один обман! О, мой Арман! Ты мой изъян! Где ты, Арман? Ты глух и пьян!» Вика ужасалась, какой Арман? Бред какой-то!

По выходным они ходили с девочками в театр, в цирк, в зоопарк. Осень была теплая, солнечная. Гуляли в парке. Девчонки носились наперегонки, Стас ловил их, сажал на плечи и гарцевал, изображая лошадь. А они кричали: «Быстрой, коняшка! Галопом!» И все были счастливы. А Вика была несчастна. Она бегала с ними, кричала и смеялась. Но внутри было больно, больно, больно! «Мне хочется расхохотаться. И разрыдаться, и не жить!» – вспоминала она. Ей было плохо без Алика. Когда Стас обнимал, она с нежностью, без всякой фальши целовала его. Все было хорошо. Но наступал день, и ей опять становилось плохо и одиноко. Пока она занималась с детьми или была рядом со Стасом – это не было так ощутимо. Но когда оставалась одна – физически чувствовала пустоту вокруг. Ей нужен был Алик. Его руки, его шутовская, ироничная нежность, его дурацкие стихи по любому поводу. Она скучала по разговорам с ним, по поездкам в глухие монастыри, по их спорам и ссорам. Почему он, черт возьми, не страдает? Почему не звонит, не унижается, не умоляет о прощении? Почему он такой дурак! Ведь она любит его! Любит! Не так, как Стаса, но все равно любит. Почему он с ней так поступил? Но Алик упорно молчал. Вика не ходила никуда, где могла его встретить. Иногда ей звонил кто-то из друзей, приглашая куда-то, но она вздыхала: «С удовольствием бы, но как-нибудь в другой раз. Пишу. Работаю, как негр на плантациях. Сроки поджимают. Со временем полная катастрофа». Ей ужасно хотелось пойти, знала, что Алик обязательно будет, но не могла. Вдруг он не один? Она тогда не выдержит и разрыдается у всех на глазах! Нет уж, лучше пережить все это в одиночестве.

Наступил ноябрь. Темнота, тоска, дождь. Вдруг позвонила Томка, она в Москве.

– Ты? Какими судьбами? – удивилась обрадованная Вика. – У тебя же съемки до января?

– На два дня прилетела. Отпустили на премьеру последнего моего фильма. Завтра в Доме кино. После просмотра банкет. Я ужас на кого похожа. Одичала в Карпатах. Надо успеть и в парикмахерскую, и на маникюр. Красоту навести, – тараторила подруга. – Вы-то здесь, в Москве, все красотками явитесь. А мне все-таки на сцене стоять. Как же – главная героиня! Ты в чем пойдешь?

– Ох, извини, Томка, я, наверно, не смогу.

– Ты что, с ума сошла? У подруги премьера, а она не пойдет... Отменяй все!

– Да понимаешь, и отменять-то нечего. Просто... – и Вика рассказала подруге все, что произошло у них с Аликом.

– Да, дела... – посочувствовала Томка. – Но ты не кисни! Как раз будет возможность помириться. Банкет, «танцы-шманцы» и все такое... Он же влюблен в тебя, Викуська! От ревности бесится. К нам Светка приезжала, та блондиночка из МХАТа, снималась в эпизоде. Так она рассказывала, что у вас в Сочи такие страсти кипели, чуть не драка какая-то из-за тебя была! Ой, Викусь, милые бранятся... сама знаешь – все игры наши женские. Кончай хандрить! Придешь завтра, такая раскрасавица, он и приползет к тебе с извинениями. Слезы, сопли – все, как водится. А ты у меня такая красивая, взгляд такой небрежный, в сторону... Потом посмотришь на него холодно так, равнодушенько, мол, кто такой здесь под ногами путается? Ну, этюд первого курса, тебя ли учить? И все в порядке, Викуська, он твой – что хошь с ним делай.

Вика рассмеялась. Томка и в институте такой была, как ураган и ничего всерьез – все шуточка. Но подруга настоящая, никогда не подведет!

– Ну да, а вдруг он с кем-то придет? С какой-нибудь красоткой длинноногой?

– Укоротим ноги, не волнуйся. И дорогу забудет! Не хо-о-о-ди в наш садик! – противным тоненьким голоском пропела Томка, и обе расхохотались.

После разговора с подругой Вика повеселела. Съездила в институт красоты, и там волшебница Танечка положила на лицо чудо-маски, а потом, придирчиво осматривая порозовевшее лицо Вики, удовлетворенно сказала: «Ну, хоть на выставку, под стекло! Или в ЗАГС, под венец». Вечером позвонила маме, попросила, чтобы Люба забрала завтра детей из сада и осталась ночевать. Она на премьеру к Томке, придет поздно. На следующее утро позвонила подруга.

– Слушай, Велехова, надо обсудить стратегию и тактику. Простенький этюд отменяем.

– Ты о чем? – не поняла Вика.

– Видела я вчера вечером твоего донжуана в ресторане. Заехали с Илюшкой вечером в ЦДЛ. Опа! Сидит голубь наш со всей компанией.

– Ну и что? Один был?

– В том-то и дело... Знаешь старый анекдот? Поехали два армянина в Сочи. Курортели там, развлекались. Ну, одного и хватил инфаркт. Другой думает, как родным сообщить помягче? И посылает телеграмму: «Сэрж заболел, лежит в морге». Ему в ответ присылают: «Он жив?» – а он отвечает: «Пока нет».

– Ясно. Это ты смягчаешь мне новость?

– Ну да. Сидела с ним мымра какая-то, манекенщица.

– Красивая?

– Ой, да не на что смотреть! Ни кожи, ни рожи. Обычная вешалка. Моль перигидролевая! Но Илюшка сказал, что он с ней последнее время везде таскается.

– Томка, я никуда не пойду вечером.

– Ага, щас прям! Ты еще в монахини подайся. И так никуда не ходишь! Я красавца твоего эдак на голубом глазу спрашиваю: «А где же наша красотка Викусья? Говорят, ты в Сочи соперников на дуэль вызывал? Не знала, что ты такой ревнивец. Говорят, из ревности затолкал Викуську в первый же самолет и улетел с ней в Москву? А после этого подругу мою никто не видел. И я звоню ей, звоню целый день, а никто не отвечает. Ну-ка, Алик, колись, где ты Викусью спрятал? Что, как дракон ее охраняешь, чтобы никто не украл твое сокровище? Любовь, конечно, вещь святая, но я-то на два дня приехала, ты Викуську отдай хоть на время, я ж ее не съем, верну тебе в целостности и сохранности». Все притихли за столом, вроде неловко как-то... мымра эта занервничала, напряглась, Никита улыбается в усы, у Жанки глаза горят в предвкушении скандала. Ну а мне что? Ты знаешь – с меня как с гуся вода...

– Ну, а он-то что? – нетерпеливо перебила Вика.

– А вот и то! Даже жалко мне его стало. Смотрит на меня, а глаза, как у больной собаки, несчастные, и говорит: «Про свою подругу ты узнавай у ее мужа. Ты же с ним хорошо знакома. У них там семейная идиллия. Говорят, что, не отрывая пера от бумаги, пишет очередной шедевр. У Пушкина – Болдинская осень, а у твоей Вики – Зеленоградская. Надеюсь, скоро порадует советских детишек новой «Люлиадой».

– Вот гад! Еще издевается! – чуть не плача, сказала Вика.

– Да нет, Вика. Это он себя мучает. Сам себе больно делает. Знаешь, как больной зуб – трогаешь его, трогаешь, нажимаешь... Ты – его больной зуб, подруга! Не успокоится, пока себе и тебе жизнь не переломает. Или ты ему переломашь, что вероятнее. Плюнь на него, Вика, зачем тебе эти страсти? Ты у нас умница. Талант! Хочешь, я тебя с таким мужиком познакомлю, обалдеть! Снимается со мной. Вот будет роман так роман! А это какие-то страдания-рыдания. С умными мужиками всегда так. А тебе зачем умный любовник? У тебя для интересных разговоров муж имеется, гений – на минуточку! Да все хорошо, Вика! Разведем сегодня твою грусть-тоску!

– Не надо, Томка. Не пойду. Он там с мырой, а я одна...

– Ну, вот еще! Почему это одна? Илюшка за тобой заедет. Мы-то всей группой пораньше собираемся, режиссер попросил. В зале будешь сидеть с Ильей. Сядете близко. Илья два букета купит. Один для меня, а второй ты Вальке Ракитскому вручишь, когда мы на сцене стоять будем.

– С чего это я Ракитскому его вручу? Я и знакома-то с ним едва...

– А с того, что Валька будет твоим кавалером на банкете. Сядем рядом, Валька сейчас разведен, свободен – пусть ухаживает за тобой. Я с ним договорилась. Он – с радостью. Да ты не бойся, Вика, он приставать не будет. Валька – хороший парень, свой. Пусть Алик помучается. Откуда он знает, что у вас там с Валькой?

– Ой, не знаю, Томка. Что-то ты наворотила, Вальку зачем-то впутала?

– Чем тебе Валька не подходит? Красавец – мечта всех советских женщин! Конечно, за тобой может и Илюшка целый вечер ухаживать, только кто поверит? И вообще, что ты капризничаешь? Я стараюсь для нее...

– Спасибо, Томка! Ты настоящий друг! Ладно, уговорила. Тряхну стариной, разыграю любовный дуэт с твоим Валькой.

– Не с моим, а с твоим. Ты в образ-то уже входи, настройся, – засмеялась Томка.

Когда Вика с Ильей вошли в зал, Алик с Никитой и Жанной уже сидели где-то в середине. Мыра была рядом с Аликом, но Вика ее не рассмотрела. Лишь скользнула взглядом и кивнула в знак приветствия. Жанна замахала рукой, показывая на свободные кресла рядом, но Илья покачал головой. Оттуда им далеко идти до сцены. Сели в третьем ряду. Зал быстро заполнялся. Знакомых было полно, то и дело окликались, подходили целоваться. Наконец на сцену вышла вся съемочная группа. Выступил маститый режиссер, говорил теплые слова в адрес постановщика, хвалил фильм – все, как обычно. Потом несколько слов сказали Томка, Валька и еще один пожилой актер. Наконец режиссер поблагодарил всю группу, жал руку композитору, оператору, обнял Томку и Вальку. Надо было вручать цветы. Народ потянулся к сцене. Сначала пошли поклонники, передавали цветы, не поднимаясь. Актеры и режиссер благодарили и возвращались на свои места. Потом на сцену с цветами пошли родные и близкие. Каждый вручал букет своему, обнимал и целовал, поздравляя с премьерой. Вика сначала хотела идти к сцене вместе с поклонниками, но Илья схватил ее за руку: «Сиди! Ты что, Томка велела на сцену, с поцелуями», – и рассмеялся. Когда двинулись родственники, Илья взял Вика за руку и пропустил вперед. Они поднялись на сцену. Вика боялась, что Валька устанет на нее с изумлением, когда она полезет к нему с поцелуями. Но он, увидев приближающуюся Вика, сделал шаг ей навстречу и, улыбаясь, обнял. «Поздравляю с премьерой», – прошептала Вика,

отдавая букет. Ей казалось, что весь зал смотрит на нее, и она готова была провалиться под сцену. Вика сделала движение, чтобы уйти, но Валька крепко держал ее за руку. Потом привлек к себе, поцеловал и развернул к залу, полуобняв за плечи. В этот момент рядом появился Илья, пожал руку Вальке и сказал: «Пошли, Викусь, отстрелялись». Она шла к своему месту, стараясь не смотреть на зрителей в зале. Наконец они с Ильей сели. Свет погас, и начался фильм. Что уж там происходило на экране, Вика не особо понимала. Мелькали красивые, смеющиеся лица Томки и Вальки. Потом был поезд. Валька куда-то уезжал, лицо у него было страдающее. Томка стояла на перроне одна и смотрела вслед удаляющемуся поезду. По ее лицу катились крупные слезы. Появилась надпись «Конец», и зажегся свет. Все зааплодировали, и Вика тоже начала хлопать. Потом стали расходиться. Те, кто были приглашены на банкет, пошли к переходу, соединяющему два здания. Ресторан находился в старом. Остальные спускались вниз к гардеробу.

Когда Илья с Викторией вошли в ресторан, вся группа уже выпивала и закусывала. Томка махнула им рукой, и они направились к ней. Вика оказалась рядом с Валькой. Он налил ей вина и положил в тарелку закуску. Ресторан быстро заполнялся. Вика не отрывала взгляд от двери. Наконец появился Алик со всей компанией. Пока они шли к своему столику, ей удалось хорошо рассмотреть мымру. Это была красивая, высокая девушка, лет двадцати пяти, может, моложе. «Никакая не моль перигидролевая, это Томка меня утешала. Может, и крашеная блондинка, но красивая», – с горечью подумала Вика, отводя взгляд. Да и Алик вовсе не выглядел несчастным. Никита что-то оживленно рассказывал, и Алик улыбался.

Из-за низких перегородок, разделяющих зал, столы были расставлены рядами. Вика сидела в центре, вместе с группой, а стол, за который сел Алик, стоял у окна, ближе к оркестру. В обычные дни маленькая сцена пустовала, но на праздники и банкеты приглашали оркестр. Начались тосты, шум, смех. Праздник набирал обороты. Заиграл оркестр, что-то медленное, лиричное. Маленькая площадка у сцены стала заполняться. «Пошли, Вика, потанцуй!» – Валька протянул ей руку. Они стали танцевать, и Валька прижимал ее к себе чуть сильнее, чем ей бы хотелось. Но что делать! Раз затеяла весь этот спектакль – терпи. У Вальки было красивое лицо с добрыми, серыми глазами. Он был положительный герой.

– Валь, извини, что мы с Томкой втянули тебя в эту историю, – вздохнула Вика. – Ты бы мог с какой-то своей девушкой прийти сегодня.

– Да ну, какие девушки. Не переживай, Викуся. Сам бывал в таких ситуациях, когда хотелось позлить немного какую-нибудь царевну. К тому же я очень рад, что у меня на сегодняшний вечер такая прелестная девушка. Ну и где наша жертва?

– Там впереди, у окна.

– А, вижу. Ну, так двинули туда, Викуся. Подожди, я поставлю тебе актерскую задачу, – зашептал он ей в ухо. – Когда приблизимся к ним, ты давай сейчас глазки прикрой и улыбайся мечтательно, я же тебе вроде слова всякие распрекрасные говорю... Значит, когда поравняемся с их столом, ты так пальцем нежно убери эту прядь волос у меня со лба. И тоже прошепчи что-то...

Валькины губы щекотали ей ухо, и Вика тихонько рассмеялась. И каким-то боковым зрением ощутила на себе взгляд Алика. Как ожог! Она нежно-нежно откинула Вальке прядь со лба и пальцем провела по щеке к губам. Валька поцеловал ее палец. Музыка закончилась. Он поцеловал Вику в шею и, обняв, повел к столу.

– Молодец, Викусь, – похвалил, усаживая ее на место. – Давай выпьем за твои актерские способности.

– А за мои? – капризно крикнула Томка.

Она сидела на коленях у какого-то молодого человека и была сильно навеселе.

– А за твои особенно! – Валька чокнулся с Томкой и Викторией. – Тебе за эту роль вообще заслуженную надо дать.

– Да, Томка, сыграла ты блестяще! Поздравляю, талантливая ты наша! – раздался голос Алика.

Вика посмотрела на него, и он кивнул.

– Привет, Вика, рад тебя видеть. – И, обращаясь к Томке, спросил: – Ну что, нашла свою подружку?

– Это не я нашла, – обиженно протянула она. – Это Валька нашел. Нет, вернее, я их вместе нашла. И вообще она меня даже не поздравила! Ты видел, Алик, на сцене даже не подошла ко мне. Все своему Валечке – и цветы, и поцелуи. А я ведь ее лучшая подружка! А у нее только Валька – свет в окошке. Разве это справедливо, Алик? – голос Томки задрожал.

– Ну что ты, Томочка, Вика наверняка не хотела тебя обидеть, – Алик посмотрел на Вику, и она кивнула. – Видишь, не хотела. Просто растерялась на сцене. Тебе-то привычно там стоять. А Вика первый раз. Да еще с букетом... тоже непривычно. Обычно ей молодые люди цветы вручают, – Алик усмехнулся. – А вообще вы все смотрелись на сцене замечательно. Вы, Валентин, особенно! Поздравляю с премьерой! Приятно, наверно, когда такая девушка, как Вика, целует тебя на глазах всей Москвы?

– Да уж, не скрою! – Валька мечтательно улыбнулся. – Давайте выпьем за любовь! За любовь внезапную, неожиданную, похожую на сон!

Он разлил шампанское и протянул бокал Алику. Заиграла музыка.

– Спасибо, – сказал Алик. – За внезапную любовь с удовольствием. Но шампанского не пью.

– Так мы сейчас водочки, – Валька взял со стола бутылку «Столичной».

– В другой раз. Потанцуем, Викуся? – весело улыбаясь, спросил Алик, крепко и больно сжав Викино запястье.

– Лучше в другой раз, – улыбнулась она, незаметно пытаясь освободить руку. – Сегодня у нас Валечка премьер, герой праздника, я с ним потанцую.

– Да уж позвольте! – Валька поставил бутылку и сделал движение в сторону Вики.

Но тут Томка ловко вскочила с колен молодого человека и с обидой в голосе воскликнула:

– Валька, я ведь тоже премьерша, а ты все Вика да Вика! Нет уж, Валечка, потанцуй со мной! Никуда твоя Вика не денется, а я улетаю.

Валька растерянно смотрел то на Томку, то на Вику.

– Неужели ты не разрешишь лучшей подруге разок с ним потанцевать? – капризно протянула Томка, обнимая Вальку.

– Да, конечно, разрешит. Танцуй на здоровье, – насмешливо сказал Алик и потащил Вику за собой.

– Пусти! Мне больно! Отпусти, правда больно!

Алик чуть ослабил хватку и другой рукой крепко прижал к себе Вику. Она пыталась вырваться, но он прижал ее еще крепче.

– Чего ты добиваешься? Это называется: потанцуем? Оставь меня в покое! – Вика посмотрела ему в глаза и словно прочитала там, что никогда он не оставит ее в покое. И это наполнило ее ликованием! Любит! Никуда ему от нее не деться! Она продолжала упорно и зло вырваться. На них оглядывались.

– Ты что творишь, Вика? Ты что творишь! – с отчаянием в голосе Алик пытался перекричать музыку. – За что меня мучаешь! Выставила на посмешище! Связалась с этим смазливой актеришкой! Где ты только его выкопала?

– Тебе-то какое дело? Я же тебя не спрашиваю, где ты свою мымру откопал?

– Какую мымру? – он на секунду запнулся. – А, ты об этом... Господи, Вика, да при чем здесь вся эта ерунда! – с досадой сказал Алик.

– Совершенно ни при чем! Твоя личная жизнь меня вообще не волнует, – насмешливо ответила она. – Но и ты в мою не лезь!

Оркестр играл что-то быстрое, зажигательное. Мелькнуло в танце лицо Томки. Она весело подмигнула Вике и скрылась за спинами танцующих. Среди лихо отплясывающей публики Алик с Викой выглядели странно. Они топтались на месте, крепко прижавшись друг к другу, лица их были напряжены. Алик резко дернул ее за руку.

– Пошли отсюда! Нам нужно поговорить, – и стал выбираться из толпы, ведя за собой Виду. Она делала вид, что вырывается, и он опять крепко сжал ей руку. Вышли из зала, и Алик побежал вниз по лестнице. Вика, боясь споткнуться на высоких каблуках, уже сама вцепилась в его рукав.

– Послушай, куда ты меня тащишь? Что ты привязался? Ну, о чем нам говорить? Бред какой-то!

Миновали один пролет, и Алик свернул в пустое полутемное фойе Малого зала. По случаю банкета никаких мероприятий в этот вечер не было.

– Вика, давай поговорим спокойно. Просто как старые друзья. Садись.

– Ну и о чем ты хочешь говорить? – насмешливо спросила она, садясь в кресло. – Обсудим светские новости?

– Можно и новости. Давно не виделись, хочется узнать, как у тебя дела. Что нового, кроме романа с этим актеришкой. Говорят, ты что-то пишешь? Для «Детской» или наконец что-то стоящее начала?

– Да так, ерунда. Любовная лирика. Новые чувства, знаешь ли, вдохновляют на поэзию.

– Да неужели? – оживился Алик. – Любопытно было бы послушать.

– Как-нибудь в другой раз. Нет настроения.

– И все-таки, Видуся, хоть что-нибудь, чтобы иметь представление. Ты знаешь – я ценитель, может, подскажу или посоветую...

– Да ради бога... – в голове Вики стала звонко отстукивать бессмысленная рифма, и она, в упор глядя на Алика, отчеканила:

О, мой Арман! От счастья пьян!
Ты – мой дурман, ты – мой изьян!
Кругом туман! Уйди, Арман!
Ведь наш роман – сплошной обман.

Алик растерянно смотрел на нее, а Вика, как ни в чем не бывало, продолжала:

– Вот такой цикл стихов. Называется «К Арману». Думаю издать отдельной книжкой. Что скажешь? Как ценитель...

Алик молчал, и Вика, глядя на него, не выдержала и расхохоталась.

– Издеваешься? – спросил он. – Видушины штучки... – Но видя, как заливается Вика, тоже рассмеялся.

– Ну, давай на этой веселой ноте и закончим наш бессмысленный разговор. Вернемся к своим спутникам и продолжим веселье. – Вика встала.

– Нет. Никуда мы не вернемся, – Алик обхватил ее за плечи и привлек к себе. – Видуся, девочка моя любимая, давай уйдем отсюда. Не нужен тебе этот Валька. Ну, поверь мне, все это бред какой-то! Ты не представляешь, как мне плохо было все это время, а ты еще решила добить меня. Ведь я люблю тебя! Ты даже представить не можешь, как я люблю тебя, Видуся!

Он покрывал лицо Вики поцелуями, и все одиночество, боль, горечь потери растворились без остатка в этих поцелуях, в кольце этих рук. Она опять была счастлива.

– Видуся, поедem ко мне. Ну, пожалуйста!

И они уже бежали вниз по лестнице.

– А сумка моя? – вдруг спохватилась Вика.

– Да Бог с ней, Томка заберет.

– Нет, у меня там ключи от дома. Подожди, я поднимусь за сумкой и приду.

– Нет, стой здесь, – Алик подошел к телефону, стоящему на столике, и набрал номер ресторана.

– Карина? Карин, это Алик. Будь добра, скажи Никите, чтобы быстренько принес в раздевалку Викину сумку. Она рядом с Томкой на стуле лежит. Ну да. Ага. Томка знает. Спасибо, Кариночка, с меня коньяк. Да ладно, – он рассмеялся и повесил трубку. – Сейчас Никита спустит твою сумку. Пошли одеваться.

– А номерок? – спросила гардеробщица Вера.

– А номерок у Ильи остался. Вон мое бежевое пальто висит. Номерок Ильи отдаст.

– Вот так всегда у вас. Илья забудет или потеряет, а с меня начальство спросит.

– Слушай, Вер, отдаст тебе Илья, зачем ему твой номерок, – сказал Алик и положил на стойку десятирублевую бумажку.

– Лучше тогда вообще номерки не берите. Спасибо, Алик, – сказала Вера, забирая бумажку. – Дай тебе Бог здоровья.

По лестнице спустился Никита с Викиной сумкой в руке.

– Ну что, все в порядке? Воссоединение влюбленных состоялось? Рад за вас, – хитрая усмешка пряталась в его ухоженной светлой бородачке.

– Спасибо, Никит. Мы поедем.

– Да, Алик, – Никита выразительно кивнул наверх. – А как мне все...

– Ой, Никита, – перебил его Алик. – Ну, как-нибудь сам. Придумай что-то... – и потянул Вику за собой.

Она поняла, что речь шла о мымре, и ревность больно кольнула где-то внутри. «Ну, ничего, – подумала Вика. – Я тебе еще припомню все это. Ты еще сто раз пожалеешь, что изменял мне».

В машине ехали молча. Вика, закрыв глаза, слушала музыку, ощущая рядом руку Алика, которой он поглаживал Викины пальцы. В лифте обнялись, и он целовал ее, шепча: «Вика, Викуся моя, девочка ненаглядная». Вика открыла глаза и увидела в зеркале свое счастливое лицо. Неужели полтора месяца назад она видела в этом зеркале, как слезы ручьем бежали по щекам, исчезая в шарфе? Вика вздрогнула, и Алик с тревогой посмотрел на нее.

В квартире были чистота и порядок. Вика прошла в гостиную и села в старинное резное кресло с высокой спинкой. «Королева Виктория на своем троне», – говорил Алик. Все было на своих местах, такое знакомое, никакой чужой дух и запах не витал здесь. Алик поставил пластинку, и музыка наполнила комнату. Гайдн, «Симфония при свечах», одна из ее любимых вещей. Зажег свечи во всех старинных серебряных и бронзовых подсвечниках и выключил верхний свет. Вика смотрела на мерцающий свет свечей и думала: «Неужели она была здесь? Сидела на моем кресле, спала на моей маленькой подушке? Нет, не может быть. Господи, какая же он скотина!»

– Викусь, что будем пить? Шампанское? Или сварить кофе? С ликером? Хочешь?

– Да, свари, пожалуйста.

Алик вышел на кухню. Вика встала и огляделась. Здесь никаких следов. Может, в ванной? Она заглянула туда – полнейшая стерильность. Пошла в спальню. Запах свежего осеннего воздуха из открытого окна и чуть-чуть одеколona Алика. Кровать аккуратно застелена, на покрывале ни единой складочки. Похоже, домработница была сегодня. Она откинула покрывало и взяла в руки маленькую подушечку. Понюхала – ничего, запах чистого белья. В дверь заглянул Алик и увидел в ее руках подушечку.

– А, вот ты где! Вика, здесь не было никого. Пожалуйста, Вика, поверь! – он подошел и нежно обнял за плечи. – Пойдем пить кофе, остынет.

Но то ли от напряжения, не покидавшего ее весь вечер, то ли от обиды за все, что произошло, Вика уткнулась лицом в подушечку и расплакалась. Вообще Вика плакала редко, и Алик

никогда не видел ее плачущей. Эти слезы потрясли его, и он, прижав ее к себе, говорил и говорил ласковые, какие-то детские слова. Как будто она была ребенком, которого несправедливо обидели. Он просил прощения, клялся в любви, называл себя идиотом и кретином, обещал ей все, что она захочет. Наконец Вика успокоилась и, отняв подушечку от лица, засмеялась.

– Наверно, сейчас я и правда похожа на ведьму?

– Никаких больше ведьм. Ты – моя самая прекрасная колдунья. Королева бабочек и эльфов. Пошли пить кофе.

Потом он сидел на полу около Вики и рассказывал, как ему было плохо без нее. Как он вспоминал каждый ее жест, ее смех, ее взгляд. Вспоминал каждый день, проведенный вместе, после той, самой первой встречи.

– Ты помнишь, как мы с тобой первый раз встретились? Где это было?

– Ну, наверно, где-то в ресторане? – неуверенно сказала Вика.

– Ну, ясно, что не в библиотеке. А где именно, по какому поводу собирались.

– Ну не помню. В ЦДЛ? На чем-то дне рождения?

– Нет, Викуся. Правильней сказать, когда я тебя первый раз увидел, потому что ты меня явно не заметила. Это было в «Интуристе» пятнадцатого марта восьмидесят пятого года. Праздновали первую годовщину нашей со Светкой семейной жизни. Ты пришла с Томкой. На тебе была бежевая замшевая мини-юбка, лиловый свитер и лиловые замшевые сапоги. Ты была сказочно, ослепительно хороша! Я посмотрел на тебя и понял, что погиб окончательно и бесповоротно. Дальнейшего не помню, потому что напился так, как не напивался с ранней юности. С горя, надо полагать. А утром проснулся, выпил две таблетки алказельцера, и в голове сразу возник образ девушки с «певучими глазами». И тогда я понял, что влюбился. Всерьез и надолго.

Вика вспомнила тот вечер. Хорошенькую Светку. Она тогда подумала: такая красotka, а вышла замуж за некрасивого и какого-то странного парня. Вика засмеялась и сказала:

– Уверена, что ты все это придумал только что, чтобы я смягчилась, растаяла и забыла о твоих грязных похождениях.

– Нет. Все так и было, – мечтательно протянул Алик. – А потом я стал видеть тебя часто. Непонятно было, одна ты или нет. Ты приходила то с Пановым, то с Лериком, то с какими-то режиссерами, но вроде у тебя ни с кем ничего не было. Мы общались, разговаривали, шутили. Ты относилась ко мне ровно так же, как к остальным. А я тебя любил. Знаешь, «безмолвно, безнадежно...» Томка сказала, что у тебя необыкновенный муж, две дочери, замечательная семья. Я ни на что не надеялся. Разбивать счастливые семьи? Это не мой стиль.

– А твой брак со Светкой почему так быстро распался? Она хорошенькая такая!

– Ну, это ее единственное достоинство, на него и купился. Сдуру женился в двадцать пять лет. Нет, Светка неплохая, но уж слишком дурочка. Мне иногда странно было, что она школу каким-то образом закончила, а потом театральное. Светка даже заявление в ЗАГСе с ошибками заполнила. Я не проверял, разумеется, с чего бы? А тетка, ехидная такая, замечание сделала, велела переписать. Мне бы тогда призадуматься, но я посмеялся, думал, шутит. Да, веселенький годик мы прожили! А тут еще ты нарисовалась, так что годовщина получилась первая и последняя.

Вика погладила его жесткие волосы, а он, поймав ее руку, приложил к губам.

– А помнишь, ты меня танцевать пригласила? Сама пригласила. Помнишь?

– Нет, не помню, – улыбнулась Вика. – Врешь, наверно, все.

– Ну, вот еще! Буду я врать! Приставала к женатому мужчине! Я тогда, правда, со Светкой уже не жил, но еще не развелся. Летом, на кинофестивале, в пресс-баре. У нас большой стол был, ты рядом со мной сидела. «Алик, а вы не хотите пригласить меня танцевать?» – противно-тонким голосом пропищал он. – Ну, я, конечно, обрадовался. Отчего же не потанцевать

с девушкой моей мечты? А ты мне: «Ах, Алик, как вы, оказывается, хорошо танцуете!» А я и рад стараться, до утра подошвы протирал!

– Разве у меня такой противный голос? – засмеялась Вика. – Помню я прошлогодний кинофестиваль. Тебя помню в белом костюме. От иностранных звезд не отличишь. Может, и танцевала с тобой. С кем только в этом пресс-баре не танцевала за две недели! А танцуешь ты действительно прекрасно. Пожалуй, лучше всех моих знакомых.

– Ну, слава Богу, хоть что-то делаю хорошо!

– Нет, ты многое делаешь хорошо.

– Да? – оживился Алик. – А что именно?

– Ты знаешь уйму стихов и прекрасно их читаешь. С тобой интересно. По-моему, ты знаешь обо всем на свете. Такой умный, умный еврейский мальчик. И еще ты очень милый...

– Ну, некрасивым мужчинам всегда говорят, что они очень милые. Что еще я делаю хорошо? – Алик встал на колени и, притянув к себе Вику, посмотрел ей в глаза.

– Отстань, развратный тип. Я вовсе не это имела в виду, – смеясь, прошептала она. – И вообще вы меня с кем-то путаете, молодой человек. Я не такая. Я зашла выпить чашечку кофе и послушать музыку.

– Я так и понял. У меня и в мыслях-то ничего другого не было.

Он встал и, взяв Вику за руку, поднял с кресла. Она обняла Алика и прижалась щекой к его рубашке.

– Девушка, вы что себе позволяете? Пристаете к постороннему мужчине, – бормотал Алик, крепче прижимая ее к себе. – Вам мама не говорила, что это может плохо кончиться?

– Говорила, но я так и не поняла, что в этом плохого.

– Господи! Испорченная девчонка! – Алик подхватил Вику на руки и понес в спальню.

Они не спали до утра. Не могли оторваться друг от друга, не могли наговориться.

Опять ссорились, вспоминая Вальку и мымру, и тут же мирились. Вика уверяла, что с Валькой у нее был совершенно невинный флирт, а он изменял ей с мымрой всенародно! Да, а поцелуй с Валькой на сцене, это не всенародно? Поцелуй – это ерунда, а он изменял и таскал за собой везде эту мымру! Алик виновато вздыхал, пытался оправдаться, а потом каялся и просил прощения. Вика вспоминала, что надо домой, но Алик обнимал ее и никуда не отпускал. Под утро возник разговор о том, что больше так продолжаться не может, надо что-то менять.

– Не могу я, Вика, понимаешь, просто не могу отпускать тебя. Мне плохо! Я ревную! Тупо, примитивно ревную, как последний идиот! Я в жизни никого не ревновал! А тебя ко всем, ко всем. Даже к твоему манерному дружку Лерику. Знаю, что бред, но когда вижу, как вы обнимаетесь! И вечные эти поцелуйчики, перешептывание, голосок его сладкий. Так бы и дал ему по смазливой роже!

– Ты что, серьезно? – озадаченно спросила Вика. – Совсем очумел? Лерка-то здесь при чем? Это я могу тебя к нему ревновать, слишком много комплиментов он в твой адрес отпускает. А как нежно называет: Алюня, солнце мое! – протянула она нараспев, передразнивая голос Лерика, и рассмеялась.

– Вот то-то и оно! Знаю, что глупо, и все равно злюсь. Не понимаю этой привязанности. Расфуфыренный петух, а вы носите с ним: ах, Лерочка, ох, Лерочка! Ну да черт с ним! Я к тому, что даже этот любитель балетных мальчиков раздражает меня, когда интимно шепчет тебе на ушко свои секретки.

– Да ладно, прекрати. Он нам с Томкой как брат. Мы с первого курса дружим, добрее его и человека-то нет. Лерку все любят. И одевается очень красиво. Необычно – да! Красавец! А какой актер? Гений! Уж это ты должен признать! А то, что его вдохновляют хорошенькие мальчики, – это личное дело Лерика. Чего ты на него взелся?

– Да не взелся я. Просто на себя злюсь, что даже к нему ревную.

– Вот и глупо. Не ревнуй, солнышко, я тебя люблю. Правда-правда, – заверила Вика.

– Если ты действительно любишь меня, то почему нам не пожениться? Вика, да я с тебя и девчонок буду пылинки сдувать! Ну что ты молчишь?

Ничего неожиданного в предложении Алика не было. Она понимала, что не может жить без него. Их разлука была так ужасна для Вики, не дай Бог, чтобы это повторилось! Но разрушить все, что связывало ее со Стасом? Она не могла себе этого даже представить! А девочки? Нет – это совершенно невозможно.

– Алик, милый мой, любимый! Думаешь, мне легко? Думаешь, я не хочу, чтобы мы всегда были вместе? Если бы ты знал, как мне хорошо с тобой! Да я без тебя просто не живу! Пока мы были в ссоре, я существовала, как неодушевленный предмет, как автомат. Просто одна видимость, что живой человек. Но давай подождем. Я не могу так сразу. Мне надо все обдумать. Ты – свободный человек, а я, как цепями, опутана их любовью. Стас, дети, мама, папа, бабуля... Я всем должна! Должна быть веселой, любящей, заботливой, нежной, послушной и очень приличной. Такой безупречной молодой женщиной из хорошей семьи. Комильфо. А то папа и мама очень расстроятся. Мама уже как-то делает скидку на мою творчески безалаберную профессию, но имеет весьма смутное представление о легкости и свободе наших нравов. А папа – весь в своей высокой международной политике, особо ничего не замечает, очень любит Стаса и уверен, что Вика – хорошая девочка.

– Тем более надо освободиться от всех этих условностей! Я же вижу, как тобой Нина Сергеевна командует. Тебе не хочется никого огорчать, но ты уже взрослый человек. И не просто какой-то обычный рядовой человек, а личность. Яркая, сильная личность, а подыгрываешь своим родным. Ты, конечно, очень артистичная, меня всегда удивляло, что на актерский не пошла, но нельзя же до тридцати лет быть в образе хорошей девочки. Вика, надо бороться. Плохо, что тебе всегда все в руки давали. Мало ли как жизнь может повернуться. Поэтому мне так важно быть рядом. Защищать тебя от всего и от всех. Ты так много причин привела, а ведь важно одно – любишь ты меня или просто удобно иметь рядом влюбленного и на все готового ради тебя мужика!

– Ну, зачем так, мой родной? – Вика заглянула ему в глаза. – Ты же знаешь, что я люблю тебя. Сама себе не хотела признаться, но получается, что люблю. Просто дай мне немного времени. Ну, потерпи, пожалуйста, ради меня.

Так и проговорили до утра. Уже рассвело, когда Алик заснул. Вика, счастливая и расстроенная этими разговорами, поняла, что не уснет. Тихонько собралась и пошла домой. Когда пришла, дома никого не было. Люба увела девочек в сад. Надо было придумать что-то в свое оправдание. Вика позвонила маме и рассказала, что банкет затянулся, Томка поссорилась с Ильей, приревновав его к кому-то. Пришлось поехать к ней и как-то утешать. В общем, проговорили всю ночь. Она почти не спала и только что приехала.

– Так что ты не волнуйся, мамусь, все нормально. Сейчас попытаюсь немного поспать. К шести в издательство надо подъехать, а оттуда в Перedelкино, в гости к редактору из «Литгазеты». Пусть Люба заберет девочек, – привычно соврала Вика.

– Я сама заберу. У них сегодня музыка, я прослежу. А когда вернешься? Поздно?

– Ну не знаю. Вряд ли поздно. Но пусть Люба останется. На всякий случай.

Вика сразу же провалилась в сон и спала, пока ее не разбудил телефонный звонок. «Алик», – подумала она и взяла трубку. Но это оказалась Томка.

– Ну что, подруга, как ты? Все нормалек, помирились?

– Да, помирились. Все замечательно.

– Вот видишь, а ты страдала! Все разыграли, как по нотам. Я же говорила, куда он от нас денется?

– Слушай, Томка, но ты уж чересчур... Что ты там плела про то, как нашла нас с Валькой вместе? Такое впечатление, что ты нас где-то в интима нашла. И вообще перестаралась. Такую

обиду изобразила, «она только с Валечкой своим, про подругу забыла», – передразнила Вика Томкин голос, – я потом полночи клялась и божилась, что у нас с Валькой ничего не было.

– Но, наверно, это были приятные полночи? – хихикнула Томка. – А сама-то тоже заигралась! Он тебя танцевать тянет, в руку вцепился мертвой хваткой. А ты, вместо того чтобы слиться с ним в экстазе и помириться, сладко блеешь, что танцуешь только с Валечкой. А Валька – дурак, к тебе ломанулся, я еле перехватить успела!

– Ну да, жутко фальшивым, жалостным голосом стала уговаривать отдать тебе Вальку. Станиславский бы сказал «Не верю!»

– Тоже мне кинокритик! Да мне вот-вот заслуженную дадут, а она «Не верю!» Ты-то Вальке сладко улыбалась, на Алика не смотрела. Не видела, какие у него бешеные глаза были. Мне вчера рассказали, как он Игоря Панова избил вообще ни за что. Конечно, я кинулась спасать Вальку. Не хватало еще, чтобы он за свою доброту пострадал от твоего Отелло. Тебе бы вмазал – ну это ваши дела любовные, а Вальке-то за что? Видела, как я ловко на Вальке повисла и заканючила? Потому что я друзей в обиду не даю!

– Спасибо тебе, Томка, ты настоящий друг и лучшая подруга, – засмеялась Вика.

– Вот то-то! Я приезжаю и вижу – Викуська моя страдает, принца своего потеряла... Непорядок! Томочка раз-два, простейшую сценку придумала, роли раздала и будьте-нате. Хэппи-энд! Влюбленные соединились. Да и куда б он от нас делся? От профессиональных-то лицедеек, да, Викусь?

Вика тихонько засмеялась, легко с Томкой!

– Ну, раз Велехова смеется, значит, все в порядке. Могу спокойно уезжать. Это и есть дружба. А то Жанночка твоя палец о палец не ударила за все время, да еще с мымрой общалась! А ты с ней дружишь. Разве это подруга?

– Да не дружу я с ней, с чего ты взяла? Никита с Аликом всегда вместе, вот и мы общаемся. Да, а мымра-то вчера как?

– А что мымра? Когда Алик тебя через весь зал поволол, как овцу на заклатие, она занервничала. Два раза выходила, с понтом – в туалет, но вас, видимо, и след простыл. Ну, свято место пусто не бывает, с кем-то танцевала. Чего ей теряться? Мужик бросил. С кем ушла – не видела.

– А что ты мне наврала, что у нее ни кожи, ни рожи? Она – красивая, – укорила подругу Вика.

– Ну да, ничего себе, не урод. Но уж так, чтобы красивая? И потом, зачем я буду тебе соль на рану? Это Жанка бы ее красоту расписала во всех подробностях, чтобы тебе жизнь малиной не казалась.

– Ну ладно, Томка, далась тебе эта Жанка. Кто она? Никто. Просто чья-то девушка. Актриса – никакая. Бросит ее Никита, появится другая. А они, кстати, давно вместе?

– Да года три уже. Но у Никиты и законные жены максимум четыре года держались. Так что скоро смена состава произойдет.

– А что, у него много жен было? – поинтересовалась Вика.

– Три. И все актрисы. Никита влюбчивый и женится охотно. Вот только на Жанке почему-то не женился.

– Неужели три? Когда же он успел?

– Ну, дурацкое дело – нехитрое. Потом он все же на десять лет старше нас.

– Да? Я знала, что он постарше, но не думала, что на десять. Ты когда уезжаешь?

– Завтра днем. Сегодня увидимся? Или вы в любовном уединении?

– Как раз нет. Алик сегодня праздник устраивает. Так что приходите с Ильей вечером в Дом кино.

– А можно я Валечку с собой прихвачу? Он, наверно, соскучился по тебе, вы вчера недотанцевали... – невинным голосом спросила Томка.

– Прекрати свои провокации! Мне еще долго на пушечный выстрел подойти к Валечке не дадут, – засмеялась Вика.

И Викина жизнь вернулась в привычное русло. Выходные со Стасом и дочками, а всю неделю веселая суета. Она очень редко ездила в Зеленоград – не было времени. Даже на дачу к бабушке старалась съездить в выходные со Стасом и девчонками. Стас никак это не комментировал. Он был погружен в новую, важную для него тему, работал до глубокой ночи и дней недели не замечал. Если бы Вика не напоминала, что сегодня пятница и они его ждут, он и про это бы забыл. Но Анечка всю неделю ждала папу, и Вика была непреклонна – выходные с семьей. Сама она не обижалась на Стаса. Давно поняла, что она лишь любовница, с которой проводят выходные. Любимая – да! Но любовница. А вся неделя отдана науке. И такие сильные чувства связывали Стаса с этой дамой, что, приезжая к Вике, он скучал и беспокоился, как она там без него, законная супруга? Смешно, но получалось, что Алик ей более муж, чем Стас. Алик знал о ее жизни все, от него не было тайн, он был в курсе всех Викиных планов и забот. Он прочно вошел в ее жизнь. С Ниной Сергеевной и с Любой у него давно был полный альянс. Но Алик сумел завоевать любовь девочек. С Анечкой было проще, ее он просто обожал. «Теперь я знаю, какая ты была в детстве», – говорил он Вике. А Ирочку приручал терпеливо и осторожно, относясь к ней, как рыцарь к своей даме. Он сразу угадал ее слабое место – тщеславие и хвалил за любой пустяк, льстил ей, удивлялся ее небольшим способностям к музыке и рисованию. Вике это не нравилось, но Алик объяснял, что как только завоеует доверие Ирочки, начнет постепенно и осторожно менять ее представления о самой себе и окружающем мире. Вика подумала, что, может быть, у Алика что-то и получится. Твердая убежденность дочери в собственном превосходстве беспокоила все сильнее. Но что делать с этим, Вика не знала. Зависимость и невозможность обходиться без мамы вроде бы уменьшилась, но иногда Ирочка закатывала дикие сцены, требуя внимания Вики.

Однажды Алик сидел в гостиной, помогая Ирочке вырезать и наклеивать картинки в альбом. Анечка отыгрывала свои полчаса. Вдруг он поднялся, подошел и сел рядом с ней.

– Подожди, котенок, пальчики встряхни. Вот так, вот так. Они у тебя напряжены и поэтому устают. Расслабь ручку. Вот так легко, легко положи пальчики на клавиши, погладь их, и они оживут. А теперь плавно, медленно...

Анечка снова начала «Осеннюю песню», но Алик покачал головой.

– Вот послушай, солнышко, как это должно звучать. Природа для Чайковского всегда была источником вдохновения.

Алик стал играть. Плавная печальная мелодия наполнила комнату. Зазвучал тихий голос Алика.

– Слушай, как чист и прозрачен воздух. Далекое поля окутаны лиловой дымкой...

Алик играл. Ирочка, бросившая недовольные взгляды в их сторону, вдруг встала, подошла и, облокотясь на рояль, стала слушать. Вика отложила журнал и тоже прислушалась.

– В низине стелется туман. Это осень. Чувствуете, все холоднее и холоднее? Ветер разбросал на поляны пестрый ковер из листьев...

Алик закончил, поцеловал Анечку в лобик и сказал:

– Вот как это нужно играть. Ты только старайся услышать, что тебе говорит музыка, и поверь, котенок, это совсем несложно. Попробуй еще раз.

– Нет, Алик, сыграй еще что-нибудь, – капризно попросила Ирочка. – Пожалуйста!

– Ну, хорошо. Что вы еще должны разучить?

– Пьеса «Жаворонок», – Анечка стала перелистывать страницы альбома «Времена года».

– Не надо, котенок, – и усмехнулся. – Уж «Жаворонка» как-нибудь...

Светлые, чистые звуки полились вместе с голосом Алика.

– Высоко, высоко по синему небу плывут облака. Рокочет где-то майская гроза, но нет – напугала и рассыпалась брызгами. А вот звенит и звенит песня. Это жаворонок – посланец весны. Весна! Слушайте, как радуется жаворонок.

Вика слушала и удивлялась. Алик никогда не играл прежде. Она даже не особенно задумывалась, почему. У него дома инструмента не было. Прекрасная аппаратура, роскошные пластинки лучших исполнителей – они оба с удовольствием слушали. Но сам он раньше никогда к роялю не подходил.

– Ну что, мои красавицы, – обратился он к девочкам, – поняли, как просто? Давай, Анечка, попробуем.

– Нет, Алик, сыграй еще что-нибудь, – попросила Ирочка.

– Пожалуйста, Алик. И расскажи, о чем ты играешь, – добавила Анечка.

– Ну что бы вам такое сыграть? – Алик задумался на минуту. – Ну, вот давайте послушайте еще о природе. Равель «Восход солнца».

Алик играл. Девочки слушали, затаив дыхание.

– Раннее утро. Природа просыпается, первые лучи солнца освещают травку, цветы, каждый листик. И вот уже яркий свет заливает все вокруг!

Прозвучал последний аккорд. Алик встал.

– Красиво! – сказала Анечка. – Равель?

– Да. Из балета «Дафнис и Хлоя». Вы балет любите?

– Мы только «Щелкунчик» и «Лебединое озеро» смотрели, – недовольно сказала Ирочка. – А так в театр на детские спектакли ходим по воскресеньям. И в консерваторию с бабушкой, на утренние концерты.

– Консерватория – это замечательно. Но балет – чудесное зрелище. В ближайшее время пойдем, я подберу самый красивый для начала. И обязательно послушаем «Волшебную флейту», а я расскажу вам про Моцарта, про его детство.

С тех пор Алик часто занимался с девочками музыкой, терпеливо объясняя их ошибки. Учительница удивлялась переменам и успехам своих учениц, а Нина Сергеевна стала относиться к Алику, как к полноправному члену семьи. И когда стали готовиться ко дню рождения двойняшек, сама пригласила его на семейное торжество. Вика понимала, что не пригласить нельзя, да и девчонки с этим не согласились бы. У них была настоящая дружба – с секретами, обидами и требованиями. А Стас? Стас, скорее всего, не заметит Алика среди гостей. Когда он приезжал в Москву, его больше всего интересовала Анечка и, конечно, Вика. Вот этого она и опасалась. Как Алик отреагирует на трогательную и нежную привязанность Стаса к ней? И еще, конечно, папа. Лев Иванович, в связи с частым отсутствием, редко бывал у Вики. Чаще она с девочками приходила на Алексея Толстого. Поэтому папа о существовании Алика пока не знал. «Да будь что будет!» – решила наконец Вика.

Девчонки пытались выпытать у Алика, какие подарки их ждут. Но он отвечал, что это сюрприз. День рождения пришелся на субботу, что было очень удобно. Но в пятницу надо было угостить друзей в детском саду. Вика хотела купить торт и конфет, как она делала обычно, но Алик просил не хлопотать. Он заказал торт, и его привезут к полднику. Конфет не надо – торт большой, там есть все. Вике стало любопытно, и она пришла вместе с Ниной Сергеевной. Ровно в четыре часа привезли торт и две громадные связки воздушных шаров. Эти колышущиеся облака еле-еле пролезли в двери и вызвали бурю восторгов у детей. Ира и Аня раздавали их, и скоро у всех в руках оказались разноцветные шарики. Когда внесли торт, даже привычная к изыскам международных дипломатических обедов Нина Сергеевна удивленно заулыбалась. Торт был двухъярусный, украшенный шоколадными и марципановыми фигурками. На первом ярусе – мишки, свинки и слоники, а наверху на разноцветной глазури две марципановые куколочки. Дети, возбужденно шумя, столпились вокруг торта, рассматривая зверюшек. Кондитер, доставивший это сладкое чудо, объяснил, что Ира и Аня сейчас подарят своим гостям

шоколадных и марципановых зверей, а потом торт разрежут и раздадут. Он аккуратно брал щипчиками фигурки и укладывал в маленькие пергаментные пакетики, а девочки раздавали пакетики гостям. Своих куколок они принесли домой. Аня хотела подарить папе, а Ирочка раздумывала – подарить Вике или съесть самой? Девочки чувствовали себя героинями дня и были довольны.

Когда Вика спросила Алика, где он сумел заказать такой необычный торт, он пожал плечами:

– Немного фантазии, времени и денег. Поехал на «Большевик» и договорился с директором.

– И все? – удивилась Вика.

– Ну, еще маленькая деталь – звонок из министерства пищевой промышленности.

– А, ну тогда понятно! Не для средних людей.

– Ну что делать, Викусь! Главное, что дети были довольны.

А для своего основного сюрприза он попросил Вику оставить свободную площадку около рояля. Примерно два на два метра. Устанавливая раздвижной стол на двадцать человек, Вика с Любой переставили в гостиной диван и кресла, чтобы оставить свободное место. И все они гадали, что же такое большое собирается привезти Алик?

Народу собралось много. В основном друзья Нины Сергеевны и Льва Ивановича с внуками. Были Викины подруги и Сережа Комаров с женой. Все собрались, но Вика не приглашала к столу, дожидаясь Алика. Он просил не начинать без него. Дети бегали из комнаты в комнату, взрослые вели беседы в гостиной. Наконец приехал Алик и, не заходя в комнату, стал объяснять Вике, что нужно делать. Усадить гостей и никого не пускать в прихожую. Все расселись, с интересом посматривая на дверь. Вошел Алик, поклонился и сел за рояль. Зазвучал марш, в комнату вбежал клоун, и началась веселая кутерьма. Сначала выступил жонглер в ярком костюме. В воздухе мелькали шары, кольца, цветные тарелки, клоун делал сальто-мортале и успевал ассистировать жонглеру. После него вбежали две девушки в блестящих юбочках с оборками, а за ними, на радость детям, две обезьянки тоже в юбочках и три белые болонки с бантиками. Алик играл польки, вальсы, а собачки и обезьянки танцевали. Девушки хвалили их, давали угощение, и маленькие артисты опять кружились и скакали галопом под краковяк. Клоун тоже танцевал, падал, кувыркался и тоже хотел угощение за свои танцы. Потом он принес из прихожей грифельную доску на подставке и большие стоячие счеты. Дрессировщицы писали на доске цифры, а собачки по очереди лаяли столько раз, сколько соответствовало цифре. После них обезьянки считали на счетах. Девушка называла цифру – обезьянка ловко отсчитывала и сдвигала нужное количество костяшек. Другая дрессировщица спрашивала: «Скажи, пожалуйста, Грета правильно посчитала Лола?» И обезьянка Грета, поднимала лапы над головой и хлопала в ладоши. Видимо, это означало, что Лола – молодец. Смеялись даже взрослые, а дети были в полном восторге. Конечно, все они были в цирке, но то, что цирк приехал к ним и клоун разговаривает, подходит и шутит с каждым из них – вызывало радостное изумление. Вика улыбалась, глядя на детей. Она знала, что Алик дружит с цирковыми, и даже узнала одну из девушек – жену приятеля Алика, воздушного гимнаста, но не ожидала такого сюрприза. Под конец одна из девушек вышла вместе с Лолой и Гретой в прихожую и вернулись оттуда с тележкой, на которой лежали две коробки, перевязанные лентами. Обезьянки вдвоем везли тележку за веревочку. Алик играл торжественную медленную мелодию. Когда тележка остановилась около рояля, музыка стихла. Одна из девушек обратилась к своим питомцам:

– Мы пришли поздравить с днем рождения двух девочек – Ирочку и Анечку. Ну-ка давайте поприветствуем наших девочек и вручим им подарки. Как мы приветствуем друзей?

Собачки встали на задние лапки и закружились, а обезьянки подняли лапы и махали ими в воздухе.

– Молодцы! – похвалила дрессировщица. – А сейчас Ира и Аня могут взять свои подарки.

Алик заиграл марш, и девочки с сияющими лицами подошли к тележке. Вика заметила, что Ирочка радуется так же искренне, как Аня. И она еще раз подумала, какой Алик молодец! Не просто принес подарки, а устроил детям настоящий праздник. Артисты, провожаемые аплодисментами, раскланялись и ушли. Алик вышел проводить их. Девочки с нетерпением развязали коробки и остались довольны. У Ани конструктор в глянцевой импортной упаковке. А у Ирочки – кукольный сервиз с множеством предметов. Совсем как настоящий, только маленький. Вернулся Алик, и девочки бросились к нему, наперебой делясь впечатлениями.

Только Вика хотела представить Алика гостям, как ее опередила Нина Сергеевна.

– Прошу, друзья, познакомиться – это Алик, друг нашего дома, Викусин коллега, музыкант, знаток русской поэзии и прекрасный педагог. Под его руководством наши девочки полностью изменили свое отношение к музыке.

– Нина Сергеевна, вы меня просто смутили! Ну, какой из меня педагог?

– Не спорьте, Алик. Спасибо за ваш сюрприз. Вы доставили удовольствие не только детям, – и она стала знакомить Алика с гостями. Алик, улыбаясь, пожимал протянутые руки. Со Стасом он обменялся рукопожатием вполне непринужденно. Нина Сергеевна усадила его рядом с собой и, указав на свою подругу, попросила не давать ей скучать. Алик тут же включился в игру и развлекал свою даму весь вечер. Вика с благодарностью подумала о маме, как легко и естественно она ввела Алика в их ближайшее окружение.

С тех пор он стал бывать на всех семейных праздниках. На Викин день рождения, отмечаемый в семейном кругу, пришел с официальным букетом красных роз. И этот букет скромно и нейтрально выглядел рядом с роскошными цветами Стаса – бледно-желтые розы, Викины любимые. Чувство такта было присуще Алику. Но в коридоре он вручил ей бархатную коробочку и прошептал:

– Потом посмотришь. Это в честь юбилея. Ровно год.

– Год будет завтра, – тоже шепотом поправила Вика.

– Вот завтра и отпразднуем. Я стол в Архангельском заказал, – и быстро поцеловал ее.

У себя в спальне Вика заглянула в коробочку: изумительной красоты старинная брошка-бабочка с бриллиантками и сапфирами. «Вот сумасшедший! – подумала она. – Завтра приколю к платю».

После нескольких встреч со Стасом Алик погрузился и как-то сказал, что понимает теперь, почему Вика так тянет с окончательным решением. Конкурировать с ее мужем трудно! Жаль, что он так симпатичен и так умен. Ему-то казалось, что гении – все сплошь эгоисты, с плохим характером. Но это, наверное, в искусстве, а в науке – такие вот приятные во всех отношениях господа. Поэтому, когда в начале мая Стас стал собираться в Америку читать лекции, Алик повеселел. Стас уверял, что поездка не продлится больше трех месяцев, но Вика знала, что все эти лекции, университеты, конференции и симпозиумы – процесс бесконечный. Как только заканчиваются очередные исследования или делается очередное открытие – начинаются научные обсуждения новой теории или как там у них называется. А в Америке еще перевели и издали две книги Стаса, так что ему найдется чем заняться. Ну что ж, хорошо, что у нее есть Алик. Действительно, взять да и выйти за него замуж. Девчонки его любят, мама тоже. А с папой и его приятелями он очень удачно сыграл пару раз в преферанс и был принят в мужскую компанию. Стас для папы мил, приятен и уважаем, но Алик – человек более земной и понятный.

Но когда Вика встречалась с мужем, видела его радость, видела, с какой любовью он смотрит на нее, то понимала – никуда она не уйдет! Какая-то неразрывная связь существует между ними. Может, что-то из прошлой жизни, что-то, что так крепко держит их, не давая разрушиться такому странному браку.

Стас уехал, а жизнь без него текла, как обычно. Вика в соавторстве с приятелем-драматургом написала две пьесы, и они готовились к постановке. Все свободное время проводила с Аликом, иногда дома, с девочками, но чаще в компании друзей.

Летом начались поездки на дачу, к детям. Алик совершенно обаял бабушку и тетю Нату, а ведь у них Стас всегда в любимчиках ходил. Но Алик читал бабуле и тете Бальмонта, Блока, Ахматову, и они таяли от удовольствия и внимания. Когда приезжал Лев Иванович и гости, устраивался большой праздник с шашлыками, пирогами и шумным весельем. Алика уговаривали остаться ночевать – дом большой, места всем хватит. Куда ехать так поздно, тем более выпивали? Но Алик никогда не оставался, обещал приехать завтра.

– Не могу, Викусь, – объяснял он. – Боюсь, не выдержу, проникну к тебе, и Лев Иванович застучает нас, как сопливых десятиклассников. Представляешь картинку? Я за тобой завтра приеду.

Вика, смеясь, провожала его до машины. И в темноте они целовались, «как сопливые десятиклассники».

В конце июня мама с папой и девочки уехали в Ялту, в санаторий, а Вика с Аликом наслаждались полной свободой. Этим летом, в июле, проходил кинофестиваль, так что вся «киношная и околокиношная» публика вернулась в Москву. Открытие, просмотры и пресс-бар, где до утра не затихало веселье. После закрытия утомленные киношники потянулись на юг.

Вика с Аликом и Никита со своей новой девушкой уехали в Пицунду, в Дом творчества. Девушка Вероника – тоже актриса, Никита своим вкусом не изменял, была очень милой, женственной, с каким-то одухотворенным взглядом серых глаз. С ней было легко и спокойно. Вероника обладала некой женской мудростью, что было совершенно несвойственно бывшим подругам и женам Никиты. Он тоже изменился. Харизматичный, подчеркнуто галантный по отношению к любой девушке из их компании, он всегда был чуть ироничен. То ли шутит, то ли серьезно говорит – не поймешь. На Веронику же смотрел с недоверчивой нежностью, хотя и говорил при этом шутливым тоном. С Никитой отдыхать и праздновать всегда было очень приятно. Он умел все организовать, договориться, создать легкое, праздничное настроение. Не считал за труд сорваться с пляжа, съездить на рынок в Гагры, закупить горы вкуснейших вещей, и в ближайшем пляжном кафе вдруг появлялся роскошно накрытый стол. Люди, стоящие в очереди за сосиской и лимонадом, с изумлением взирали на это изобилие. А Никита, как ни в чем не бывало, появлялся возле лениво загорающей компании и приглашал:

– Прошу, господа, закусить чем Бог послал и выпить холодного домашнего вина.

Он всем, за исключением нескольких близких друзей, говорил «вы». Это было странно слышать в артистической среде, где на «ты» переходили легко и быстро. Но эта игра шла ему, и его «вы» звучало изысканно, а не официально. Где-то около полудня он мог приподняться с шезлонга и спросить:

– Вика, а не выпить ли нам с вами портвейного вина?

– Я бы с удовольствием, Никита, но не хочу вас затруднять.

– Помилуйте, Вика, какие трудности? Только прикажите.

– Сопьетесь, такая жара и портвейн... – недовольно бурчал Алик.

Но Никита уже уходил и, вернувшись, приносил бутылку вина «Черные глаза», пластиковые стаканчики, горячий лаваш и вымытую кисть винограда. Наливал в два стакана, желающих пить в жару портвейн не находилось, и протягивал Вике – «Прошу».

– Какая роскошь, – радовалась Вика, любившая сладкое вино. – Никита, вы – волшебник.

Внимание Никиты даже к таким мелочам трогало ее. Он умудрялся всех окружить заботой. Редкая черта в их обществе. Люди творческих профессий вообще довольно эгоистичны, а в Никите эгоизма не было и в помине. Так что отдыхать с ним было очень комфортно.

Знакомых в Доме творчества – великое множество, все съехались после кинофестиваля. Спорили о фильмах, о наградах, обсуждали мировых знаменитостей – кто в чем, кто с кем и кто как выглядит в обычной жизни. Все-таки две недели каждую ночь танцевали и сидели бок о бок в пресс-баре. Вообще было весело, Вика любила отдыхать с киношниками. Приехал туда и Валька с девушкой. Алик сначала напрягся, но Валька был такой милый и добрый, что злиться на него просто глупо. Тем более он был влюблен и собирался жениться. Алик успокоился.

Томка с новым поклонником отдыхала в Сочи. В «Жемчужине» тоже собралась веселая компания. Так что ездили туда-сюда. Все это хоть и называлось отдыхом, но было весьма утомительно. Досыпали на пляже, рискуя обгореть.

В конце августа вернулись в Москву. Надо было готовиться к школе. На семейном совете решено было отдать девочек в школу этой осенью. Шесть с половиной лет, девочки читали, писали, что держать их еще год? Записали в бывшую Викину школу. Она была с углубленным изучением английского языка и по-прежнему престижна. Лии Исааковны давно уже в школе не было. Но директорствовала одна из прежних Викиных преподавательниц. Укорила Вику, что та не бывает на вечерах встреч, только от Комарова и узнавали о ней. Всегда знали, что Вика талантлива, и очень гордятся ею. Вике стало смешно, но она поблагодарила и пообещала приходить на встречи. Самой хочется увидеть всех, но со временем тяжело было – двое детей, учеба, потом работа... Директриса закивала, конечно, все понятно, но теперь дочки пошли в школу, так что встречаться будут чаще... Вика не стала заранее огорчать директрису, что воспитательным процессом по-прежнему занимается Нина Сергеевна, и согласно кивала. Познакомившись с девочками, директриса осталась довольна – очень развитые и воспитанные дети, а красота Ирочки, как обычно, сыграла свою роль. Тут же было предложено поручить Ирочке дать «Первый звонок».

– К нам первого сентября такие люди приезжают! И пресса, и даже телевидение иногда, – сказала директриса. – Думали, какую девочку выбрать? А теперь все сомнения отпали – конечно, Ирочку!

Так продолжалось все школьные годы, всегда и везде на первом плане Ирочка. И когда в 1994 году школу посетила королева Елизавета, разумеется, Ирочка вручала ей цветы и приветствовала от лица всех учеников. Борьба с этим было бесполезно, а характер девочки отнюдь не улучшался.

Когда в первое утро сентября в переполненном школьном дворе, из-за букетов больше похожем на цветущий сад, появилась Ирочка – двор взорвался аплодисментами. Действительно, сидящая на плече симпатичного десятиклассника девочка выглядела просто очаровательно. Ирочке пришлось подождать, пока зрители успокоятся, и только потом, балетно-красивым движением тоненькой руки, прозвенеть колокольчиком. Так началась школьная жизнь девочек.

Анечка училась с удовольствием, удивляя учителей своими способностями. В школе ее любили все – и дети, и преподаватели. Ирочка же училась неровно, в зависимости от настроения. То, что ей было интересно, делала охотно. Если же казалось скучным, она капризничала и не хотела приложить ни малейших усилий. Но Нина Сергеевна строго следила за их школьной жизнью и не давала Ирочке расслабиться. Со слезами и капризами, но приходилось заниматься. Ее отношения с детьми тоже были неровными. В младших классах все девочки относились к ней с обожанием, мечтали дружить, но Ирочкины привязанности менялись так же быстро, как и настроение. Обид и слез у отставных «фавориток» было множество! А когда стали постарше, желающих дружить с Ирочкой заметно поубавилось. Девочки стали напряженно равнодушны, но зато мальчики с каждым годом окружали ее все большим и большим поклонением. Ира к своим рыцарям относилась с равнодушным пренебрежением, как к чему-то само собой разумеющемуся. Так что друзей в школе у нее не было, но, похоже, ей они и не были нужны. Ирочка была странной девочкой, и Вика не могла понять, что с ней не так.

Алик даже познакомился с известным специалистом по практической психологии, который занимался проблемными детьми. Он приглашал врача на просмотры хороших фильмов в Дом кино, доставал билеты в Большой театр, приглашал в рестораны. И подружившись с ним, привел к Вике. Целью было понаблюдать девочек-близнецов в обычной обстановке и высказать свое мнение.

Психолог оказался симпатичным, спокойным человеком, с девочками общался ненавязчиво и непринужденно. Они посчитали его обыкновенным гостем и вели себя, как всегда, не стесняясь и не напрягаясь. Вика с волнением ждала мнения врача, Алик заранее рассказал о ее беспокойстве за Ирочку. Но психолог успокоил Вику, объяснив, что иногда двойняшки испытывают друг к другу антагонизм. У них появляется соперничество. И они растут, как одиночно рожденные дети. То есть ссорятся, пытаются бороться за любовь и внимание родителей. Ничего странного и тем более тревожного в этом нет. То, что они такие разные по характеру, – вполне объяснимо. Обе девочки очень умные, сообразительные, интересные. Ирочке, в отличие от сестры, присущ крайний индивидуализм. Она, конечно, более сложный ребенок. Возможно, чрезмерное внимание, оказываемое в детстве, повлияло на ее характер. Может быть, на уровне подсознания она чувствует, что Анечка лучше или что ее сильнее любят, – трудно пока сказать. Несомненно, что редкостная красота, которой одарила ее природа, сыграла не последнюю роль. Красота – это дар божий, но в случае с Ирочкой этот подарок осложнил ее отношения с окружающими. Возможно, когда она станет постарше, изменится ее уверенность в собственном превосходстве над остальными. Скорее всего, так и будет. Никаких поводов для беспокойства он не видит. И Вика успокоилась. Конечно, со временем Ирочка изменится к лучшему.

В семейной жизни Вики ничего не менялось. Стас жил и работал в Зеленограде, не собираясь переезжать в Москву, хотя получал заманчивые предложения. Он был погружен в свою микроэлектронику, а в Стэнфордский университет ездил уже как в свой и проводил там по несколько месяцев. Вику по-прежнему любил и по-прежнему мучился чувством вины за то, что так мало времени уделяет своей семье. Вика успокаивала – никакой вины нет, они любят друг друга, они – семья.

Алик периодически требовал, чтобы она развелась, но Вика приводила все новые и новые доводы и просила потерпеть. Конечно, она выйдет за него замуж, но вот только не сейчас. Надо подготовить Стаса, а у него в работе как раз происходит что-то очень важное, не может же она вот так, как нож в спину... Алик злился, но ничего не мог поделать. И ждал. Вика познакомилась с его родителями и стала иногда бывать в их доме в странном качестве – подруги сына. Первый раз приехали с Аликом на семейный обед в его день рождения. А потом, нечасто, но он тащил ее с собой, объясняя, что не может полдня провести у родителей, не видя Вику. К ней там отнеслись без особого восторга, но вполне лояльно. У Беллы Михайловны, его мамы, разумеется, не было повода для радости, она мечтала о внуках и нормальной семейной жизни для сына. Мама преподавала музыку и уже пережила разочарование оттого, что Алик не оправдал ее надежд. И, бывая у родителей, он, желая доставить маме удовольствие, подолгу играл. Вика уже знала, что Алик прекрасный исполнитель. У них на Неждановой он играл редко. Когда Вика просила, шутливо отговаривался и садился за рояль только, когда девчонки уговаривали, с педагогической целью. Однажды Вика спросила, почему он бросил музыку? Алик ответил, что не хотел быть вторым, а на первого не тянет.

По настоянию отца он поступил на заочный в Плехановский. Отец боялся быстрых перемен, происходящих в стране. Прикрывать Алика, занимающего должность без всякого основания, когда-то станет невозможно. Для спокойствия родителей Алик решил получить диплом.

А перемены действительно были. Перестройка шла полным ходом. Уже открыто поругивали власть, цензура, в лице худсоветов, стала снисходительнее к литераторам и режиссерам. Открывались кооперативы. Появился коммерческий ресторан на Кропоткинской. Вика

с друзьями сразу отправились посмотреть, что это такое. Ресторан был небольшой, но уютный. Посетителей здесь называли «господа» и вежливо обслуживали. Никакого панибратства, к которому привыкли завсегдатаи московских ресторанов, не было. Официанты их не знали, но, похоже, вежливость была здесь непременным атрибутом. Еда оказалась не совсем ресторанной, но по-домашнему вкусной. Вообще вполне неплохо для начала. Потом рестораны и ночные клубы стали появляться один за другим. Многие приятели-актеры открывали свои маленькие ресторанчики, это стало модно. Но творческие люди по натуре беспечны, и работать в таком серьезном и трудном деле им скоро надоело. Поиграли и бросили. Но уже стали появляться настоящие рестораторы, и Москва заполнилась заведениями на все вкусы. Как-то незаметно перестали ездить в Архангельское. В городе было полно мест, где музыка гремела до утра. Атмосферы такой там, правда, не было, да и публика собиралась совершенно иная... Раньше в десятке лучших «интуристовских» ресторанов и в творческих домах сидели люди почти всегда одни и те же. Это была вся артистическая Москва, богатые советские коммерсанты-«теневики», дети высокопоставленных чиновников и партийных бонз, иностранцы – представители торговых фирм, «фирмачи» и аккредитованные журналисты, просто красивые молодые женщины – чьи-то жены, и так, по мелочи – фарцовщики, валютчики, манекенщицы и «центровые девушки» – жрицы любви. Все они были если и не знакомы между собой, то визуально привычны. Просто знакомые лица.

А теперь Вику и ее друзей окружали вечерами совершенно новые люди. Они были хамоваты, невоспитанны, ужасно одеты, их женщины были вульгарны. Разговаривали громко, и эта малограмотная речь резала слух. Но самое удивительное, что неумение вести себя их совершенно не смущало. Они были уверены в себе и швыряли свои легкие деньги с купеческим надрывом. Московская богема перестала бывать в ставших вдруг чужими ресторанах и обосновалась у себя – в ЦДЛ, Доме кино и Домжуре. И рестораны этих домов продержались еще несколько лет.

Стас стал чаще уезжать, Вика уже не пыталась удерживать его. Он был ученым с мировым именем, и бесполезно уговаривать мужа жить и работать поближе к ним. Вот и выходило, что у них с Аликом что-то больше похоже на семейные отношения, чем на адюльтер. Но это ничего не меняло. Стас оставался. Наверно, эта была какая-то прекрасная Викина мечта, а преданный, заботливый Алик – реальность. Вот если бы Стас разлюбил ее, тогда она точно вышла бы замуж за Алика. Но Стас, кроме науки, любил только Вику и детей, в особенности Анечку.

В восемьдесят девятом году в Минске умер отец Стаса, и он поехал на похороны. Она хотела ехать с ним, но Стас отговорил, сказав, что ему легче будет одному. Вика подумала, что теперь он круглый сирота, никого у него нет, кроме нее. И как она может уйти? Оставить его совсем одного? Нет.

Стас привез из Минска небольшой чемодан с фотографиями и какими-то дорогими ему вещами. Разбирая в Зеленограде фотографии, Вика вдруг замерла, всматриваясь. На снимке была совсем молодая девушка с удивительными прозрачно-кошачьими глазами. Такой знакомый лениво-уверенный взгляд, такая поразительная красота! Фотография была старой, черно-белой, но на Вику смотрела Иришка, только более взрослая. Она показала фото Стасу.

– Это, наверное, твоя мама?

– Да, это мама. Еще до свадьбы с отцом.

– Посмотри, милый, какое сходство с Иришкой. Жаль, у тебя не было этой фотографии раньше. Надо было Иришку назвать Анной.

– Да, очень похожи. А я и не замечал. Мало маминих фотографий дома было. Я не очень хорошо ее помню.

– А от чего она умерла?

– Утонула. Мне тогда семь лет было. Отец не рассказывал подробностей.

– Бедный мой, любимый мальчик. – Вика обняла Стаса и прижалась щекой к его плечу, а он крепко обхватил ее руками и долго не отпускал. Нет, никогда она не оставит Стаса. Пусть она плохая жена, но пока ему нужна, будет рядом.

А вскоре после этого поехала с Аликом к его родителям на праздничный обед. Белла Михайловна прекрасно готовила, всегда были какие-то необычные для Вики блюда. После обеда Алик с отцом смотрели футбол. Смотрели, как всегда, с криками, спорами, подбадривая и ругая игроков. А Вика с Беллой Михайловной убирала со стола. На кухне, отставив посуду, мама Алика попросила Вику присесть, есть разговор.

– Вика, дорогая, я хочу вас кое о чем попросить. Разговор непростой, но я заранее прошу извинения. Вы – мать и должны понять меня. Судьба Алика, его дальнейшая жизнь – самое главное для нас.

Вика подумала, что сейчас и Белла Михайловна начнет спрашивать о разводе и браке с Аликом. Она напряглась, понимая, что маме все ее причины, оттягивающие развод, покажутся неубедительными.

– Вика, вы мне симпатичны. Не хочу вмешиваться в ваши с Аликом отношения, но три года – достаточный срок для принятия каких-то решений. Раз все остается без изменений, значит, ничего менять вы не собираетесь. Но Алику уже тридцать, и пора ему подумать о семье. Я знаю, какое влияние вы на него имеете, поэтому прошу вас помочь. Вы, наверно, не раз слышали, что у нас есть близкие друзья в Будапеште? Срок их работы в торгпредстве закончился, и они недавно вернулись в Москву. У них есть дочь – Лилечка, чудная девушка. Закончила в Будапеште университет, ей двадцать пять лет, красивая, спокойная, воспитанная. В общем, о такой жене можно только мечтать. А она в Алика влюблена с детства. Но он уперся, как баран – ни в какую! Ничего не хочет слушать, все шуточки... У вас есть семья, дети, но и Алику пора подумать об этом. Такая жена, как Лиля, никогда не будет вмешиваться в жизнь мужа или устраивать вульгарные сцены. Она слишком хорошо воспитана, к тому же понимает, что такое разумный брак. Алик может жить, как он привык. Ну, соблюдая приличия, разумеется. Поговорите с ним, Вика, я вас очень прошу! Так хочется, чтобы он не болтался одиноким бобылем, ведь мы с отцом не вечны. Семья человеку необходима. Не всегда же мужчина молод, здоров, успешен и окружен привлекательными, интересными женщинами. Время так летит! Одинокая старость, что может быть печальнее? Помогите мне, Вика, у меня вся надежда на вас.

Белла Михайловна с грустью смотрела на нее, и Вика растерялась.

– Конечно, конечно, Белла Михайловна, я поговорю. Только вы преувеличиваете степень моего влияния. Алик привык все решать сам и в таком серьезном вопросе ничьих советов слушать не станет.

Оставшееся время визита Вика вытерпела с трудом. Она старалась не встречаться глазами с Беллой Михайловной и заставляла себя улыбаться шуткам Алика и его отца. Наконец они вышли на улицу и сели в машину. И здесь Вика не выдержала и расплакалась. Алик испуганно взглянул на нее и нажал на тормоз.

– Викусь, ты что? Ударилась обо что-то? Где болит?

– Не знаю, везде... Не женись, пожалуйста, Алик! Не бросай меня! Я просто умру.

– О господи! – Алик вздохнул с облегчением. – Я-то думал, ты об дверь ударилась. Ну, ты даешь, Викусь! Что это на тебя нашло? – И он медленно выехал со двора.

– Не женись на Лильке, зачем она тебе?

– А, ну понятно! Мама с тобой поделилась своими брачными планами... Не плачь, родная, не собираюсь я на Лильке жениться.

– Ты правда не влюблен в нее? – тревожно спросила Вика. – Тебе ведь никто, кроме меня, не нужен? Скажи, что никто!

– Успокойся! Сейчас точно как Ирка сказала. Даже интонации те же. Никто мне, кроме тебя, не нужен. Это, к несчастью для меня, правда.

– Почему к несчастью? Разве ты несчастлив со мной? Алик, тебе со мной плохо?

– Да хорошо! Слишком хорошо, вот в том-то и беда. Мама права, если бы ты любила меня, давно развелась и жили бы, как люди. Я – дурак, верю твоим обещаниям и сижу, как пришитый, возле тебя.

– Неправда! Я люблю тебя, и ты это прекрасно знаешь! Очень люблю! Даже не представляю, как без тебя жить. И я что-нибудь придумаю, вот увидишь! Девчонки чуть-чуть подрастут...

– Ох, Вика, хватит! – перебил ее Алик. – Три года слышу... Не в девчонках дело, а в Стасе. Ты с ним не можешь расстаться.

Вика не отвечала, плакала молча. Все правильно, дело не в детях... Алик прав, скоро ему все это надоест, и она останется одна. Слезы текли, и Вика жалобно всхлипывала. Алик не выдержал, остановил машину и обнял Вику.

– Ну, все, все, хватит. Не плачь, моя маленькая. Ну что случилось? Перестать, малыш! Конечно, мы будем вместе, я буду ждать. Куда я на фиг денусь с подводной лодки!

Он рассмеялся, и Вика тоже улыбнулась, вытирая лицо салфеткой.

– Правда не бросишь меня?

– Гадом буду! – с серьезным видом пообещал Алик, и Вика рассмеялась.

– Ну, вот и хорошо! А то целое море наплакала, дурочка моя! Не бойся! Не нужны мне никакие невесты, кроме тебя. И дети никакие не нужны, кроме наших девчонок.

Вика прижалась к нему и прошептала:

– Ох, Алик, ты даже представить не можешь, как я тебя люблю!

– «Ах, обмануть меня не трудно. Я сам обманываться рад...» По-моему, ты сильно преувеличиваешь, сказочница. Но я рад. Вдруг ты в кои веки сказала правду?

Вика успокоилась, и все пошло по-прежнему. С работой, правда, стало сложнее. К девяностому году почти перестали печатать. Сценарий, который она написала, понравился всем, и старый вгиковский приятель-режиссер собирался снять «маленький шедевр». Но и на «Мосфильме» наступила тревожная тишина, финансирование прекратилось, павильоны пустовали. Жизнь и страсти кипели только на телевидении. Народ жадно смотрел и слушал. С продуктами в магазинах стало совсем плохо. Вика покупала в «Березке» и возила на дачу раз в неделю полную сумку. В Клязьме магазин просто закрылся. Бабуля и тетя Ната охали, уговаривали не беспокоиться, лучше детям, а у них большой запас крупы, да и огород скоро выручит. Тетя Ната в этом году посадила больше обычного. Слава богу, молочница по-прежнему носит молоко!

Но Вика только обнимала бабулю. Господи, совсем старенькая стала! Бедная генеральша! Дожила до того, что на крупы и огород надеется. А когда-то на Песчаную водитель сумки со спецзаказами возил еженедельно. Как кстати оказались папины чеки и валюта, заработанная Стасом. Ходили слухи, что валютные магазины скоро закроются. Доллары уже свободно меняют на рубли, а недавно это было страшным криминалом. Чудеса!

Но в уютном ресторане Дома кино пока ничего не менялось. То же меню и та же публика. Никита женился на своей Веронике, и они частенько ходили вечером на ее спектакли, чтобы поддержать артистов. «Изображаем публику», – грустно шутил Никита. Зал теперь на треть не заполнялся. А ведь хороший театр и актеры хорошие! После спектакля допоздна сидели в ресторане, поднимая настроение. Настроение от шампанского поднималось быстро, подходили и подсаживались знакомые. Новые анекдоты о перестройке, смех, шутки, сплетни, и вот уже забыты тревожные мысли. Жизнь продолжается, господа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.